

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 16, № 4

Октябрь – декабрь 2023

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова, А. С. Отто
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

16 +

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 16, No. 4

October – December 2023

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriluk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova, A. S. Otto
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824
16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriiliuk

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov

PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Амбарова П. А. Социальное благополучие учащейся молодежи: региональные аспекты в общероссийском контексте	9
Белоножко М. Л., Конев Ю. М., Пинигин И. Е. Социальные показатели системы управления устойчивым развитием арктических территорий	30
Гадиева А. Н., Вершинин И. С. Гражданское общество в региональном контексте	43
Герасимова Г. И., Крюкова С. А. Комплексный подход к взаимодействию субъектов социально-политического процесса	58
Легостаева И. В. Сторителлинг в корпоративной культуре университета	71
Попкова А. А., Силин А. Н., Колтунов А. Л. Трансформация ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в центры общественного развития территории	92
Ребышева Л. В., Толмачева С. В., Белоножко Л. Н. Исследование интернет-зависимости молодежи	108
Спирин И. С., Величко А. Н., Барбаков О. М. О роли проектной деятельности в подготовке IT-специалистов	127
Ткачева Н. А., Юдашкин А. В. Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона	142

CONTENTS

Ambarova P. A. Social well-being of students: regional aspects in the Russian context	9
Belonozhko M. L., Konev Yu. M., Pinigin I. E. Social indicators of the management system for sustainable development in the Arctic	30
Gadieva A. N., Vershinin I. S. Civil society in the regional context	43
Gerasimova G. I., Kryukova S. A. An integrated approach to interaction subjects of the socio-political process	58
Legostaeva I. V. Storytelling in the university corporate culture	71
Popkova A. A., Silin A. N., Koltunov A. L. Transformation of resource centers for support of socially oriented non-profit organizations into centers of social development of the territory	92
Rebysheva L. V., Tolmacheva S. V., Belonozhko L. N. A research on Internet addiction among young people	108
Spirin I. S., Velichko A. N., Barbakov O. M. Project activity in a university as a form of training IT specialists	127
Tkacheva N. A., Yudashkin A. V. Families with migration history in the context of regional social development policy	142

УДК 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29

Социальное благополучие учащейся молодежи: региональные аспекты в общероссийском контексте

П. А. Амбарова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
borges75@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены ключевые показатели и проблемы социального благополучия молодежи одного из северных регионов России: Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югры) на фоне результатов исследований того же феномена в других регионах страны, а также во всероссийском масштабе. Цель — выявить в сравнительном анализе схожие показатели и различия основных элементов социального благополучия молодежи ХМАО — Югры. Кроме того, решается методическая задача определения возможностей корректного сравнения результатов исследований социального благополучия, проведенных по разным методикам. Эмпирическая база статьи: результаты массового опроса студентов вузов и организаций среднего профессионального образования ХМАО — Югры (2022 г.), а также вторичный анализ данных региональных и общероссийских исследований социального благополучия (с 2013 по 2022 гг.). Сделаны выводы о том, что ключевыми особенностями социального благополучия учащейся молодежи северного региона являются высокий уровень ощущения счастья и отсутствие финансовых проблем на фоне материального благополучия родительских семей. В то же время обосновано положение о схожести представлений о социальном благополучии и его состоянии по таким показателям, как удовлетворенность жизнью и оценка здоровья. Практическая значимость полученных результатов заключается в их использовании в работе органов государственного и муниципального управления, учреждений образования, культуры и молодежной политики для моделирования региональных процессов, формирующих код социального благополучия в условиях Севера и способствующих закреплению молодежи на территории, социально-профессиональному воспроизводству регионального сообщества.

Ключевые слова: молодежь, северный регион, социальное благополучие, удовлетворенность жизнью, личное счастье

Для цитирования: Амбарова, П. А. Социальное благополучие учащейся молодежи: региональные аспекты в общероссийском контексте / П. А. Амбарова. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 4. — С. 9–29.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания по науке БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг. по теме «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций».

Social well-being of students: regional aspects in the Russian context

Polina A. Ambarova

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
borges75@mail.ru*

Abstract. The article discusses the social well-being of young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, a northern region of Russia. It presents key indicators and issues and compares them with research findings on this subject in other regions of the country and on a national level. The aim is to identify in a comparative analysis similar indicators and differences in the key components of the social well-being among young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra. In addition, the methodological task of determining the possibilities of correct comparison of the results of social well-being studies conducted using different methods is being solved. The empirical basis of the article is the results of a mass survey of students of universities and secondary vocational education organisations of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra (2022), as well as secondary analysis of data from regional and Russian studies of social well-being (from 2013 to 2022). The study concludes that the key features of social well-being among students in the northern region are high levels of happiness and absence of financial concerns relative to the material prosperity of their families. Furthermore, the research supports the correlation between perceptions of social well-being and its condition as measured by life satisfaction and health evaluation. The results have practical importance for public and municipal administration, educational, cultural, and youth policy institutions, modelling regional processes, forming the code of social well-being in the North and contributing to the retention of young people in the region and socio-professional reproduction of the regional community.

Keywords: youth, northern region, social well-being, life satisfaction, personal happiness

For citation: Ambarova, P. A. (2023). Social well-being of students: regional aspects in the Russian context. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 9-29. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the state task for science of the Surgut State Pedagogical University for 2021-2023 on the topic "Dynamics of social well-being of young people in the conditions of the North: The Ugra cross-section in the context of Russian trends

Введение

Категория социального благополучия (СБ) приобрела на территориях северных регионов России особый код, выявить который возможно в сопоставлении с общероссийскими и мировыми тенденциями, влияющими на формирование в обществе его объективного и субъективного восприятия. СБ россиян — не есть сумма показателей СБ жителей всех российских регионов, хотя бы потому, что в изучении субъективных социальных феноменов, детерминируемых огромным количеством факторов, плохо работают суммативные методологические подходы, требующие в этом случае применения разных поправок и коэффициентов.

Другое обстоятельство, осложняющее обобщающие исследования СБ, состоит в постоянном методическом поиске социологов. Исследователи измеряют столь сложный феномен разными инструментами, стремясь найти какой-то универсальный подход к решению данной исследовательской задачи. Не только выбор показателей и индикаторов, но и метод анализа данных может давать разную картину СБ и его обусловленности теми или иными факторами.

Названные моменты создают определенные ограничения для сопоставления данных разных исследований СБ, однако не делают данную задачу абсолютно невыполнимой. В связи с этим в статье сделана попытка выявить в сравнительном анализе схожие показатели и различия основных элементов социального благополучия моло-

дежи Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югры). Для этого сначала мы рассмотрим общие или близкие показатели, использованные в разных исследованиях, отобранных нами для сравнения. Затем проинтерпретируем по выделенным показателям данные нашего и других исследований СБ. В заключение обобщим особенные и общие характеристики СБ молодежи ХМАО — Югры.

Литературный обзор

СБ посвящено огромное количество монографий и научных статей. Среди последних есть такие, которые имеют характер систематического обзора [1–5]. Для нашей статьи нет смысла повторять ту же самую процедуру или пересказывать заключения, уже сделанные авторами. И все же данный раздел статьи функционально необходим, поскольку в нем мы сделаем акцент на работах, имеющих методический характер, а также на исследованиях СБ, осуществленных в сопоставимом региональном масштабе.

Методологии измерения СБ в последнее время уделяли особое внимание Г. Г. Татарова с соавторами, Л. С. Киселёва, коллектив социологов Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) под руководством М. Ф. Черныша.

Г. Г. Татарова и А. В. Кученкова, соотнеся между собой концепты СБ и субъективного благополучия [6; 7], предложили методику оценки последнего применительно к сфере труда наемных работников. Анализируя различные модели измерения субъективного благополучия, исследователи сделали вывод о том, что их базовыми элементами являются удовлетворенность жизнью и ощущение счастья [7]. Кроме того, авторы обосновали необходимость учета такой детерминанты субъективного благополучия, как этап жизненного цикла, понимая под ним особый период жизни человека, который сопровождается изменениями его социальной роли и статуса (детство, юность, взрослость, старость, подготовка к трудовой деятельности, занятость, выход на пенсию). По их мнению, социально-демографические переменные (возраст, семейное положение, статус занятости, наличие детей), характеризующие каждый этап жизненного цикла, влияют на субъективное благополучие [8].

Л. С. Киселёва обобщила и классифицировала различные методологические и методические подходы к исследованию благополучия, сделав вывод о том, что разработка его комплексных показателей — молодое перспективное направление оценки как объективных (количественных), так и субъективных (качественных) показателей, сформировавшееся на стыке экономических, социологических, психологических и политологических теорий [9]. Она также заключила, что благополучие следует рассматривать на разных уровнях, начиная с национального (макро) и заканчивая личностным (микро).

Ее анализ показал, что категория СБ входит в состав многих индексных методик и замеряется самым широким спектром показателей. Изучение исследовательских практик ведущих социологических центров (Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда общественного мнения (ФОМ), Левада-центра, ФНИСЦ РАН) позволило автору систематизировать эти показатели и выявить среди них инварианты, в том числе удовлетворенность людей различными аспектами их жизни и счастье.

Системное обобщение методик измерения СБ (как в его субъективном, так и объективном измерении) было осуществлено в рамках исследовательского проекта ФНИСЦ РАН «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» [10]. Его авторы подчеркнули, что «множественность социального благополучия имеет сложную архитектуру объективных и субъективных компонентов, подвижный социоструктурный характер» [11], что обуславливает разработку мультилатеральной модели СБ и соответствующей ей методики измерения. Достоинством названного исследовательского проекта является детальный сравнительный анализ исследовательских подходов к измерению СБ в России и скандинавских странах (Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании). На его основе был сделан вывод о сложности лонгитюдного исследования СБ и разной степени надежности данных, полученных теми или иными методами.

Важным результатом исследования стало выделение идеальных типовых субъективных моделей благополучия. По мнению В. А. Шиловой, они представляют собой «некие эталоны, на которые ориентируются индивиды и социальные группы, оценивая благополучие и неблагополучие себя и окружающих в разных ситуациях» [12]. Выделенные модели получили следующие названия: «баланс всех важных жизненных составляющих», «смысл благополучия в семье», «благополучие как свобода», «материальный достаток», «смысл благополучия в работе и карьерном росте», «смысл благополучия в личностном развитии, жизненном опыте и общественном признании», «благополучие как счастье и душевная гармония», «благополучие как перспектива успешного будущего, стабильность и определенность».

Опыт разработки методик измерения благополучия и подходов к интерпретации данных имеет большое значение для решения задач нашего сопоставительного исследования СБ молодежи конкретного региона в общероссийском контексте. Нам представляются продуктивными описанные исследования с точки зрения и предложенных базовых элементов благополучия, и учета факторов, которые влияют на его формирование, и выявленных ограничений/возможностей сопоставительного анализа разных замеров СБ.

Анализ научной литературы позволил выделить немногочисленные примеры эмпирических исследований СБ регионального и локального (городского) масштаба, что было важно для нас в плане поиска данных для сравнительного исследования. Среди ранее названных проектов имели выход на крупные города и мегаполисы исследования Л. С. Киселёвой и ФНИСЦ РАН. Так, Л. С. Киселёва в сравнительном анализе населения российских городов (Тюмени, Салехарда, Санкт-Петербурга) выявила факторы благополучия, универсальные и специфичные для различных территорий [13]. Работа В. А. Шиловой базировалась на материалах фокусированных групповых дискуссий, проведенных в Нижнем Новгороде и Москве [12].

Исследования СБ, охватывающие население регионов, были осуществлены в Приморском крае А. В. Винокуровой и Е. Ю. Костиной [14], в Читинской области — И. В. Мерзляковой [15], в Вологодской области — Институтом социально-экономического развития территорий РАН (Е. О. Смолевой) [16; 17]. Но наиболее широкий охват российских регионов представлен в монографии по проекту ФНИСЦ РАН. В ней отражено состояние СБ населения Ивановской, Тюменской, Воронежской, Курской, Липецкой областей, Северного Кавказа [11].

Обобщая результаты названных исследований, отметим, во-первых, их методологическое и методическое разнообразие, а во-вторых, отсутствие в них фокуса на студенческой молодежи. Как видим, исследователи осуществляют либо общенациональные, региональные и локальные замеры СБ населения в целом, либо работающей его части. Единственным кейсом, сфокусированным на СБ молодежи, стал анализ студенческой молодежи Северного Кавказа в монографии ФНИСЦ РАН [11].

Анализ методических подходов к изучению СБ показал, что сегодня особую популярность приобрели индексные методики, построенные на показателях, количество которых порой насчитывает несколько десятков. Соответственно, при немногочисленности исследований СБ, проведенных к тому же с использованием разных методик, возникает проблема сопоставимости результатов.

Один из вариантов ее решения — поиск инвариантных показателей, отражающих базовые элементы СБ. Данный подход может ограничивать познавательные возможности рассмотрения СБ во всей его комплексности и сложности. Однако, если речь идет о базовых элементах, то такой подход позволяет охватить ключевые параметры изучаемого феномена.

Первые два инвариантных показателя — это удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. По мнению Г. Г. Татаровой и А. В. Кученковой, в индексных методиках они играют роль интегрального показателя субъективного благополучия [18]. При этом первый, по Р. Инглхарту, отражает когнитивный компонент СБ, а второй — аффективный или эмоциональный [19]. Как правило, социологи используют прямые вопросы об удовлетворенности жизнью или о счастье в целом, что является надежным и валидным инструментом измерения [18; 20–23].

Вторые два инвариантных показателя СБ — материальное положение и здоровье — отражают объективные основания СБ человека. Ранее материальное состояние (доход) считалось ключевым элементом СБ. Современные социологи полагают, что это утверждение перестало быть аксиомой, но остается важным при измерении объективного благополучия, а также при изучении факторов, определяющих субъективное благополучие [24–26]. Точно так же и здоровье рассматривается с двух сторон — и как объективный показатель СБ человека, и как фактор, влияющий на субъективное восприятие человека своего благополучия [27; 28]. Эти два показателя включены в такие авторитетные индексные методики, как Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways (Gallup Healthways Global Well-Being Index) и Индекс лучшей жизни Организации экономического сотрудничества и развития (OECD Better Life Index). Далее по частоте использования стоят такие показатели, как безопасность и качество экологической среды, трудовых, межнациональных и общественно-политических отношений. Однако они не всегда включаются в методики во всей своей совокупности.

Таким образом, для сравнительного анализа СБ студенческой молодежи одного из российских регионов, ХМАО — Югры, можно предложить четыре показателя, отражающих субъективные и объективные аспекты СБ (рис. 1).

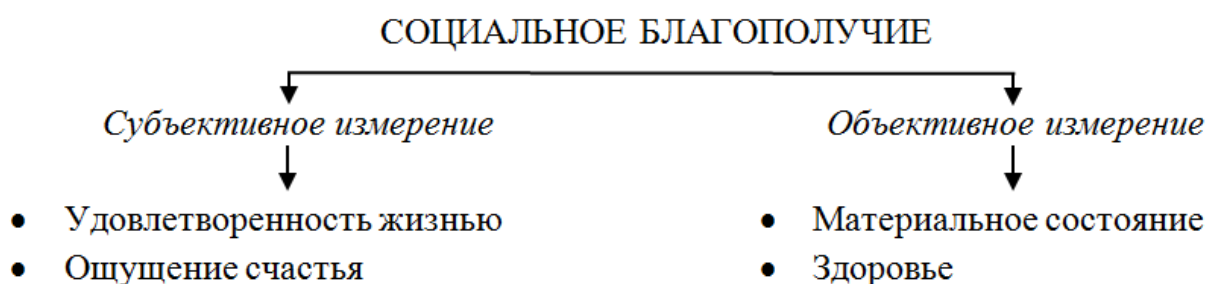

Рис. 1. Инвариантные показатели социального благополучия

Еще раз подчеркнем, что процедура редуцирования измерения СБ к четырем показателям ограничивает выявление сложной природы и разнообразных проявлений изучаемого феномена. Однако с учетом таких ограничений мы представим результаты анализа СБ студенческой молодежи северного региона в общероссийском контексте.

Материалы и методы

Статья основана на материалах массового опроса студентов очной формы обучения 4 вузов и 20 организаций среднего профессионального образования (СПО) ХМАО — Югры (n = 2 460, февраль–апрель 2022 г.). Для сбора данных использовался сервис anketolog.ru. Применялась пропорциональная квотная выборка, в основу которой были положены следующие критерии: принадлежность к образовательной организации, пол, направление подготовки (табл. 1). Предельная ошибка выборки не превышала 2 %. Что касается студентов вузов, то по направлениям бакалавриата обучались свыше 3/4 опрошенных, по программам специалитета — около 20 %, в магистратуре — чуть больше 4 %, в аспирантуре — 0,5 %. Распределение опрошенных студентов по курсам соответствовало тенденции постепенного снижения численности обучающихся от 1 к 5 курсу. Данные были обработаны в программе Vortex.

Таблица 1

Распределение студентов вузов в выборочной совокупности по направлениям подготовки

Направления подготовки высшего образования	%
Гуманитарные специальности	12,7
Естественно-научные специальности	6,7
Медицина и здравоохранение	17,5
Сельскохозяйственные специальности	1,3
Социально-экономические специальности	29,4
Инженерно-технические специальности	32,5

В статье использованы также материалы региональных и общероссийских исследований социального благополучия (с 2013 по 2022 гг.).

Результаты и обсуждение

Удовлетворенность жизнью в эмпирических исследованиях субъективного СБ замеряется либо через обобщающие оценки, либо дифференцированно по различным аспектам (удовлетворенность работой, отношениями с родными, друзьями, материальным положением и т. д.). В нашем исследовании использовался и первый, и второй варианты шкал.

Опрос показал, что подавляющее большинство (85,6 %) студентов вузов ХМАО — Югры в целом удовлетворены своей жизнью (табл. 2), причем среди учащихся колледжей довольных жизнью несколько больше, чем среди студентов вузов.

Таблица 2

**Удовлетворенность студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре,
в % от числа опрошенных**

<i>Степень удовлетворенности</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>	<i>Среднее значение</i>
Вполне удовлетворен	45,3	55,8	50,6
Скорее удовлетворен	38,6	31,5	35,0
Скорее не удовлетворен	11,3	7,2	9,2
Совершенно не удовлетворен	2,4	2,6	2,5
Затрудняюсь ответить	2,4	3,0	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Если рассматривать группу студентов, имеющих высокий уровень удовлетворенности жизнью (оценивших различные ее аспекты на 4 и 5 баллов по 5-балльной шкале), то самой большой оказывается доля удовлетворенных отношениями с семьей и родными (82,5 %), с соседями и друзьями (82,5 %), значительно меньше — доля удовлетворенных уровнем развития гражданских свобод (50,4 %) и легальными возможностями изменять общество (43,8 %).

В целом россияне в молодом возрасте (18–25 лет) по всем исследованиям показывают наиболее высокие оценки удовлетворенности жизнью [9; 29]. Факторами, обуславливающими такую одинаковую картину по всей стране и в ее отдельных регионах, выступают отсутствие обременения «взрослыми» заботами (о семье, работе, детях) и в целом оптимистичный взгляд на жизнь, присущий молодому возрасту. Однако необходимо отметить, что данные, полученные Л. С. Киселёвой по Ямало-Ненецкому автономному округу (ЯНАО), соседнему с ХМАО — Югрой и имеющему почти идентичные природные, социальные, культурные условия жизни, показывают в целом высокий уровень удовлетворенности жизнью у всех возрастных и социальных групп населения (в том числе у молодежи). По мнению автора данного исследования, особым фактором здесь выступает «сильная» социальная политика, «подпитанная» солидным финансированием социальной сферы [9]. Что же касается дифференцированных оценок, то и в этом случае мы можем увидеть очень схожие состояния: на 1-е место среди факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, жители ЯНАО и Тюменской области поставили семью и родных [9]. Молодые люди в возрасте до 25 лет на 3-е место также по-

ставили дружеские отношения, подчеркнув тем самым, что в этом возрасте особое значение имеют социальные связи и дружеские привязанности [9].

По данным В. А. Шиловой (исследование ФНИСЦ РАН), позитивные оценки ближайшего социального окружения коррелируют с высоким уровнем СБ и социального самочувствия [29]. Чем больше респондент был удовлетворен отношениями с соседями, супругом, детьми и родителями, тем выше были его оценки уровня благополучия. Такие люди чаще выражали готовность помогать (в том числе материально) своим знакомым в трудной ситуации.

Соотнеся данные региональных и общероссийских исследований СБ с результатами нашего опроса, мы можем говорить о том, что большая доля югорских студентов, вполне удовлетворенных своей жизнью в целом и соотносящих свое благополучие с базовыми терминальными ценностями (семьей, дружескими отношениями), будет вносить свой вклад в повышение уровня благополучия в регионе, сплоченности регионального сообщества, эти студенты будут готовы к взаимопомощи в трудных ситуациях.

Второй показатель субъективного благополучия — ощущение счастья — рельефно отражает уровень СБ студенческой молодежи ХМАО — Югры (табл. 3).

Таблица 3

Ощущение счастья студентами вузов и СПО в ХМАО — Югре, в % от числа опрошенных

<i>Ощущение счастья</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>	<i>Среднее значение</i>
Да	33,0	39,6	36,4
Скорее да, чем нет	49,4	44,9	47,1
Скорее нет, чем да	9,9	7,8	8,8
Нет	3,6	3,5	3,5
Затрудняюсь ответить	4,2	4,2	4,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Как видим, доля счастливых студентов примерно такая же, как и доля удовлетворенных жизнью. И опять прослеживается небольшое различие между студентами вузов и СПО: среди первых чуть меньше тех, кто уверенно ощущает себя счастливым человеком, чем среди вторых. Как правило, общероссийские исследования показывают несколько разное «поведение» этих двух показателей. Только исследование Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» в 2017 г. показало, что из всех респондентов, имеющих работу, почти у половины (49,2 %) индивидуальный балл по вопросу об удовлетворенности жизнью и счастьем совпал [30].

Сравнивая данные, полученные Л. С. Киселёвой по Тюменской области, ЯНАО и Санкт-Петербургу, мы снова видим преимущественное число счастливых людей в ЯНАО (78,5 %) [9]. Молодежь всех исследуемых регионов значимо выделяется ощущением счастья, хотя по общероссийским данным ВЦИОМ (2022 г.) доля счастливых россиян в целом больше и составляет 83 % [31]. Опираясь на выводы, сделанные рядом

авторов [7; 18; 22; 32] относительно корреляции между переменными «удовлетворенность жизнью» и «счастье», мы можем говорить о вполне надежных данных о СБ югорских студентов, полученных через замеры двух названных показателей. В то же время несмотря на то, что шкалы счастья и удовлетворенности жизнью убедительно показывают высокую согласованность друг с другом [7; 18], они отражают разные аспекты СБ студенческой молодежи. Поскольку мы не проводили лонгитюдное исследование в отличие от названных в данной статье авторов, мы не можем сделать вывод о том, какие тенденции в отношении удовлетворенности жизнью и ощущения счастья развивались в студенческой среде в последние годы. Нам представляется изучение этого аспекта перспективной задачей будущих исследований молодежи в ХМАО — Югре.

Объективные основания СБ (материальное положение и здоровье), как отмечалось, имеют двойственную природу, то есть могут быть оценены посредством статистических данных или через мнение о них самих респондентов. В нашем исследовании использовался второй подход, соответственно, мы будем сравнивать данные по югорскому студенчеству с данными других исследований, полученными такими же опросными методами.

В свое понимание благополучной жизни студенты ХМАО — Югры прежде всего включили материальное благополучие (достаток, отсутствие нужды) и здоровье (свое и близких). Такие представления совпадают со смысловым ядром СБ, содержание которого было определено во всероссийском опросе ФНИСЦ РАН и включило здоровье, семью, деньги, стабильность, обеспеченность, детей [10]. По данным Л. С. Киселёвой, в изученных регионах (ЯНАО, Тюменской области, а также в Санкт-Петербурге) респонденты также отдали первые позиции здоровью, семье, деньгам (материальному достатку) [9]. Только в отличие от общероссийских данных студенты сдвинули на полупериферию семью и детей, поскольку данные элементы СБ для большинства из них пока не столь актуальны. Тем не менее среди наиболее значимых жизненных ценностей студенты выделили именно здоровье, семью и детей, а также деньги и материальные блага. Их выбор был самым популярным по числу ответов как у студентов вузов, так и у студентов колледжей.

Оценки достаточно большой группы югорских студентов собственного здоровья сдвинуты к верхней границе 5-балльной шкалы (рис. 2), что свидетельствует в целом об их удовлетворенности данным элементом СБ.

Доля тех, кто в полной мере удовлетворен состоянием своего здоровья (то есть оценил его на 5 баллов), среди студентов вузов относительно невелика — 20,8 % против 31,1 % среди студентов СПО. При этом примерно половина студентов (54,6 % студентов вузов и 56,2 % студентов колледжей) оценили качество медицинского обслуживания в регионе на 4 и 5 баллов (по 5-балльной шкале). Примерно такие же оценки характеризуют всю российскую молодежь. Опрос ФНИСЦ РАН показал, что возрастная когорта от 18 до 29 лет на общем фоне выделилась более высокими оценками здоровья (медиана по 10-балльной шкале оценки оказалась равной 6 баллам) [10]. А опрос населения ЯНАО, Тюменской области и Санкт-Петербурга доказал, что молодежь до 35 лет вообще не проблематизирует тематику здоровья [10].

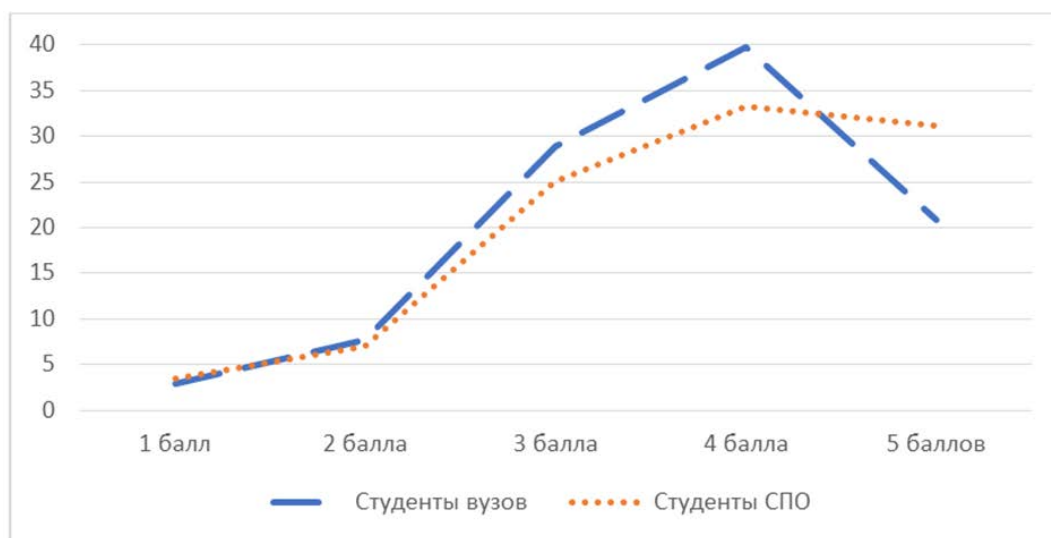

Рис. 2. Удовлетворенность студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре своим здоровьем (по 5-балльной шкале, где 1 — полностью не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен), в % от числа опрошенных

Вообще показатели здоровья очень сильно влияют на СБ молодежи, так же как и показатели материального положения. По данным общероссийского исследования, оценка состояния здоровья как плохого снижает оценку благополучия примерно на два балла (по 10-балльной шкале), умеренные проблемы (средняя точка шкалы) понижают оценку благополучия на 1 балл [10]. В нашем исследовании к студентам, испытывающим умеренные проблемы со здоровьем, можно отнести 29 % студентов вузов и 25 % студентов СПО, а с серьезными проблемами здоровья — только 10 % представителей той и другой образовательной общности. Соответственно, СБ десятой части студенчества северного региона оказывается в зоне риска по СБ.

Проблемы с материальным положением еще более тесно связаны с самочувствием молодежи. Мы оценивали материальное положение югорского студенчества по нескольким показателям: по структуре расходов (возможностям потребления) (табл. 4), материальной самостоятельности (независимости), удовлетворенности экономическим положением семьи, наличию «подушки финансовой безопасности». По данным таблицы 4 мы видим, что более половины студентов вузов и треть студентов СПО оценивают свое положение ниже среднего (для них затруднительна покупка товаров длительного пользования) и чуть больше четверти представителей той и другой образовательной общности — как низкое.

Абсолютно независимыми в материальном плане считают себя 15,0 % студентов вузов и 9,4 % учащихся СПО, еще 31,0 % первых и 20,9 % вторых стараются в основном жить на самостоятельно заработанные средства (при некоторой поддержке родственников). Остальные студенты полностью зависят от помощи семьи и/или государства. При этом 60,9 % студентов вузов и 69,5 % студентов колледжей оценили удовлетворенность экономическим положением своих семей на «4» и «5», на «3» — 26,9 и

21,3 % соответственно. Что касается создания «подушки финансовой безопасности», то меньше половины студентов (43,4 % студентов вузов и 47,2 % студентов СПО) не имеют такой возможности.

Таблица 4

**Материальное положение (по структуре расходов) студентов вузов и СПО
в ХМАО — Югре, в % от числа опрошенных**

<i>Показатель материального положения</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>
Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	28,8	26,7
Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна	47,9	35,8
Могу позволить себе приобрести товары длительного пользования	17,1	22,0
Могу позволить себе все, в том числе покупку машины, квартиры или дачи	1,6	5,3
Затрудняюсь ответить	4,6	10,2
Итого	100,0	100,0

Результаты опроса студентов об их материальном положении оказались самыми сложными для сопоставительного анализа в контексте всероссийских и региональных исследований. Во-первых, в используемых нами для сравнения исследованиях молодежь и студенчество не были выделены в отдельную группу при рассмотрении материального положения населения. Во-вторых, социально-экономические условия ХМАО — Югры довольно сильно отличаются от условий «Большой земли» (даже соседней Тюменской области). Регион относится к «донорам», лидирует по ряду основных экономических показателей, существенно опережая общероссийские по реальным и среднестатистическим денежным доходам населения, уровню реальной заработной платы [33]. Население округа может получать 84 вида мер социальной поддержки, установленных законодательством Российской Федерации и ХМАО — Югры [33]. В-третьих, в каждом исследовании применялись специфические вопросы и шкалы для измерения рассматриваемого показателя.

Тем не менее мы можем экстраполировать некоторые выводы общероссийских и региональных исследований, касающиеся влияния материального положения на СБ населения, на результаты нашего опроса. Прежде всего, в интерпретации ответов студентов об их материальном положении важно понимать, что для СБ важен не столько уровень доходов, как субъективная удовлетворенность материальным положением [34]. Поскольку большинство югорских студентов рассчитывают на помощь семьи, нам были важны показатели их удовлетворенности ее материальным положением. Полученные данные свидетельствуют о том, что примерно 2/3 опрошенных в целом удовлетво-

рены им. Кроме того, примерно половина опрошенных ответила, что даже во время пандемии коронавируса материальное положение их семей не изменилось, около четверти заявило, что оно ухудшилось незначительно, а у 7 % даже улучшилось (табл. 5).

Таблица 5

Изменение материального положения семьи студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре за время пандемии коронавирусной инфекции, в % от числа опрошенных

<i>Материальное положение семьи</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>
Улучшилось	6,2	8,6
Осталось прежним	49,8	52,0
Незначительно ухудшилось	29,1	23,6
Намного ухудшилось	7,3	6,3
Затрудняюсь ответить	7,5	9,5
Итого	100,0	100,0

Важно учитывать отсутствие линейной зависимости между материальным положением и иными ключевыми показателями СБ, в частности удовлетворенностью жизнью, ощущением счастья и субъективными оценками здоровья [34; 35]. Исходя из ранее выявленных зависимостей [20], мы можем говорить о том, что более сильное влияние на эти три показателя СБ оказывает материальное положение студентов, оказавшихся в статусе бедных (чуть более четверти в каждой образовательной общности). По мере увеличения дохода студентов (их семей) эта связь будет ослабевать.

И наконец, влияние материального фактора в целом на СБ студенчества опосредовано не столько абсолютными его показателями, сколько возможностями обеспечивать различные потребности студентов (это так называемые ресурсные возможности денег). Данные опроса показывают, что материальные возможности 60,2 % студентов вузов и 54,3 % студентов колледжей позволяют им пользоваться услугами коммерческих медицинских учреждений, а отсутствие денег стоит на последнем месте среди причин, по которым студенты готовы бросить учебу (отмечено лишь у 1,7 % студентов вузов и 3,4 % студентов колледжей).

Завершим анализ СБ югорских студентов еще одним блоком параметров. Речь идет об особых показателях, которые мы не упомянули в теоретической рамке, но которые составляют специфическое измерение СБ в некоторых регионах России. Это оценка межнациональных отношений и миграционные установки. Для сравнительного анализа обратимся к опыту изучения СБ студенческой молодежи Северного Кавказа, поскольку только в этом кейсе оказались представленными названные параметры. Для нашего исследования, так же как и для авторов северо-кавказского исследования, они оказались важными. ХМАО — Югра — исторически полиэтнический регион, национально-культурное многообразие которого сегодня поддерживается активным миграционным притоком мигрантов из стран Содружества Независимых Государств

(СНГ) [36] и, в последнее время, из ДНР и ЛНР. В то же время будем иметь в виду, что в отличие от ХМАО — Югры Северный Кавказ является регионом с низким уровнем социально-экономического развития, высоким уровнем бедности и безработицы.

На вопрос о значении национальности около 64 % югорских студентов ответили, что гордятся ею, для 22 % национальность ничего не значит, 4,9 % не идентифицируют себя с какой-то определенной национальной группой и только 0,7 % стыдятся своей национальности. 85,7 % студентов в ХМАО — Югре никогда не подвергались дискриминации по признаку этнического происхождения, 11,3 % — иногда, только 3,6 % респондентов отметили, что сталкиваются с этой ситуацией часто. Таким образом, в целом межнациональные отношения большая часть северной молодежи оценивает как бесконфликтные, толерантные.

Полученные результаты вполне соотносятся с общероссийскими. Так, по данным исследования Е. Ю. Щегольковой (2019 г.), 87 % россиян не испытывают негативных чувств к людям иных национальностей и 96 % не чувствуют враждебного отношения к себе по этническому признаку [37]. В то же время студенческая молодежь Северного Кавказа испытывает тревогу по поводу этих отношений. В целом состояние межнациональных отношений оценивается ею как стабильное, однако за 2019–2021 гг. с 12 до 26 % выросла доля студентов, испытывающих тревогу по поводу межнациональной конфликтности [11]. В 2021 г. со случаями конфликтов на национальной почве столкнулись 32 % опрошенных против 20 % в 2020 г. [11]. Основными причинами межнациональных конфликтов на Северном Кавказе студенты считают враждебность и предубеждение к другим народам, неприятие иных культур, территориальные и земельные конфликты. Однако, по мнению абсолютного большинства опрошенных, фоновым фактором выступает социальное неравенство, а источником роста экстремизма и радикализма в молодежной среде — низкий уровень доходов, безработица, социальная незащищенность и отсутствие жизненных перспектив. Таким образом, мы видим существенные различия в СБ студенческой молодежи двух российских регионов по показателю состояния межнациональных отношений. Их факторы во многом кроются, по видимому, в социально-экономическом положении населения двух регионов, в том числе молодежи.

Следствием описанных проблем являются миграционные настроения среди молодежи. И в том, и в другом исследовании студентам был задан примерно одинаковый вопрос о желании уехать из региона после окончания обучения. У половины студентов северо-кавказского региона с 2019 по 2021 гг. наблюдается устойчивое желание покинуть регион [11]. Доля югорских студентов, выражающих готовность уехать из региона, меньше. Среди студентов вузов респондентов с такими установками несколько больше (42,4 %), чем среди студентов СПО (36,5 %). Одновременно велика доля тех, кто не определился со своими миграционными намерениями (29,6 % среди студентов вузов и 28,7 % среди студентов колледжей). Безусловно, рассматриваемые регионы имеют свою специфику, сказывающуюся на межнациональных отношениях и миграционной обстановке, поэтому наши выводы из сравнительного анализа имеют свои ограничения в плане трактовки первопричин. Тем не менее мы рассматриваем в целом вли-

яние этих факторов на СБ молодежи, и анализ показывает более благоприятную обстановку в северном регионе, нежели южном.

Выводы

Для северного региона, каковым является ХМАО — Югра, сохранение молодежи выступает стратегической задачей в силу климатических и инфраструктурных трудностей сохранения и воспроизводства населения. Особенно если речь идет об образованной молодежи, составляющей не только физический ресурс демографического воспроизводства, но и сохранения качественных трудовых ресурсов и благополучного населения. Северные регионы стремятся перейти от исторически сложившейся традиции миграционного восполнения человеческого капитала к самовоспроизводству, обеспечивающему устойчивость развития. При такой стратегии регионального развития обеспечение СБ студенческой молодежи видится одной из продуктивных тактик. Целью же социальной науки выступает научное обоснование возможностей ее осуществления. В таком ключе представляется важным рассмотрение СБ югорской молодежи в общероссийском контексте, а также в сравнительном анализе с другими российскими регионами.

Для этого в статье была решена прежде всего методическая задача определения инвариантных показателей СБ, встречающихся во всех общероссийских и региональных исследованиях. В качестве таковых были предложены удовлетворенность жизнью и ощущение счастья (для анализа субъективного измерения СБ), оценка материального положения и здоровья (для анализа объективных аспектов СБ). На основе изучения различных социологических методик и опыта их применения в эмпирических исследованиях была обоснована их валидность для сравнительного исследования СБ студенчества северного региона. Определенной трудностью и ограничением исследования выступило отсутствие специальных проектов по изучению СБ студенчества в общероссийском и региональном масштабе. В связи с этим мы ориентировались на результаты, полученные на молодежных подвыборках. Исключение составил опрос студенческой молодежи Северного Кавказа, который, впрочем, был сфокусирован на противоположном феномене — социальном неблагополучии молодежи в регионе.

Тем не менее с учетом обозначенных ограничений нам удалось охарактеризовать схожие показатели и различия основных элементов СБ молодежи ХМАО — Югры. Основной вывод заключается в том, что СБ югорского студенчества в настоящее время формируется в рамках общероссийских тенденций развития СБ молодежи в возрасте 18–25 лет. Именно эта группа населения демонстрирует по всем показателям (в меньшей степени — по материальному положению) самые высокие оценки. Вместе с тем СБ студентов ХМАО — Югры характеризуется более высокими показателями по такому показателю, как ощущение счастья, что в целом отличает население северных регионов (ХМАО — Югры, ЯНАО) от жителей других регионов России. В этом видится положительное влияние «сильной» молодежной и социальной политики, обеспеченной достаточным региональным и федеральным финансированием.

Исследование показало, что студенты северного региона ориентируются на общероссийский стандарт «хорошей жизни», который конструируется из таких жизнен-

ных ценностей, как материальный достаток, семья, хорошие человеческие отношения, здоровье. И хотя на данный момент некоторые элементы этого стандарта, в частности собственный доход и собственная семья, не входят в круг наличных благ, они компенсируются за счет родительской семьи, имеющей в условиях севера достаточно стабильное материальное положение. За счет этого ожидаемый риск усиления и реализации миграционных настроений молодежи сдерживается социальными и экономическими противовесами и прогнозируется на том же уровне, что и в регионах «Большой земли», так же испытывающих миграционную мобильность современной молодежи.

Список источников

1. Conceição, P. Measuring Subjective Wellbeing : A Summary of the Literature / P. Conceição, R. Bandura. – New York, 2018. – 35 p. – Direct text.
2. Бенко, Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия / Е. В. Бенко. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Психология. – 2015. – Т. 8, № 2. – С. 5–13.
3. Ryan, R. M. On happiness and human potentials : A review of research on hedonic and eudaimonic well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci. – DOI 10.1146/annurev.psych.52.1.141. – Direct text // Annual review of psychology. – 2001. – Vol. 52, Issue 1. – P. 141–166.
4. Ulloa, B. F. L. How does subjective well-being evolve with age? A literature review / B. F. L. Ulloa, V. Møller, A. Sousa-Poza. – DOI 10.1007/s12062-013-9085-0. – Direct text // Journal of Population Ageing. – 2013. – Vol. 6, Issue 3. – P. 227–246.
5. Шматова, Ю. Е. Измерение уровня счастья : литературный обзор российских и зарубежных исследований / Ю. Е. Шматова, М. В. Морев. – DOI 10.15838/esc/2015.3.39.11. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тренды, прогноз. – 2015. – № 3 (39). – С. 141–162.
6. Кученкова, А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие : соотношение понятий и способов измерения / А. В. Кученкова. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 2. – С. 118–127.
7. Татарова, Г. Г. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки / Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 21–32.
8. Кученкова, А. В. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности / А. В. Кученкова, Г. Г. Татарова. – DOI 10.31857/S013216250006135-1. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 30–43.
9. Киселёва, Л. С. Благополучие российского населения : архитекtonика, субъективное восприятие и региональное своеобразие : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Кисёлева Людмила Сергеевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2020. – 336 с. – Текст : непосредственный.

10. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) / Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко [и др.]. – DOI 10.19181/INAB.2020.1. – Москва, 2020. – № 1. – 95 с. – Текст : непосредственный.
11. Социологические подходы к изучению социального благополучия : монография / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. – 431 с. – Текст : непосредственный.
12. Шилова, В. А. Субъективные оценки благополучия : теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования / В. А. Шилова. – DOI 10.19181/snsp.2019.7.3.6694. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 136–150.
13. Киселёва, Л. С. Факторы благополучия населения : региональные особенности / Л. С. Киселёва. – DOI 10.25136/2409-7144.2020.5.32984. – Текст : непосредственный // Социодинамика. – 2020. – № 5. – С. 69–78.
14. Винокурова, А. В. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) / А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 49–53.
15. Мерзлякова, И. В. Социальное благополучие населения региона : методология и методика исследования / И. В. Мерзлякова ; Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. – Чита : ЗабГГПУ, 2009. – 202 с. – Текст : непосредственный.
16. Смолева, Е. О. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья : взгляд социолога / Е. О. Смолева, М. В. Морев ; Федеральное агентство научных организаций, Российская академия наук, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН). – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 163 с. – Текст : непосредственный.
17. Смолева, Е. О. Факторы счастья и удовлетворенности жизнью населения региона : социологический аспект / Е. О. Смолева. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6 (86). – С. 76–126.
18. Татарова, Г. Г. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия / Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. – DOI 10.19181/ezheg.2020.24. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва : Новый Хронограф, 2020. – С. 565–589.
19. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization : Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Direct text // Princeton : Princeton University Press, 1997. – 453 p.
20. Осин, Е. Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия : психометрические характеристики и сравнительный анализ / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев. – DOI 10.14515/monitoring.2020.1.06. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 117–142.

21. Андрееенкова, Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов / Н. В. Андрееенкова. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2010. – № 5. – С. 189–215.
22. Козырева, П. М. Счастье и его детерминанты (статья 1) / П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 120–132.
23. Черныш, М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе / М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/snsr.2019.7.2.6407. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 9–33.
24. Епихина, Ю. Б. Важность дохода для субъективного благополучия / Ю. Б. Епихина. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.5. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – Москва, 2020. – № 1. – С. 75–94.
25. Diener, E. Will money increase subjective wellbeing? / E. Diener, R. Biswas-Diener. – DOI 10.1023/A:1014411319119. – Direct text // Social Indicators Research. – 2002. – Vol. 57, Issue 2. – P. 119–169.
26. Смолева, Е. О. Счастье и деньги : материальные аспекты субъективного благополучия / Е. О. Смолева. – DOI 10.15838/ptd.2020.3.107.10. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3 (107). – С. 144–166.
27. Черныш, М. Ф. Социальное благополучие и здоровье / М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.4. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. – С. 54–74.
28. Allardt, E. Having, Loving, Being : An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research / E. Allardt. – DOI 10.1093/0198287976.003.0008. – Direct text // The Quality of Life / Edited by M. Nussbaum, A. Sen. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 88–94.
29. Шилова, В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян : оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели / В. А. Шилова. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.2. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. – С. 18–38.
30. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : сайт. – URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 20.07.2023).
31. Индекс счастья. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – 2022. – 12 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja> (дата обращения: 25.07.2023).

32. Козырева, П. М. Счастье осмысленное и спонтанное / П. М. Козырева, А. И. Смирнов. – DOI 10.19181/snsp.2017.5.4.5520. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 65–91.
33. Итоги социально-экономического развития Ханты-мансийского автономного округа – Югры за январь–март 2023 года. – URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/d02/bnf1gwncwuxcsut7u6a48lykos6xszvo/Itogi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Khanty_mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-_Yugry.pdf (дата обращения: 24.07.2023). – Текст : электронный.
34. Тихонова, Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью : динамика и факторы / Н. Е. Тихонова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
35. Балацкий, Е. В. Факторы удовлетворенности жизнью : измерение и интегральные показатели / Е. В. Балацкий. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2005. – № 4. – С. 42–52.
36. Информационный демографический бюллетень «О состоянии демографической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2021 году». – Ханты-Мансийск, 2022. – 70 с. – Текст : непосредственный.
37. Щеголькова, Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян : социологический анализ / Е. Ю. Щеголькова. – DOI 10.14515/monitoring.2020.4.1260. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 499–520.

References

1. Conceição, P., & Bandura, R. (2018). Measuring Subjective Wellbeing: A Summary of the Literature. New York, 35 p. (In English).
2. Benko, E. V. (2015). Foreign studies of well-being: a literature review. Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology, 8(2), pp. 5-13. (In English).
3. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. Annual review of psychology, 52(1), pp. 141-166. (In English). DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141
4. Ulloa, B. F. L., Møller, V., & Sousa-Poza, A. (2013). How does subjective well-being evolve with age? A literature review. Journal of Population Ageing, 6(3), pp. 227-246. (In English). DOI: 10.1007/s12062-013-9085-0
5. Shmatova, Yu. E., & Morev, M. V. (2015). Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, (3(39)), pp. 141-162. (In Russian). DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11
6. Kuchenkova, A. V. (2016). Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models. RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies, (2), pp. 118-127. (In Russian).

7. Tatarova, G. G., & Kuchenkova, A. V. (2016). Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), pp. 21-32. (In Russian).
8. Kuchenkova, A. V., & Tatarova, G. G. (2019). "Life-cycle stage" as a determinant of personal subjective wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), pp. 30-43. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250006135-1
9. Kiseleva, L. S. (2020). *Blagopoluchie rossiyskogo naseleniya: arkhitektonika, sub"ektivnoe vospriyatie i regional'noe svoeobrazie*. Diss. ... kand. sotsiol. nauk. St. Petersburg, 336 p. (In Russian).
10. Epikhina, Yu. B., Chernysh, M. F., Sushko, P. E., Shilova, V. A., & Lysukho, A. S. (2020). Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin, (1). Moscow, 95 p. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1
11. Avdeev, E. A., Allardt, E., Belyaeva, L. A., Bessokirnaya, G. P., Velikaya, N. M., Vorob'ev, S. M.,... Yudashkin, A. V. (2021). Sociological approaches to the study of social well-being. Moscow, FSTAS RAS Publ., 431 p. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021
12. Shilova, V. A. (2019). Classification of communicative strategies in the implementation of management decisions. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*, 7(3), pp. 136-150. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.3.6694
13. Kiseleva, L. S. (2020). Factors of well-being of the Russian population: regional specificities. *Sotsiodinamika*, (5), pp. 69-78. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32984
14. Vinokurova, A. V., & Kostina, E. Yu. (2015). Social welfare of population in the context of regional development (on the example of the Primorsky territory). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), pp. 49-53. (In Russian).
15. Merzlyakova, I. V. (2009). *Sotsial'noe blagopoluchie naseleniya regiona: metodologiya i metodika issledovaniya*. Chita: ZabGGPU Publ., 202 p. (In Russian).
16. Smoleva, E. O., & Morev, M. V. (2016). *Uдовлетворенность жизнью и уровнем счастья: взгляд социолога*. Vologda, ISERT RAS Publ., 163 p. (In Russian).
17. Smoleva, E. O. (2016). Happiness factors and life satisfaction of the region's population: sociological aspect. *Problems of territory development*, (6(86)), pp. 76-126. (In Russian).
18. Tatarova, G. G., & Kuchenkova, A. V. (2020). "Life satisfaction" and "personal happiness" in the sociological studies of subjective well-being. *Russia in Reform: Year-Book*. Moscow, New Chronograph Publ., (18), pp. 565-589. (In Russian). DOI: 10.19181/ezheg.2020.24
19. Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, Princeton University Press, 453 p. (In English).
20. Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 117-142. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06

21. Andreenkova, N. V. (2010). Sravnitel'nyy analiz udovletvorennosti zhizn'yu i opredelyayushchikh ee faktorov. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (5), pp. 189-215. (In Russian).
22. Kozyreva, P. M., Nizamova, A. E., & Smirnov, A. I. (2015). Happiness and its determinants. Part 1. Sotsiologicheskie issledovaniya, (12), pp. 120-132. (In Russian).
23. Chernysh, M. F. (2019). Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika, 7(2), pp. 9-33. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6407
24. Epikhina, Yu. B. (2020). The importance of income for subjective well-being. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 75-94. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.5
25. Diener, E., & Biswas-Diener, R. (2002). Will money increase subjective well-being? Social Indicators Research, 57(2), pp. 119-169. (In English). DOI: 10.1023/A:1014411319119
26. Smoleva, E. O. (2020). Happiness and Money: Material Aspects of Subjective Well-Being. Problems of Territory's Development, (3(107)), pp. 144-166. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10
27. Chernysh, M. F. (2020). Social well-being and health. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 54-74. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.4
28. Allardt, E. (1993). Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. The Quality of Life. Oxford, Oxford University Press, pp. 88-94. (In English). DOI: <https://doi.org/10.1093/0198287976.003.0008>
29. Shilova, V. A. (2020). Subjective well-being in the understanding of Russians: level assessments, relationship with other indicators, subjective characteristics and models. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 18-38. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.2
30. Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/rims>
31. Indeks schast'ya (2022). (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja>
32. Kozyreva, P. M., & Smirnov, A. I. (2017). Conscious and spontaneous happiness. Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika, 5(4), pp. 65-91. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5520
33. Itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry za yanvar'-mart 2023 goda. (In Russian). Available at: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/d02/bnf1gwnkwuxcsut7u6a48lykos6xszvo/Itogi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Khanty_mansiyskogo-avtonomnogo-okruga_-Yugry.pdf
34. Tikhonova, N. E. (2015). Dinamika sotsial'noy transformatsii sovremennoy rossii v sotsial'no-ekonomicheskom, politicheskom, sotsiokul'turnom i etnoreligioznom kontekstakh. Social sciences and contemporary world, (3), pp. 19-33. (In Russian).

35. Balatsky, Ye. V. (2005). Life satisfaction factors: measurement and integral indicators. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 42-52. (In Russian).

36. Informatsionnyy demograficheskiy byulleten' "O sostoyanii demograficheskoy situatsii v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge - Yugre v 2021 godu". (2022). Khanty-Mansiysk, 70 p. (In Russian).

37. Shchegolkova, E. Yu. (2020). Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 499-520. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>

Информация об авторе / Information about the author

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University, Ekaterinburg, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.10.2023.

УДК 316.334.52

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-30-42

Социальные показатели системы управления устойчивым развитием арктических территорий

М. Л. Белоножко*, Ю. М. Конев, И. Е. Пинигин

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*mlb@inbox.ru

Аннотация. Статья направлена на изучение вопросов управления социальной сферой Арктической зоны Российской Федерации как важного аспекта устойчивого развития территории. Проведен анализ специфики параметров, определяющих комплексное освоение северных областей РФ, рассмотрены методы нахождения показателей, влияющих на успех общественных процессов, повышение качества жизни населения районов Арктики, в число которых входят и территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Цель работы состоит в изучении способов оценивания социального развития северных регионов, нахождении показателей, используемых в системе управления, а также исследовании методов индикативирования современного состояния социально-экономической сферы территорий полярного круга. В статье отмечается важность проведения социологических исследований, которые используются наряду с моделированием социально-экономических процессов, использованием стандартного кластерного, факторного анализа и т. д. Именно с учетом всех указанных в статье показателей измерения уровня развития социальной сферы Арктики и их внедрения в систему управления возможно оптимизировать устойчивость всех территориальных образований Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктическая зона, оценивание, параметры, рейтинг, социальная сфера, территория, устойчивое развитие, управление

Для цитирования: Белоножко, М. Л. Социальные показатели системы управления устойчивым развитием арктических территорий // М. Л. Белоножко, Ю. М. Конев, И. Е. Пинигин. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-30-42 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 30–42.

Social indicators of the management system for sustainable development in the Arctic

Marina L. Belonozhko*, Yury M. Konev, Ivan E. Pinigin

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*mlb@inbox.ru

Abstract. The article aims to investigate the issues associated with managing the social sphere in the Arctic zone of the Russian Federation, as a crucial component of ensuring the sustainable development of the area. It analyses the specific parameters that determine the integrated development of the northern regions of the Russian Federation. The study also investigates methods to identify indicators influencing social processes success and improving the quality of life of the population in the Arctic regions, which include the territories of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The aim of this study is to assess the methods of evaluating societal progress in northern regions, determine the management structure's criteria, and evaluate techniques for indicating the current state of the socio-economic sector within the territories of the Arctic Circle. The article highlights the significance of sociological research, which is employed in conjunction with socio-economic process modelling, standard cluster usage, factor analysis, etc. It is by taking into account all the indicators of measuring the level of development of the social sphere of the Arctic and their introduction into the management system that it is possible to optimize the sustainability of all territorial entities of the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: Arctic zone, assessment, parameters, rating, social sphere, territory, sustainable development, management

For citation: Belonozhko, M. L., Konev, Yu. M., Pinigin, I. E. (2023). Social indicators of the management system for sustainable development in the Arctic. *Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 30-42. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-30-42

Введение

Актуальность исследования системы социального управления арктическими территориями обусловлена прежде всего тем, что данная проблема является значимой для проживающего там населения. Хотя современная научная мысль обращается к заявленным вопросам, все же в настоящее время они нуждаются в дополнительном теоретическом анализе и осмыслении.

В современном обществе большое значение приобретает создание качественных атрибутов современной жизни за счет формирования комплекса общественных благ в сфере медицины, образования, здравоохранения, уровня доходов населения и его социальной защиты. Суровые климато-метеорологические условия актуализируют и усложняют все социальные процессы, масштабируют проблемы качественного социального обеспечения за счет обоснованных административно-управленческих решений и действий законодательного регулирования. Кроме того, дестабилизирующие международные политические факторы и санкционное давление актуализируют поиск соответствующих оценочных методов и инструментов фиксации уровней сформированности показателей функционирования социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Материалы и методы

Для решения поставленных в данной работе цели и задач применен метод вторичного анализа документов и социологических данных, под которым В. А. Ядов понимает обращение к надежным источникам и достоверным сведениям, а также применение операций контроля, сравнения ключевых понятий исследования и поиска индикаторов (признаков) [1].

М. В. Кибакин так объясняет метод вторичного анализа: это «изучение первичных данных ранее проведенных социологических исследований для дополнения уже имеющихся результатов или с другими целями и задачами...» [2].

А. В. Стрельникова, группируя массив вторичных данных, пишет о следующих их разновидностях: государственная статистика, ранее проведенные массовые опросы, официальные документы (тексты) [3]. В данной работе используются все указанные вторичные материалы, среди которых официальные нормативные документы, статистические показатели региональных и отраслевых структур, регулярно размещаемые в различных сборниках и справочниках, обладающие доступностью, отличающиеся систематизацией и структурированностью. Обращение к результатам массовых опросов как вторичных источников требует критического подхода и сопоставления показателей динамичного развития общественных процессов в течение длительного времени. Тек-

сты дополняют другие виды документов, открывают возможность неоднократного обращения к ним и выявления разнообразных исследовательских аспектов.

Таким образом, метод вторичного анализа материалов позволяет решать различные содержательные исследовательские задачи, благодаря использованию общелогического инструментария: сравнения, сопоставления, систематизации, классификации и т. д. Включение в научный оборот и дополнительная интерпретация массива данных, относящихся к изучаемому вопросу, позволяют провести новое качественное исследование, учитывающее внутренние и внешние особенности явления, его контекст, возможную односторонность и/или неполноту источниковой базы.

Результаты и обсуждение

Продуктивно для данной работы рассматривать региональную социальную сферу в парадигме устойчивого развития («sustainable development»), включая в контекст научных изысканий проблемы арктических агломераций, своевременность и профессионализм принимаемых здесь управленческих решений. Концептуальный теоретико-методологический подход опирается на идеи Н. Н. Моисеева о «коэволюции человека и биосферы» [4].

Данные вопросы находятся в фокусе научного обсуждения начиная с 80-х годов XX века, когда был озвучен доклад «Наше общее будущее», в котором констатировалась проблема отхода мирового сообщества от решения социальных проблем и декларировалась необходимость инвестирования ресурсов в людей как самого ценного актива любого государства, а также учет этических норм и правил, природно-экологической целостности, справедливости, прав человека и сохранения социально-культурного разнообразия стран и народов [5].

В 2016 году Организация Объединенных Наций учредила основные показатели устойчивого развития, касающиеся социальных аспектов, которые государствам необходимо достичь к 2030 году. Их перечень содержит требования, направленные на обеспечение населения качественной медициной, образованием, работой, а также на рационализацию использования природных ресурсов, ликвидацию нищеты, в целом кардинальное повышение уровня жизни людей [6].

В России тренд на устойчивое развитие социально-экономической сферы регламентируется ФЗ РФ от 30.12.2020 № 494 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» и отражает принцип триединства оценки процессов развития регионов, которые учитывают сферу экономики, экологии и социального сектора [7].

В Федеральном законе от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» в статье 20 подробно перечислены виды предоставляемых государством социальных услуг:

- 1) социально-бытовые направлены на обеспечение жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту;

2) социально-медицинские поддерживают и сохраняют здоровье получателей услуг путем организации ухода, проведения оздоровительных мероприятий, наблюдения за гражданами и выявления отклонений в состоянии их здоровья;

3) социально-психологические предусматривают оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей и адаптации населения к среде проживания, в том числе оказание анонимной психологической помощи;

4) социально-педагогические обеспечивают профилактику отклонений в поведении и развитии личности, формирование у нее позитивных интересов, проведение культурно-досуговых мероприятий и оказание помощи семье в воспитании детей;

5) социально-трудовые направлены на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией [8].

Управление российскими северными территориями выстраивается на основе Указа Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» и Постановления Правительства от 30.03.2021 № 484 «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», в которых обозначены стратегические ориентиры развития этих областей. Обоснованность принятых документов связана со значимой ролью Арктики в обеспечении национальной безопасности нашего государства. Предполагается, что к 2035 году в России должны быть выполнены плановые социально-инфраструктурные и экологические показатели, проведены работы по регулированию программ социальной защиты населения, повышению качества и уровня жизни людей, проживающих в арктических регионах [9; 10].

Соответствующие программы приняты в районах Арктики, в состав которых входит Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). В 2021 году Законодательное собрание округа утвердило документ «Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года». В нем описаны социальные меры, призванные обеспечить населению достойный уровень жизни, закрепить тенденции снижения социального неравенства, а также гарантировать доступность социальных благ (медицинских, образовательных, экологических, потребительских и пр.) [11].

Важнейшим направлением в вопросах реализации стратегий развития Арктики является решение вопросов управленческого регулирования, базирующихся на следующих принципах: обеспечение доступности социальных благ, их гарантированное и качественное предоставление; социальное партнерство государства и бизнеса; разработка и следование социальным стандартам; координация и согласование социальных, экологических, экономических показателей и др.

Г. И. Поподько предложена концепция управления социальной устойчивостью регионов, которая включает регулирование инвестиционных потоков, поддержку и стимулирование наиболее перспективных вложений в развитие «человеческого капитала» и объектов, обеспечивающих доступность социальных услуг [12]. Также управление социальной устойчивостью территории предполагает организационные и институциональные преобразования, связанные с формированием специализированных руководящих структур и организацию мониторинговых мероприятий, демонстрирующих динамику социального развития Арктической зоны Российской Федерации, включая

ЯНАО. В 2023 году округ, по данным Фонда развития гражданского общества, возглавил рейтинг устойчивого развития регионов. Методика базируется на экспертной оценке и комплексном анализе ключевых социально-экономических показателей.

1. Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (высокая стоимость регионального продукта обеспечивает высокую позицию субъекта РФ)¹.

2. Средняя заработная плата. Данный первичный индекс — это показатель простого типа, способ ранжирования Росстатом регионов в порядке убывания средней зарплаты человека на начало последнего месяца отчетного квартала.

3. Прожиточный минимум/минимальная стоимость жизни (отношение среднемесячной зарплаты к стоимости фиксированного набора товаров и услуг). Эти оценки являются индексом социального благополучия и представляют собой стоимость фиксированного набора для российских регионов, формируемого ежемесячно на основе оперативной статотчетности, предоставляемой Федеральной службой государственной статистики. Высокие цифры средней заработной платы относительно стоимости минимального потребительского набора определяют приоритетные позиции региона.

Место	Регион	Критерий 1	Критерий 2	Критерий 3	Сводная оценка (среднее место)
		РП на душу населения	Средняя заработная плата	Прожиточный минимум/средняя зарплата	
1	Ямало-Ненецкий автономный округ	2	3	2	2,33
2	Магаданская область	7	1	1	3,00
3	Ненецкий автономный округ	1	5	4	3,33
	Чукотский автономный округ	5	2	3	3,33
4	г. Москва	6	4	5	5,00
5	Сахалинская область	4	6	6	5,33
6	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	3	9	7	6,33
7	Республика Саха (Якутия)	8	7	8	7,67
8	Мурманская область	9	10	10	9,67
9	г. Санкт-Петербург	10	11	9	10,00
10	Красноярский край	13	13	12	12,67
11	Иркутская область	18	14	11	14,33
12	Камчатский край	23	8	14	15,00
13	Республика Коми	12	15	19	15,33
14	Московская область	25	12	16	17,67
	Кемеровская область	17	23	13	17,67
15	Тюменская область	14	21	25	20,00

Рис. 1. Рейтинг устойчивого развития регионов РФ [13]

¹ Валовой региональный продукт (ВРП) — обобщающий показатель региональной деятельности региона, означающий сумму производства товаров и услуг для конечного использования. ВРП — это валовая добавленная стоимость, созданная резидентами территории, определяемая как разница между выпуском и промежуточным потреблением. Индекс рассчитывается в текущих основных, постоянных ценах, включенных в цены производства отраслей, а также в величину предоставляемых субсидий на продукты за исключением налогов на продукты.

В результате сравнительной фазы исследования первичные рейтинги в виде номеров позиций (за исключением первого субрейтинга) были сведены в таблицу, где для субъектов РФ были исчислены среднестатистические итоговые места, представляющие собой среднюю арифметическую величину, определяющую конечную позицию региона в окончательном интегральном рейтинге (рис. 1).

Данные показатели свидетельствуют о важности социального элемента в системе обеспечения устойчивости территории, где в создании общественных благ большая роль отводится государственному регулированию, формирующему необходимые условия для достижения региональных социальных целей. Многогранность и многоаспектность категории «социальное управление» предполагает ее рассмотрение с различных исследовательских позиций. Отечественные ученые анализируют социально-политическое направление с точки зрения особенностей принятия управленческих решений для различных территорий и определения способов удовлетворения жизненных потребностей граждан [14–16].

М. Л. Белоножко, Н. И. Крысин, Н. Е. Серкина и др. видят задачи управления в совершенствовании социально-экономического сегмента, играющего ключевую роль в достижении высокого уровня жизни людей, их экономической активности, улучшающей динамику положительных изменений материальной сферы субъектов РФ. Это происходит за счет административно-правового регулирования, направленного на позитивное изменение как управляемой, так и управляющей системы (подсистемы). В этом случае первоочередным является сопоставление размеров внутреннего валового продукта на душу населения, но не в абсолютных значениях, а в виде индексов, выражающих социальное благополучие граждан [17–19].

В процессе управления региональным развитием учитываются социально-психологические, коммуникационные и ценностно-аксиологические методы, измерение успехов социального развития, предполагающего защищенность личности, формирование ее нравственных ориентиров, сохранности когнитивного и ментального здоровья, создание доверительных конструктов между всеми социальными субъектами [20]. Как уже было отмечено, правовое регулирование системы социального развития территорий регламентируется общими и специализированными законами, а также государственными актами, принимаемыми на макро-, мезо- и микроуровнях.

Таким образом, рассмотрение изучаемого явления с точки зрения управленческой парадигмы открывает новые теоретические и прикладные возможности комплексного институционального и организационного управления, учитывающего все аспекты эволюции территориального устройства и обеспечивающего устойчивость этого процесса. Нормативная база и наличие соответствующих структур позволяет оптимально координировать деятельность учреждений, создающих механизмы справедливого и относительно равного доступа населения к социальным благам. В нашей стране имеется соответствующая система закрепленных стандартов, норм и регламентов, разработанная и принятая к внедрению в разные годы. Так, в 2011 году был утвержден Национальный стандарт «Социальное обслуживание населения: методы контроля качества социальных услуг». Здесь представлены следующие способы их измерения: аналитика (официальные документы, статистика); социология (опрос, интервьюирование); экс-

пертиза (привлечение внешних консультантов); супервизия (содействие сотрудникам в получении соответствующих компетенций); рекламации (рассмотрение претензий получателей услуг) и др. В числе сервисных предложений, которые предполагается оценивать, названы социально-бытовые, образовательные, медицинские, услуги социально-трудовой реабилитации и др. [21].

Следовательно, анализ оценок управленческих механизмов и определение их роли в формировании социальной сферы строятся на основе разработанной системы определенных методов и приемов, к числу которых относятся экспертиза, анкетирование, разнообразные аналитические приемы и средства, установление обратной связи с гражданами, консультирование сотрудников и т. д. В соответствующих структурах заранее определяются показатели результативности системы управления территориальными ресурсами, которые нацелены на выявление динамики устойчивого функционирования социальной сферы.

Согласно мониторинговым исследованиям И. А. Гушиной, Д. Л. Кондратович, О. А. Положенцевой, проведенным в Мурманской области, ключевые показатели социальной сферы чаще всего исчисляются исходя из уровня инфляции, бедности населения, социального расслоения и в целом социально-экономической нестабильности изучаемого региона (рис. 2).

Рис. 2. Показатели оценки социальных проблем в Мурманской области (%) [22]

Исследователи констатируют, что за десятилетие наблюдений, проведенных в области, респонденты признают позитивные изменения, связанные с экономической стабилизацией, а остальные показатели ими оцениваются негативно. Среди проблем, которые вызывают у жителей опасения, названы такие, как сокращение доходов, упадок системы ЖКХ, загрязнение окружающей среды, недоступность здравоохранения и жилья, ухудшение качества управления. Сравнительный анализ результативности принимаемых властью решений показывает значительное снижение одобрения деятельности административных органов. В 2017 г. 45 % населения Мурманской области были неудовлетворены решениями, принимаемыми в сфере здравоохранения; 51 % — в сфе-

ре ЖКХ. В целом 50 % жителей области негативно оценивают социально-экономическую политику, проводимую областной властью [22].

Сравнивая результаты по различным регионам Арктической зоны Российской Федерации И. А. Гущина, Д. Л. Кондратович и др. отмечают, что в большинстве случаев отрицательные оценки социального развития имеют прямую корреляцию с низкой эффективностью системы управления. Такой вывод подтверждается региональными данными развития социальной сферы ЯНАО. Здесь в основном их положительные значения соответствуют высоким оценкам управленческого воздействия (таблица).

**Оценка развития социальной сферы в субъектах
Арктической зоны Российской Федерации (2017 г., в баллах)²**

Место в рейтинге	Субъект РФ	Оценка управления социальной сферой	Оценка развития социальной сферы
1	Ямало-Ненецкий АО	68	93
2	Республика Коми	66	68
3	Ханты-Мансийский АО	64	65
4	Иркутская область	63	53
5	Чукотский АО	61	64
12	Мурманская область	58	61

Эффективное управление социальной сферой Арктической зоны Российской Федерации предполагает введение в систему интегративного оценивания расширенного ассортимента социально-бытовых услуг, оказываемых населению, их качества, доступности, в том числе за счет внедрения методов искусственного интеллекта и цифровизации. Немаловажным является измерение параметров обоснованности и справедливости принимаемых управленческих решений, транспарентности власти и партнерских проектов как с представителями бизнеса, так и с гражданским сообществом. При разработке методов измерения качества управленческих решений, принимаемых соответствующими властными структурами, действующими на территории Арктической зоны Российской Федерации, необходимо отметить важность социологических исследований, требующих самостоятельного отдельного научного анализа. В зависимости от целеполагания массив полученных эмпирических данных может подвергаться моделированию, математической обработке, использованию стандартного кластерного, факторного анализа, корреляционно-регрессивной линейной/нелинейной регрессии, изучению временных рядов, множественной линейной зависимости и т. д. Оптимизация используемых показателей измерения уровня развития социальной сферы Арктики, их внедрение в повседневную практику управления в значительной мере влияют на рост устойчивости всех территориальных образований Арктической зоны Российской Федерации.

² Таблица составлена авторами на основе данных мониторинга социальной сферы Арктической зоны Российской Федерации в период с 2008 по 2017 гг. [22].

Выводы

Таким образом, совокупность социальных факторов, определяющих прогресс человеческой жизнедеятельности российского Севера, актуализирует внимание к оценочным показателям управленческих действий, а также их поиск, внедрение и дальнейшее совершенствование. В деятельности регионального руководства важно определять те значения, которые в первую очередь улучшают качество жизни людей, обеспечивают рост ВРП, общих доходов населения, их удовлетворенность социально-бытовыми, медицинскими и образовательными услугами. Данный объект исследования представляет собой многоаспектный научный феномен, включающий множество характеристик и параметров. Исходя из этого, важно сформулировать тезис о комплексном подходе к решению обозначенной проблемы как по перечню индикаторов, которые необходимо включать в рейтинговые значения, так и по процедурам консультативного, нарративного, экспертного и других видов оценивания и анализа.

Список источников

1. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – Москва : Добросвет, 1998. – 596 с. – Текст : непосредственный.
2. Кибакин, М. В. Вторичный анализ социологических данных в исследовании проблем цивилизационного развития и становления цифровой экономики / М. В. Кибакин. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные технологии. – 2021. – № 1 (17). – С. 10–17.
3. Стрельникова, А. В. Вторичные данные как информационный ресурс : специфика и порядок работы / А. В. Стрельникова. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3 (46). – С. 30–43.
4. Моисеев, Н. Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции / Н. Н. Моисеев. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 123–130.
5. Развитие и международное экономическое сотрудничество : проблемы окружающей среды. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 21.07.2023). – Текст : электронный.
6. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf (дата обращения: 23.07.2023). – Текст : электронный.
7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий : Федеральный закон № 494-ФЗ : [принят Государственной думой 23 декабря 2020 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года]. – Москва, 2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677. – Текст : электронный.

8. Российская Федерация. Законы. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 442-ФЗ : [принят Государственной думой 23 декабря 2013 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года]. – Москва, 2013. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558. – Текст : электронный.
9. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» : введ. в действие с 26.10.2020. – Москва, 2020. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102888023> (дата обращения: 02.06.23.) – Текст : электронный.
10. Постановление Правительства Российской Федерации об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» от 30.03.2021 года № 484. – Москва, 2021. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202104020037.pdf> (дата обращения: 21.06.2023.). – Текст : электронный.
11. Постановление Законодательного Собрания ЯНАО «О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года» от 24 июня 2021 года № 478. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574785875> (дата обращения: 18.07.2023). – Текст : электронный.
12. Поподько, Г. И. Концепция управления социальной устойчивостью региональной экономической системы / Г. И. Поподько. — Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 6–2. – С. 511–515.
13. Регионы-лидеры социально-экономической устойчивости (4 квартал 2022 года). ТОП-35. – Текст : электронный // Фонд развития гражданского общества : сайт. – 2023. – 03 апр. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/146> (дата обращения: 06.06.2023).
14. Уржа, О. А. Интеграция интересов социальных групп и слоев как основа эффективного социального управления / О. А. Уржа. – Текст : непосредственный // Материалы Ивановских чтений. – 2015. – № 4. – С. 257–262.
15. Скок, Н. И. Формирование современного рынка социальных услуг : монография / Н. И. Скок, Т. Е. Ухабина. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – 111 с. – Текст : непосредственный.
16. Романов, В. Л. Социально-инновационный контекст эволюции парадигмы государственного управления / В. Л. Романов. – Текст : электронный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2007. – Вып. 11. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_11._ijun_2007_g./romanov.pdf (дата обращения: 12.07.2023).
17. Белоножко, М. Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского севера / М. Л. Белоножко, Н. И. Крысин. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 87–89.
18. Заславская, Т. И. Социология экономической жизни : очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск : Наука, 1991. – 448 с. – Текст : непосредственный.

19. Серкина, Н. Е. Смена парадигмы социального управления при переходе к постиндустриальному обществу / Н. Е. Серкина. – Текст : непосредственный // Экономика и управление в современных условиях. – Красноярск : СИБУП, 2004. – С. 102–105.

20. Герасимова, Г. И. Феномен доверия в социальном управлении : теоретический аспект / Г. И. Герасимова. – DOI 10.24158/tipor.2023.6.2. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6 (182). – С. 26–32.

21. ГОСТ Р 54342-2011. Социальное обслуживание населения. Методы контроля качества социальных услуг : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утв. и введ в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 июня 2011 г. № 155-ст : введ. впервые : дата введ. 2012-07-01 / разработан Региональной общественной организацией инвалидов «Центр гуманитарных программ» и Федеральным государственным унитарным предприятием «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия». – Москва : Стандартинформ, 2020. – 12 с. – Текст : непосредственный.

22. Гущина, И. А. Динамика социального развития территорий Российской Арктики в оценках населения : Мурманская область : монография / И. А. Гущина, Д. Л. Кондратович, О. А. Положенцева. – DOI 10.37614/978.5.91137.418.1. – Апатиты : Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, 2019. – 231 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Yadov, V. A. (1998). *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noy real'nosti*. Moscow, Dobrosvet Publ., 596 p. (In Russian).

2. Kibakin, M. V. (2021). Secondary analysis of survey data in the study of the problems of civilization development and formation of the digital economy. *Social and Humanitarian Technologies*, (1(17)), pp. 10-17. (In Russian).

3. Strelnikova, A. V. (2010). Secondary data as information resource: the specificity and working stage. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies*, (3(46)), pp. 30-43. (In Russian).

4. Moiseev, N. N. (2000). *Sistemnaya organizatsiya biosfery i kontseptsiya ko-evolyutsii*. *Social sciences and contemporary world*, (2), pp. 123-130. (In Russian).

5. *Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu*. (In Russian). Available at: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>

6. *Sistema global'nykh pokazateley dostizheniya tseley v oblasti ustoychivo-go razvitiya i vypolneniya zadach Povestki dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na pe-riod do 2030 goda*. (In Russian). Available at: [https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20 Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf](https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf)

7. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O vnesenii izmeneniy v Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh obespecheniya kompleksnogo razvitiya territoriy: Federal'nyy zakon No 494-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677
8. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon No 442-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558
9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda". (In Russian). Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102888023>
10. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202104020037.pdf>
11. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya YANAO "O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga do 2035 goda". (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/574785875>
12. Popodko, G. I. (2012). Management concept of social sustainability of regional economic system. Fundamental research, (6-2), pp. 511-515. (In Russian).
13. Regiony-lidery sotsial'no-ekonomicheskoy ustoychivosti (4 kvartal 2022 goda). TOP-35. (In Russian). Available at: <http://civalfund.ru/mat/view/146>
14. Urzha, O. A. (2015). Integratsiya interesov sotsial'nykh grupp i sloev kak osnova effektivnogo sotsial'nogo upravleniya. Materialy Ivanovskikh chteniy, (4), pp. 257-262. (In Russian).
15. Skok, N. I., & Ukhabin, T. E. (2009). Formirovanie sovremennogo rynka sotsial'nykh uslug: monografiya. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University Publ., 111 p. (In Russian).
16. Romanov, V. L. (2007). Sotsial'no-innovatsionnyy kontekst evolyutsii paradigmy gosudarstvennogo upravleniya. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik, (11). (In Russian). Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_11._ijun_2007_g./romanov.pdf
17. Belonozhko, M. L., & Krysin, N. I. (2002). Spetsifika upravleniya monoprofil'nymi gorodami Tyumenskogo severa. Sotsiologicheskie issledovaniya, (7), pp. 87-89. (In Russian).
18. Zaslavskaya, T. I., & Ryvkina, R. V. (1991). Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni: ocherki teorii. Novosibirsk, Nauka Publ., 448 p. (In Russian).
19. Serkina, N. E. (2004). Smena paradigmy sotsial'nogo upravleniya pri perekhode k postindustrial'nomu obshchestvu. Ekonomika i upravlenie v sovremennykh usloviyakh, Krasnoyarsk, SIBUP Publ., pp. 102-105. (In Russian)
20. Gerasimova, G. I. (2023). The phenomenon of trust in social management: a theoretical aspect. Theory and practice of social development, 6(182), pp. 26-32. (In Russian). DOI: 10.24158/tpor.2023.6.2

21. GOST R 54342-2011. Social services of the population. Methods of quality control of social services. (2020). Moscow, Standartinform Publ., 12 p. (In Russian).

22. Gushchina, I. A., Kondratovich, D. L., & Polozhentseva, O. A. (2019). *Dinamika sotsial'nogo razvitiya territoriy Rossiyskoy Arktiki v otsenkakh naseleniya: Murmanskaya oblast'*. Apatity, Institut ekonomicheskikh problem im. G. P. Luzina Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN Publ., 231 p. (In Russian). DOI: 10.37614/978.5.91137.418.1

Информация об авторах / Information about the authors

Белоножко Марина Львовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, mlb@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Конев Юрий Михайлович, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Пинигин Иван Евгеньевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, mlb@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Yury M. Konev, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Ivan E. Pinigin, Postgraduate at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 31.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 31.10.2023.

УДК: 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57

Гражданское общество в региональном контексте

А. Н. Гадиева^{1, 2*}, И. С. Вершинин³

¹Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

²Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, филиал Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

³Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*izmir-alana@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления устойчивого гражданского общества в Северо-Кавказском регионе. Целью работы является обоснование целесообразности участия органов государственной власти в процессе развития гражданского общества. В статье исследуется взаимодействие государства и институтов гражданского общества в условиях новых социально-политических реалий. Приводятся аргументы необходимости создания государственными органами условий для развития гражданского общества. Для написания статьи были использованы следующие методы: документальный и статистический анализ, контент-анализ средств массовой информации, экспертный опрос. Результаты экспертного опроса и анализ теоретического материала подтверждают гипотезу о том, что государство в качестве субъекта играет существенную роль в процессе развития гражданского общества, создавая условия для его эффективного функционирования, разрабатывая законодательную базу для защиты социальных институтов от посягательства самого государства на основы демократии. В статье делается вывод о том, что процесс формирования стабильного гражданского общества должен быть обоюдным: государство дает возможности и охраняет, общество осознает ответственность и может консолидироваться для решения насущных проблем, не боясь репрессий со стороны государства. Статья содержит рекомендации по выработке мер для эффективного функционирования элементов гражданского общества, способствующих созданию благоприятной общественной среды. Подобные исследования дают возможность прогнозировать и разрабатывать новые оптимальные сюжеты общественного развития в стране в целом и в регионах в частности.

Ключевые слова: гражданское общество, консолидация, солидарность, некоммерческая организация, протестные акции

Для цитирования: Гадиева, А. Н. Гражданское общество в региональном контексте / А. Н. Гадиева, И. С. Вершинин. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 43–57.

Civil society in the regional context

Aneta N. Gadieva^{1, 2*}, Ivan S. Vershinin³

¹Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, a branch of Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia

³Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*izmir-alana@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of sustainable civil society in the North Caucasus region. The aim of the study is to validate the importance of public authorities participating in the development of civil society. The article examines the interaction between the state and civil society institutions in the

context of new socio-political circumstances. The article argues that state authorities should create favorable conditions for the progress of civil society. The article was written using documentary and statistical analysis, content analysis of the media, and an expert survey. The analysis of theoretical material and expert surveys confirm the hypothesis that the state has a vital function in the development of civil society. It creates conditions for the effective operation of social institutions, developing a legislative framework for the protection of social institutions from the encroachment of the state itself on the foundations of democracy. That is, the development of a stable civil society requires mutual effort: the state must provide opportunities and ensure protection, while society must be aware of its responsibilities and unite to tackle pressing issues without fear of repression by the state.

The article proposes measures to enhance the effective functioning of civil society elements that aid in creating favorable public environment. Such studies make it possible to predict and develop new optimal scenarios for social development in the country as a whole and in the regions in particular.

Keywords: civil society, consolidation, solidarity, non-profit organization, protest actions

For citation: Gadieva, A. N., & Vershinin, I. S. (2023). Civil society in the regional context. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 43-57. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57

Введение

Смена социально-политической системы на постсоветском пространстве и заявления инициаторов и архитекторов общественных трансформаций в конце 80-х — начале 90-х годов XX века предполагали создание условий для становления гражданского общества и построения новых социальных конструкций, основанных на ценностях демократии и права. Политическая перестройка России 90-х при всей ее противоречивости все же задала некий общий вектор демократического развития государства: была принята новая конституция, сформированы демократические институты, произошла интеграция в общемировые процессы. В сложившемся политическом контексте выстраивание новой вертикали власти должно было идти параллельно и синхронно созданию прочных горизонтальных связей. Только при таких условиях возможно было создать демократическую государственную конструкцию, устойчивую к различным политическим трансформациям. Между тем созданные в стране демократические институты не всегда отвечают тем ожиданиям и чаяниям, которые изначально с ними связывали [1]. Осознавая экзистенциальную угрозу, связанную с невозможностью реализации населением своих формально оформленных прав, власть периодически предпринимает шаги по созданию каналов выхода гражданской активности в виде некоммерческих организаций, региональных общественных палат, общественных советов при различных ведомствах. Практика развития элементов гражданского общества «сверху» демонстрирует неготовность самого общества к проявлению гражданских инициатив при наличии одновременно латентного запроса на демократические преобразования. Наметившиеся тенденции могут привести к дефициту легитимности власти, спровоцировать разочарование масс, создать условия для реконверсии авторитарного режима [2]. Такой сценарий развития социально-политических процессов в стране либо сводит на нет завоевания перестройки, либо признает однозначную неэффективность и даже ошибочность (такого мнения придерживается сегодня значительная часть общества) ее задумки и осуществления.

Основная гипотеза, выдвинутая в статье, заключается в том, что наличие стабильного гражданского общества в России в целом и в регионах в частности во многом зависит

от условий, создаваемых государственными органами, и возможностей, предоставляемых ими для развития горизонтальных связей и гражданского взаимодействия. Целью данного исследования является научное и эмпирическое обоснование целесообразности участия органов государственной власти в процессе развития гражданского общества.

Материалы и методы

Многозначность понятия «гражданское общество» делает его весьма сложным объектом исследования. Гражданское общество принадлежит к числу дефиниций, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Такого рода понятия нелегко определить, а их применение означает не только известную зону неопределенности, но и различия их толкования [1]. Но основное содержание термина «гражданское общество» все-таки включает сферу самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, которые ограждены соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Также этот термин используют для определения степени эволюции цивилизованного общества. В этом смысле гражданское общество — это то, которое гарантирует беспорочное выполнение прав и свобод гражданина, а взамен требует исполнения обязанностей по отношению к нему. Гражданское общество предполагает наличие развитых горизонтальных связей, функционирование социальных институтов в виде некоммерческих организаций (НКО), общественных советов, совершение социальных действий типа «социальная ответственность», «солидарность», «доверие», «гражданская активность и участие».

Теоретической базой представленной статьи являются публикации зарубежных и отечественных авторов. Следует отметить работу М. М. Ховарда «Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе», где он на примере России и Восточной Германии исследует причины, повлиявшие на отставание стран посткоммунистического блока в становлении и развитии гражданского общества на фоне демократических государств [3]. В. В. Витюк в своем труде «Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция» рассмотрел разнообразие нынешних подходов к понятию гражданского общества и теоретических представлений о нем в научной среде и в массовом сознании [4]. Ю. М. Резник в своем исследовании «Гражданское общество как феномен цивилизации» заявляет, что для формирования гражданского общества необходимо выявить формы и мотивацию гражданской активности и изучить систему ценностей [5]. А. И. Соловьев в своей работе «Три облика государства — три стратегии гражданского общества» утверждает, что взаимоотношения государства и гражданского общества являются наиболее серьезными факторами развития социального организма в целом, и «понимание всего комплекса отношений этих контрагентов одновременно означает обнаружение возможностей трансформации общественной системы, ее способностей к самообновлению и развитию» [6]. А. Г. Володин в труде «Гражданское общество и модернизация в России», исследуя в исторической перспективе процесс становления в России гражданского общества, уделяет внимание тому существенному влиянию, какое оказывал и продолжает оказывать на него «догоняющий» характера российской модернизации [7].

По характеру и содержанию эти исследования не являются однозначными в оценках возможности/невозможности становления в нашей стране зрелого гражданского общества. В отечественной политической науке эта проблема остается открытой, дискуссионной, спорной. Однако по некоторым позициям исследователи проблем становления и развития гражданского общества сходятся во мнении. Одна из позиций касается того, что гражданское общество, его национальные модели и институты следует рассматривать в контексте политического пространства, которое носит конкретно-исторический и дискретный характер. К сожалению, в современной социолого-политической науке сохраняется разрыв между теоретико-методологическими исследованиями гражданского общества и эмпирическим анализом его современных политических институтов и практик функционирования. Эмпирическое исследование, представленное в данной статье, дает возможность в некоторой степени сократить данный разрыв.

Для написания статьи были использованы следующие методы: документальный и статистический анализы, контент-анализ средств массовой информации (СМИ). Основным методом исследования являлся экспертный опрос, проведенный по специально разработанному гайду. Для анализа проблемы развития гражданского общества Центром исследования приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) совместно с отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ) в апреле–мае 2023 года был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили научные сотрудники, депутаты парламента, журналисты, блогеры, общественные активисты, госслужащие — всего 15 человек. Результаты эмпирического исследования подтверждают теоретический анализ проблемы.

Результаты и обсуждение

Само определение Российской Федерации как правового, демократического государства предполагает наличие в нем гражданского общества. Архитекторы «перестройки» в СССР запустили процесс смены политического режима в стране и заявили о необходимости построения нового типа государства с демократической формой правления, частной собственностью и развитой системой гражданских прав и свобод. На протяжении последних 30 лет исследователи социальных процессов в стране пытаются определить, есть ли у нас гражданское общество, и если да, то в каком оно состоянии. События последних трех лет (COVID-19, специальная военная операция) внесли свои коррективы в политический сюжет не только России, но и всего мира. В свете нынешней ситуации, когда либерализм в нашей стране воспринимается как часть западной культуры, как некий антагонист по отношению к российским ценностям, проект «гражданское общество» теряет былую актуальность.

Однако у значительной части российского социума есть устойчивый запрос на гражданские ценности в виде права на свободу слова, печати, инакомыслие. Без развитых институтов гражданского взаимодействия сложно осуществлять свои задачи и самому государству. Поэтому научному сообществу необходимо вырабатывать новые,

созвучные с современными реалиями теории общественного развития, где через коллективное действие достигается индивидуальное благополучие и осознается ценность человеческой жизни. Таким и представляется развитое гражданское общество.

Северный Кавказ как часть Российской Федерации (РФ) развивается в том же правовом поле и использует те же стратегии развития, что и все остальные регионы России. Однако, обладая своеобразным этническим, религиозным, культурным колоритом, многие процессы, происходящие в регионе, имеют особую специфику, которая содержит в себе некую непредсказуемость. Несмотря на то, что в региональном сообществе элементы гражданского общества в виде развитых горизонтальных связей заложены исторически и имеют глубокие корни, традиционализм и исламский фактор оказывают значительное влияние на ценностные установки населения Северо-Кавказского региона и в некоторых случаях вступают в противоречие с ценностями и требованиями гражданского общества. Безусловно, наличие сильных и реально действующих институтов гражданского общества способствовало бы снижению социальных рисков в регионе, создавало бы возможность для позитивных сценариев развития. Элементами стабильного гражданского общества могут являться различные социальные и политические институты, отстаивающие права человека, помогающие людям ощущать свою защищенность.

Государство в лице своих институтов инициирует создание элементов и механизмов функционирования гражданского общества. При создании условий для развития гражданского общества у государства возникает большой соблазн систематического контроля и регулирования. У гражданских активистов есть основания опасаться такого нежелательного сценария, тем более государственные органы часто подают для этого повод.

Между тем важной составляющей гражданского общества, в которой реализуется его потенциал, принято считать относительно устойчивые ячейки предпринимательской самоорганизации. Одним из видов подобных образований являются некоммерческие организации (НКО). Создание некоммерческого сектора инициировалось государством и регулируется Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8]. Создание так называемого «третьего сектора» связано, во-первых, с желанием государства облегчить для себя решение задач социально-экономического характера, то есть закрыть те лакуны в социальной сфере, которые предполагают наличие широкой вовлеченности человеческого капитала. А во-вторых, с желанием под патронажем и контролем государства создавать условия для реализации их социальных инициатив и направить их энергию в предсказуемое русло.

Формирование «третьего сектора» в регионе, как и во всей стране, идет с начала 1990-х гг., но развивался процесс неравномерно. До начала 2000-х гг. процесс регистрации НКО в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) проходил неактивно. Подобная тенденция, скорее всего, была связана с отсутствием понимания задачи и опыта гражданской самоорганизации, неготовностью общества к освоению новых либерально-демократических правил и использованию их возможностей, глубоким экономическим спадом, поставившим значительную часть населения на грань выживания, перегруженностью региональной повестки дня конфликтными этнополитическими коллизиями. На начальном этапе некоммерческий сектор в СКФО в большей

степени брал на себя роль защитника прав человека, тем самым претендовал на политическую повестку, а в конечном итоге дошел до всевозможных волонтерских проектов социального характера.

Региональные особенности развития некоммерческого сектора в современной России целиком зависят от нескольких факторов, оказывающих воздействие на его реальную эффективность. Основными факторами можно обозначить, во-первых, уровень экономического развития региона и наличие на его территории градообразующих предприятий, не только осуществляющих производственную деятельность, но и оказывающих поддержку социальным инициативам. Во-вторых, степень поддержки региональными властями структур некоммерческого сектора и наличие между ними конструктивного диалога. Конечно, можно отметить и другие факторы, оказывающие влияние на активность НКО (например, получение ими грантов, в том числе зарубежных), но они, как правило, носят ситуативный характер. Вместе с тем даже в дотационных регионах, ярким примером которых являются субъекты СКФО, некоммерческий сектор при определенных условиях способен объединять население для различных социальных проектов [9].

Основной рост НКО произошел с 2002 по 2014 годы, и объясняется это теми новыми возможностями, которые обещал процесс стабилизации в стране через укрепление «вертикали власти», без отказа от либеральных принципов организации общественной жизни. Этот период характеризовался экономической стабильностью и восстановлением социальных функций государства, позволяющих гражданам обратиться к удовлетворению потребностей, выходящих за рамки простого поддержания своего существования. Правящая политическая элита осуществляла практику поддержки и мобилизации общественных объединений как вспомогательного средства решения социальных проблем и расширения собственной социальной базы. Был упрощен процесс регистрации НКО, и детальная юридическая регламентация сферы НКО превратила их создание и деятельность из маленького гражданского «подвига» в формальную бюрократическую процедуру. Расширялась практика грантовой системы финансирования НКО.

Однако уже с 2014 года процесс образования новых организаций замедлился, и в последнее десятилетие регистрацию в год в отдельном регионе проходят порядка 10–15 НКО, при этом параллельно идет процесс закрытия старых неработающих организаций. По итогам 2019 года количество зарегистрированных в России некоммерческих организаций сократилось на 4,5 % [10].

Между тем одним из показателей развитого гражданского общества является количественное и качественное состояние сети некоммерческих организаций. По данным федеральных и региональных органов власти, в стране на 2023 год зарегистрировано около 210 тыс. некоммерческих организаций [11]. Для выявления уровня самоорганизации граждан и развития институтов гражданского общества используют методику определения количества НКО на 1 000 человек. Так, в Республике Дагестан всего зарегистрировано 1 826 организаций, 735 из них — религиозные объединения [12]. По состоянию на 2018 год в Кабардино-Балкарской Республике насчитывалось 907 некоммерческих организаций [13]. В Республике Северная Осетия — Алания зарегистрировано 895 организаций, 111 из них — религиозные объединения [14]. Действующими, то есть сдающими ненулевую отчетность в Министерство юстиции Российской Феде-

рации, на территории Карачаево-Черкесской Республики признаны 91 НКО. По количеству НКО на 1 тыс. жителей СКФО имеет показатель ниже среднего значения по РФ — 1,01 [15], кроме Северной Осетии (1,1 на 1 тыс. жителей). При этом в структуре некоммерческого сектора в субъектах, основной религией в которых является ислам, религиозные организации занимают треть из числа всех организаций. Анализ статистических данных демонстрирует низкий уровень развития «третьего сектора» в СКФО по сравнению с другими регионами России. Данный факт объясняется не только слабой гражданской активностью населения региона, но и низким уровнем экономического благосостояния народа, предпринимательской деятельности.

На отсутствие желания работать в «третьем секторе» в регионе влияет и общее состояние в стране, низкая мотивация заниматься общественной деятельностью, разочарование в роли и возможностях НКО, сложная работа с российскими грантами и свертывание работы с зарубежными грантами, неоднозначность и проблемы, связанные с правозащитной деятельностью. Один из экспертов охарактеризовал состояние «третьего сектора» следующим образом: *«В России, особенно в последнее время, главная проблема “третьего сектора” в том, что ты должен быть либо максимально лояльным к действующей власти, либо тебе не дадут возможности заниматься общественной деятельностью. Успешно работать могут либо крайне аполитичные организации, и то, им тоже желательно сохранять лояльность, либо те, которые однозначно при каких-то властных институтах, недалеко от них. Что касается Северной Осетии, то у нас более-менее успешно работают один, два благотворительных фонда»* (жен., 33 года, помощник депутата).

Система грантов не стала тем механизмом, который бы активизировал деятельность существующих НКО и мотивировал создание новых, потому что, во-первых, работа с грантами предполагает определенную подготовку, а, во-вторых, не всегда система распределения грантов бывает объективной и прозрачной. НКО, неоднократно подававшие свои проекты на конкурсы и не получившие поддержки, как правило, разочаровываются и снижают активность. Известно, что в регионах распространенной является практика аффилированных НКО, создаваемых заинтересованными лицами под определенные ведомства. Попасть в орбиту чьих-то интересов не для всех представляется допустимой практикой. В системе президентских грантов тоже есть свои предпочтения, и Северо-Кавказскому региону отводится роль не очень значимого актора. В силу данных обстоятельств незначительное количество НКО проявляют желание работать с грантами, в то же время находить другие источники финансирования для своих инициатив, не имея навыков работы по краудфандингу, бывает проблематично.

Результаты исследований показывают, что активизировать «третий сектор» следует прежде всего на муниципальном уровне, который дает возможность общественным организациям проявить себя в полной мере. Именно гражданские активисты лучше всех знают проблемные зоны в социальной сфере на местах. Они могут выстроить свою деятельность в соответствии с потребностями данной территории. Однако таких НКО незначительное количество. Для того чтобы эффективно реагировать на существующую проблему и оказывать посильную помощь в ее разрешении, нужно уметь озвучить проблему и привлечь к ней не только внимание, но и ресурсы тех структур,

которые способны оказать содействие в кризисной ситуации. Для этого необходима сеть муниципальных некоммерческих организаций. Этот вывод подтвердили все эксперты. Мнение одного из них передает общий посыл: *«Пока “третий сектор” не внедрится глубоко в структуру местных сообществ, ощутимых результатов от его деятельности не будет. Иначе НКО будут находиться в позиции формального существования и не смогут оказывать существенное влияние ни на экономическую, ни на политическую, ни на социальную сферы жизнедеятельности общества»* (жен., 45 лет, член общественной палаты).

К сожалению, в региональном сообществе нет четкого понимания роли «третьего сектора» и каждой организации в отдельности. О равнодушии населения к «третьему сектору» говорит и тот факт, что узнаваемость НКО крайне низка и, как правило, в субъектах СКФО на слуху две–три общественные организации и не факт, что об их деятельности население осведомлено. В этом вина не только местных сообществ, но и самих НКО, и СМИ, которые слабо освещают деятельность «третьего сектора». Безусловно, есть и исключения. Так, о деятельности Северо-Осетинской региональной общественной организации Ассоциации жертв террористических актов «Матери Беслана» знают далеко за пределами республики. Организация на протяжении почти 20 лет последовательно отстаивает права потерпевших в результате теракта 1–3 сентября 2004 года в городе Беслане, используя в основном свой социальный капитал.

Гражданское общество предполагает прежде всего гражданскую активность людей в социальных процессах, требующих гражданского участия. В последние годы широкое распространение получило такое гражданское действие, как волонтерство. Особую активность в движении проявляет молодежь, демонстрируя такие качества, как альтруизм, чувство эмпатии, умение быть солидарными. Движение волонтерства началось с добровольного объединения людей для решения определенных задач социального характера, которые государственные органы не всегда могут охватить. Гражданские активисты в данном случае выступают помощниками государственных структур, не предъявляя никаких претензий власти, и не вступают с ней в конфронтацию. Такая гражданская активность властью одобряется и стимулируется. В результате волонтерство приобрело институциональный характер и официальную поддержку. Волонтерство действует, проявляя себя независимо от вида экстремальной ситуации, будь то пандемия, в период которой движение организовывало поддержку одиноким, малоимущим, многодетным; или коллапс на пропускном пункте Ларс, куда активисты привозили еду, медикаменты; либо специальная военная операция, для которой объявлялись сборы гуманитарной помощи.

В процессе исследования, с одной стороны, был подтвержден факт отсутствия общественной активности в политической сфере, а с другой — высокая социальная активность. Данный феномен подтверждают и эксперты, считающие, что общество характеризуется низкой политической активностью и, следовательно, не может оказывать никакого влияния на разные уровни управления. Эксперты отмечают, что у народа нет реальных социальных институтов и общественных организаций, которые могли бы конкурировать с государственными структурами. Поэтому, по их мнению, люди встраиваются в рамки государственного запроса на социальную активность. Эксперты счи-

тают, что в обществе нет и гражданских лидеров, которые учили бы людей защищать свои права и выражать свой протест в рамках закона.

Эксперты отмечают, что при нынешней ситуации люди могут влиять на разные уровни управления и политику в той степени, в какой власти нужно показать свою демократичность. *«У людей нет никаких реальных рычагов влияния ни на управление, ни на политику власти любого уровня. Народ влияет на политику в том объеме, в каком ему позволительно. Народ выполняет те решения и идет в том направлении, в котором его посылают»* (муж., 65 лет, преподаватель вуза).

Для любой социальной активности, а тем более коллективного действия необходима уверенность в ресурсах того или иного предприятия [16]. Исследования показали, что в низкоресурсных группах, к которым относится и население Северного Кавказа, потенциал солидарности и, соответственно, возможность коллективного действия оказывались существенно ниже, нежели в группах с высоким гражданским ресурсом. Их протест, если уж дело доходит до этого, — это протест эмоциональный, аффективный, запускаемый не еще большим ухудшением ситуации, а посягательством на константы, на слагаемые «стабильности», принимаемой не столько в качестве объективной данности, сколько в виде консервативной ценности и базового концепта обыденной картины мира. Когда уже нет смысла и возможности за них держаться и на них надеяться, когда надежды на стабильность сталкиваются с ее отсутствием де-факто, точнее, «с умысленным и полным ее разрушением», тогда и отсутствие ресурсов перестает быть сдерживающим фактором [17].

Примером таких разрушенных констант является ситуация в г. Беслане, сложившаяся после теракта в сентябре 2004 года, породившая аффективный протест, а затем — эмоциональную активность. Активность носила импульсивно-агрессивный характер, часто неуправляемый и по этой причине представляющий опасность как для гражданского мира в республике, так и для двусторонних межэтнических отношений. Протестная активность в г. Беслане сочеталась с конструктивной, вследствие которой жертвы трагедии смогли объединиться в общественные организации и целенаправленно защищать свои права. В настоящее время потерпевшие в результате теракта продолжают представлять собой социальную группу с высоким ресурсом гражданской активности [18].

В последние годы гражданская активность проявлялась в Северной Осетии и в связи с экологической безопасностью. Так, длительные протестные акции в 2019 году привели к закрытию завода «Электроцинк». Кроме этого, протестные акции и бурная полемика в социальных сетях не позволили начать строительство кремниевого завода в г. Беслане и цементного завода недалеко от г. Алагир. Приведенные примеры гражданской активности доказывают предположение о том, что, несмотря на низкоресурсность Северо-Кавказских групп, при экзистенциальной угрозе они способны проявлять солидарность и решать проблемы сообща.

В период начала пандемии COVID-19 в г. Владикавказе 20 апреля 2020 года произошла протестная акция. Триггером протеста послужил процесс самоизоляции. Северная Осетия является регионом, где большинство населения работает в теневом бизнесе с серыми зарплатами. По экспертным оценкам теневая занятость в Северной Осетии составляет около 50–70 % [19]. В результате самоизоляция лишила людей

средств к существованию, а страх перед голодом и неизвестностью стал более существенным, чем страх перед болезнью. И несмотря на репрессивный характер законодательства, высокая степень напряженности в обществе смогла подтолкнуть людей к незаконным действиям. Отсутствие адекватной социальной политики в период самоизоляции было одной из главных причин выхода людей на акцию протеста. Результатом несанкционированного митинга стало осуждение 32 человек, которые понесли наказание в виде лишения свободы на определенные сроки.

Проходили немногочисленные акции протеста и в г. Дагестане в сентябре 2022 года во время мобилизационной кампании, которая была объявлена руководством страны в связи со специальной военной операцией. Но они имели кратковременный и не массовый характер. Все эти представленные протестные сюжеты и их результаты являются свидетельством возможности отстаивания гражданами локальных вопросов, которые не затрагивают базовые интересы государства, и отсутствия рычагов и социальных ресурсов для отстаивания своих позиций, если затрагиваются значимые константы государственной системы.

Огромный потенциал для развития гражданской активности имеют социальные сети. Именно на виртуальных площадках в настоящее время происходят настоящие сражения и формируются сообщества с различными инициативами. Социальные сети могут быть как источником деструктивных процессов, так и каналами позитивных смыслов. Эксперты оценивают социальные сети и в целом Интернет как новую ступень в развитии человечества. По их мнению, Интернет ведет к формированию новых общественных отношений, формированию нового мира, общества нового качества: *«Интернет — это одна из площадок гражданского активизма, а блогеры — это основные двигатели гражданского активизма. И они колоссально влияют на массы, и государство эту войну проигрывает. Сейчас происходит удержание государством старого мира, который рушится. Старый мир — это когда информацию приносят тебе в папочках, которую знает только определенный круг лиц, а остальные ее не знают. Попытка усилить старый мир ведет к его быстрейшему разрушению»* (муж., 35 лет, блогер).

Эксперты, давая характеристику гражданскому обществу в регионе, считают, что его от общероссийского отличает наличие развитых горизонтальных связей: *«У нас специфика своих особых социальных связей, которые существенно отличают нас от жителей крупных городов России. Хороший пример — дело Цкаева (полицейские задержали его и применили силу по отношению к нему, после чего он скончался), его убили, после этого его родственники собрались, вышли на площадь и добились наказания виновных. Наше общество отличается наличием горизонтальных социальных связей, которые, к сожалению, уходят тоже в прошлое. Они нам позволяют в этом плане ощущать себя общностью. У нас есть не похожий на европейский или на российский опыт некий симбиоз. Ведь гражданское общество не только про политику, но и вопрос решения проблем в плане бытовых, которые решают сами люди. Вот в классических старых районах Владикавказа, где все друг друга знают, распространена практика скинуться, купить КамАЗ щебенки, чтобы на дороге не было ям. Это ведь тоже является формой гражданского общества. Благодаря этим существующим связям на базе традиционного общества, от которого мы сейчас уходим, мы можем решать какие-*

то насущные социальные проблемы. Но есть ощущение, что мы движемся к общероссийским практикам, потому что вот эти специфические, обусловленные традиционным обществом, гражданские связи, они становятся менее прочными. Соседское комьюнити — это тоже ячейка гражданского общества. Это характерно и для Америки. Соседские комьюнити — это действенные силы гражданского общества. У нас это пока есть, правда, на совсем других основаниях, и оно как будто теряется» (жен., 40 лет, руководитель общественной организации).

Результаты экспертного опроса и анализ теоретического материала подтверждают гипотезу о том, что гражданское общество в России в целом и в регионах в частности реализуется в основном через условия, создаваемые государственными органами, и возможности, предоставляемые ими для развития горизонтальных связей и гражданского взаимодействия.

Выводы

Таким образом, являясь частью РФ, Северный Кавказ обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать при разработке социальных проектов, способствующих развитию гражданского общества в регионе.

1. По результатам экспертного опроса можно сделать вывод, что, несмотря на то что Северо-Кавказский социум можно отнести к низкоресурсным группам, проблемы внешней угрозы, межнационального конфликта либо реально нависшая угроза в виде природных катаклизмов, различных аварий, катастроф, террористических актов могут побудить жителей региона к активным общественным действиям.

2. Государство создает условия для расширения гражданских инициатив и их реализации через структуру некоммерческих организаций, являющихся значимым элементов гражданского общества. Их количество и качество должны быть достаточными для того, чтобы эффективно реагировать на решение существующей проблемы. Несмотря на отдельные положительные примеры, Северный Кавказ является тем регионом, где количество НКО значительно отстает от норм, которые необходимы для эффективной реакции на решение социальных задач.

3. Чем больше НКО будут функционировать на уровне муниципалитетов, тем больше вероятность роста гражданской активности и ответственности в целом в регионе.

4. Государство заинтересовано в развитии социально ориентированных некоммерческих организаций, так как через «третий сектор» оно перенаправляет вектор гражданской активности из сферы политического действия в социальную плоскость. Помимо развития сети НКО, государство инициирует создание и других гражданских институтов в виде общественных палат регионов и общественных советов при ведомствах. И хотя это скорее имитация гражданского участия, тем не менее данные социальные институты можно воспринимать как каналы, пусть и слабые, связи населения и власти.

5. Сложившаяся на сегодняшний день общественно-политическая повестка в стране способствовала оттеснению на периферию общественного пространства правозащитных организаций. Гражданская активность уходит из политической сферы в социальную плоскость.

6. В настоящее время в Северо-Кавказском регионе активно проявляет себя феномен волонтерства. У людей, особенно молодежи, социально одобряемым поведением становится безвозмездная помощь нуждающимся в ней.

7. Социальные сети являются не только важными каналами коммуникаций, но и средствами формирования общественного мнения и смыслов. Они способствуют образованию широких горизонтальных связей, дающих возможность проявлять гражданское участие.

Безусловно, у каждого региона свои особенности, своя история становления гражданского общества и взаимоотношения некоммерческого сектора с населением, властью, бизнесом и СМИ, может быть даже в чем-то своя, специфичная гражданская культура. Именно поэтому при анализе слабых и сильных сторон того или иного региона в целях формирования управленческих решений предпочтительно использовать системный подход, учитывающий необходимость наращивания усилий по продвижению «третьего сектора», а также развитию культуры гражданского взаимодействия.

Государство предприняло в последние годы ряд шагов по созданию благоприятных правовых и социально-экономических условий деятельности НКО. Однако они недостаточны, нужна более развитая законодательная база, гарантирующая успешное развитие НКО в наиболее социально значимых сферах (защита прав потребителей государственных и муниципальных услуг, прав граждан в сфере образования, здравоохранения и т. д.). В качестве организационно-правовых мер необходимо отметить и то, что с учетом сложившейся сети НКО и практики их деятельности стране нужна целевая программа развития НКО, которая должна быть представлена на федеральном, республиканском и особенно местном уровнях.

Государство в качестве субъекта играет существенную роль в процессе развития гражданского общества, создавая условия для его эффективного функционирования, разрабатывая законодательную базу для защиты социальных институтов от посягательства самого государства на основы демократии. То есть процесс формирования стабильного гражданского общества должен быть обоюдным: государство дает возможности и охраняет, общество осознает ответственность и может консолидироваться для решения насущных проблем, не боясь репрессий со стороны государства.

Список источников

1. Гражданское общество современной России : Социологические зарисовки с натуры / Под редакцией Е. С. Петренко. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 392 с. – Текст : непосредственный.
2. Муртазалиев, А. М. Организационно-правовые проблемы развития институтов гражданского общества в Дагестане / А. М. Муртазалиев. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 11–17.
3. Ховард, М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. М. Ховард ; перевод с английского И. Е. Кокарева. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 190 с. – Перевод изд.: *The weakness of civil society in post-communist Europe* / Marc Morjé Howard. New York, 2003. – Текст : непосредственный.

4. Витюк, В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция / В. В. Витюк ; Российская академия наук, Институт социологии. – Москва : Институт социологии, 1995. – 91 с. – Текст : непосредственный.
5. Резник, Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть 2. Теоретико-методологические исследования / Ю. М. Резник. – Москва : Союз, 1998. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Соловьев, А. И. Три облика государства — три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 6. – С. 29–38.
7. Володин, А. Г. Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика) / А. Г. Володин. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 104–116.
8. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : Федеральный закон № 7-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. – Москва, 1996. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. – Текст : электронный.
9. Лежебоков, А. А. Состояние некоммерческого сектора Карачаево-Черкесской Республики / А. А. Лежебоков, Ф. Х. Куршева. – DOI 10.53598/2410-3691-2021-4-289-55-63. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2021. – Вып. 4 (289). – С. 55–63.
10. В Минюсте отметили уменьшение числа некоммерческих организаций в РФ за три года. – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2020. – 31 мар. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125469>.
11. Реестр некоммерческих организаций. – Текст : электронный // Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij>.
12. Атласкиров, А. Р. Некоммерческие организации в Кабардино-Балкарской Республике : динамика развития и структура / А. Р. Атласкиров. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2018. – № 5. – С. 36–43. – URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26196>.
13. Мерсиянова, И. В. Социальная база российского гражданского общества / И. В. Мерсиянова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 35–46.
14. Республика Северная Осетия — Алания в цифрах, 2021 : краткий статистический сборник / Управление федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (Северо-Кавказстат). – Владикавказ, 2021. – 145 с. – Текст : непосредственный.
15. RAEX.НКО : сайт. – URL: <https://raex-nko.ru>. – Текст : электронный.
16. Рывкина, Р. В. Социология российских реформ / Р. В. Рывкина. – Москва : ГУ ВШЭ. – 2004. – 438 с. – Текст : непосредственный.
17. Ганин, О. Н. Понятие «Гражданское общество» : Сущность и содержание / О. Н. Ганин. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 93–94.

18. Гадиева, А. Н. Гражданское общество в Республике Северная Осетия — Алания через призму экспертного опроса / А. Н. Гадиева, Ж. И. Урусова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 12–1. — С. 151–154.

19. Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства : материалы научно-практической конференции (Москва, 24 декабря 2021 г.) / Ответственный редактор В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-391-1.2022. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 193 с.

References

1. Petrenko, E. S. (Ed.) (2008). *Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoy Rossii: Sotsiologicheskie zarisovki s natury*. Moscow, Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ., 392 p. (In Russian).
2. Murtazaliev, A. M. (2010). Organizatsionno-pravovye problemy razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Dagestane. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), pp. 11-17. (In Russian).
3. Howard, M. M. (2003). *The weakness of civil society in post-communist Europe*. New York, Cambridge University Press, 222 p. (In English). DOI: 10.1017/CBO9780511840012
4. Vityuk, V. V. (1995). *Stanovlenie idei grazhdanskogo obshchestva i ee istoricheskaya evolyutsiya*. Moscow, Institut sotsiologii Publ., 91 p. (In Russian).
5. Reznik, Yu. M. (1998). *Grazhdanskoe obshchestvo kak fenomen tsivilizatsii. Chast' 2. Teoretiko-metodologicheskie issledovaniya*. Moscow, Soyuz Publ., 560 p. (In Russian).
6. Solovyov, A. I. (1996). Three aspects of the state - three strategies of civil society. *Polis. Political studies*, (6), pp. 29-38. (In Russian).
7. Volodin, A. G. (2000). Civil society and modernization in Russia (Origins and present-day problems). *Polis. Political studies*, (3), pp. 104-116. (In Russian).
8. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O nekommercheskikh organizatsiyakh: Federal'nyy zakon No 7-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824
9. Lezhebokov, A. A., & Kursheva, F. Kh. (2021). The state of the non-profit sector of the Karachay-Cherkess Republic. *Bulletin of the Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*, (4(289)), pp. 55-63. (In Russian). DOI: 10.53598/2410-3691-2021-4-289-55-6310
10. V Minyuste otmetili umen'shenie chisla nekommercheskikh organizatsiy v RF za tri goda. (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/8125469>
11. Reestr nekommercheskikh organizatsiy. (In Russian). Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/>
12. Atlaskirov, A. R. (2018). Nekommercheskie organizatsii v Kabardino-Balkarskoy respublike: dinamika razvitiya i struktura. *Sociodynamics*, (5), pp. 36-43 p. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26196>

13. Mersiyanova, I. V. (2009). Sotsial'naya baza rossiyskogo grazhdanskogo obshchestva. Social sciences and contemporary world, (4), pp. 35-46 p. (In Russian).
14. Respublika Severnaya Osetiya - Alaniya v tsifrakh, 2021: kratkiy statisticheskiy sbornik (2021). Vladikavkaz, 145 p. (In Russian).
15. RAEX.HKO (In Russian). Available at: <https://raex-nko.ru>
16. Ryvkina, R. V. (2004). Sotsiologiya rossiyskikh reform. Moscow, HSE Publ., 438 p. (In Russian).
17. Ganin, O. N. (2005). Ponyatie "Grazhdanskoe obshchestvo": Sushchnost' i sodержание. Fundamental Research, (2), pp. 93-94 p. (In Russian).
18. Gadieva, A. N., & Urusova, Zh. I. (2014). Civil society in North Ossetia in the light of the expert interview. Humanities, Social-Economic and Social Sciences, (12-1), pp. 151-155. (In Russian).
19. Levashov, V. K. (Ed) (2022). Tret'i dekabrskie sotsial'no-politicheskie chteniya "Kak zhivesh', Rossiya?". Vyzovy pandemii, parlamentskie vybory i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow, FNISTS RAN Publ., pp. 193. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-391-1.2022

Информация об авторах / Information about the authors

Гадиева Анета Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов юга России, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, филиал Владикавказского научного центра РАН, г. Владикавказ, izmir-alana@rambler.ru

Вершинин Иван Сергеевич, соискатель ученой степени кандидата наук, кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Aneta N. Gadieva, Leading Researcher of the Center for the Study of Border Regions in the South of Russia, Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Senior Researcher, V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, a branch of Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, izmir-alana@rambler.ru

Ivan S. Vershinin, Applicant Candidate of Science Degree, Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

УДК 316.77

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-58-70

Комплексный подход к взаимодействию субъектов социально-политического процесса

Г. И. Герасимова*, С. А. Крюкова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**gerasimovagi@tyuiu.ru*

Аннотация. Кардинальные социально-политические и экономические перемены в стране и мире требуют пересмотра принципов взаимодействия власти и общества. Установление диалоговых, партнерских отношений между всеми субъектами политических коммуникаций является злободневной проблемой, от решения которой зависят позитивные изменения российской социальной действительности. Развитие Интернета сместило акцент на дистанционные формы взаимодействия, а непосредственные коммуникации между участниками политического процесса становятся менее актуальными, часто трактуются как не соответствующие запросам современного информационного общества.

Такая позиция не всегда является оправданной, поэтому в статье обосновывается необходимость комплексного подхода к организации политического взаимодействия представителей законодательной власти с населением, заключающегося в сочетании виртуально-сетевых и непосредственных форм коммуникации. С этой целью анализируются возможные связи избранных с избирателями в тех форматах, которые закреплены в Российской Федерации законодательно, а также применяются благодаря накопленному социально-технологическому и политтехнологическому опыту, включая деятельность, реализуемую как в системе непосредственных межличностных и групповых отношений, так и в сети Интернет. Здесь применяются различные инновационные акции, используется потенциал социальных сетей и мессенджеров как каналов распространения информации. Любые реализованные и законодательно закрепленные традиционные формы взаимодействия депутатов со своими избирателями (сходы, классические встречи, собрания и пр.) благодаря сетевой инфраструктуре становятся достоянием всех заинтересованных и политически активных граждан.

Статья категоризируется как обзорная с использованием описательного метода и экспертного интервью. Цель публикации — рассмотрение ключевых форм взаимодействия представителей законодательной власти с гражданами, обобщение оценок, которые дали региональные депутаты, имеющие большой опыт работы в органах публичной власти регионального и местного уровня. В статье обосновывается идея необходимости сочетания сетевых и персонально-личностных коммуникаций в политических практиках.

Ключевые слова: депутатская встреча, политический диалог, социально-политическое управление, коммуникация, комплексный подход

Для цитирования: Герасимова, Г. И. Комплексный подход к взаимодействию субъектов социально-политического процесса // Г. И. Герасимова, С. А. Крюкова. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-58-70 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 58–70.

An integrated approach to interaction subjects of the socio-political process

Galina I. Gerasimova*, Svetlana A. Kryukova

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**gerasimovagi@tyuiu.ru*

Abstract. Cardinal socio-political and economic changes in the country and the world require a revision of the principles of interaction between the government and society. The establishment of dialogue, partnership relations between all subjects of political communications is an urgent problem, the solution of which depends on

positive changes in the Russian social reality. The emergence of the Internet has caused a shift towards remote modes of interaction, rendering direct communication amongst political actors less germane and often viewed as insufficiently meeting the needs of the contemporary information society.

Such a position is not always justified; therefore, the article substantiates the need for an integrated approach to the organization of political interaction between representatives of the legislature and the population. This approach should incorporate a blend of both virtual network and in-person communication methods. For this purpose, we examine the potential connections between elected officials and voters using formats mandated by law in the Russian Federation. These formats have been practiced through accumulated socio-technological and political-technological experience, including activities carried out in direct interpersonal and group relationships, as well as on the Internet. Various innovative measures are employed here, utilizing the potential of social networks and messaging platforms as channels for disseminating information. Thanks to the network infrastructure, all politically active citizens who are interested can access any traditional forms of interaction between deputies and their constituents that have been implemented and legislated, such as assemblies, meetings, etc.

The article is classified as a review article using a descriptive method and an expert interview. Its aim is to examine the crucial forms of interaction between legislators and citizens, summarize assessments from regional deputies with substantial experience in public authorities at local and regional levels, and substantiate the requirement to combine both network and personal communications in political practices.

Keywords: deputy meeting, political dialogue, socio-political governance, communication, integrated approach

For citation: Gerasimova, G. I., & Kryukova, S. A. (2023). An integrated approach to interaction subjects of the socio-political process. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 58-70. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-58-70

Введение

Взаимодействие граждан с представителями законодательной власти Российской Федерации остается актуальной проблемой на протяжении длительного времени. В системе согласительной (консоциональной) демократии значительное место отводится налаживанию диалога между ее участниками, выстраиванию партнерства с использованием различных форм и методов. Особенно это актуально в социально-политическом управлении, где граждане чаще всего сталкиваются с решениями власти в чувствительных для себя сферах здравоохранения, образования, имущественного неравенства, экологии и пр.

При этом существующие, законодательно оформленные практики прямого волеизъявления (сходы, референдумы, встречи и т. д.) не всегда эффективны, а новые в ряде случаев не находят применения у представителей власти. Исходя из этого, возникает необходимость обоснования применения форм взаимодействия с обратной связью (приемы по личным вопросам, интерактивные акции, инициативные проекты с участием местного населения и пр.). Такие действия, учитывающие особенности современного информационного общества, открывают новые возможности для сочетания непосредственной коммуникации с цифровыми (сетевыми) формами, когда все виды реального взаимодействия транслируются с помощью онлайн-технологий на интернет-платформах, формируя широкий доступ к данным мероприятиям всем электоральным группам, включая молодежную аудиторию.

Материалы и методы

Для достижения исследовательских задач в 2022 году было проведено пилотажное исследование, инструментом которого выступило персонализированное свободное интер-

вью экспертов, непосредственно включенных в систему органов государственной власти. Отбор осуществлялся на основе знаний информантами заявленных проблем, их опыта использования различных форм активной работы с населением. Неформализованный гайд нацелен на понимание и интерпретацию полученного эмпирического материала, уточнения выдвинутых гипотез и проведения последующего этапа исследования.

Транскрибирование интервью осуществлялось по методике М. Л. Макарова, разработавшего нотационную систему транскрипции устного дискурса, которая базируется на принципах избирательности, конвенциональности, лексической целостности, объективности, однозначности, раздельности и приоритете описаний, соответствующих цели и задачам исследования [1]. На основании этого анализировались те фрагменты текста, которые описывали форматы взаимодействия депутатов с избирателями, при этом соблюдалась лексическая целостность материала, сохранялась субъектность повествователей. Оценочные интерпретации полученных ответов сепарировались от прямой речи респондентов, а сопоставление различных фрагментов текста опрошенных позволило провести сравнительный анализ полученных ответов от разных участников, сформировав общие контуры и типические черты методов и форм диалогичной коммуникации между властью и населением.

Результаты и обсуждение

В основе управленческого социально-политического процесса находится информационно-коммуникативная парадигма, базирующаяся на утверждении, что властные полномочия осуществляются как взаимодействие всех его субъектов и характеризуются многоуровневой структурой и разнообразными формами реализации. В информационную эпоху они функционируют как на уровне реальных межличностных интеракций, так и опосредованно, благодаря средствам массовой коммуникации.

Концептуальной основой широкого взаимодействия власти и населения является принцип коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Он считает, что в ходе взаимодействия осуществляется обсуждение, высказываются различные факты и аргументы, характеризующие позиции сторон с той или иной точки зрения. Демократизация публичной сферы приводит к снижению барьеров включения масс в открытые дискуссии по поводу решения социальных проблем. Ученый пишет, что любое взаимодействие — это такая ситуация, где акторы «попеременно принимают на себя коммуникативные роли говорящего, адресата и присутствующих при этом лиц» [2]. Ю. Хабермас обращает внимание на субъектность всех участников коммуникации, указывая на ее совещательный характер, позволяющий осуществлять контакты всех со всеми, независимо от иерархии, социального статуса и других характеристик участников. В процессе социальной интеракции происходит согласование и координация действий, суждений, мнений благодаря возможности интерпретировать и уточнять информацию. В целом ученый рассматривает коммуникацию в публичной сфере как аргументативно-меритократическую, при этом разделяя ее на такие подвиды, как драматургическая, нормативная и стратегическая. В первом случае участники репрезентируют самих себя; во

втором случае — своими действиями демонстрируют разделяемую ими систему общественных ценностей; в третьем случае — выражают собственные ожидания и цели [3].

В научном дискурсе постулируется основной принцип социального взаимодействия, а именно необходимость включенности его участников в общую деятельность, осуществляя которую, они преследуют определенные цели, совместно выполняют действия и операции, способствуя тем самым взаимовлиянию участников и, следовательно, учету их мнений, что инициирует социальные трансформации, активизирует существующие отношения и формирует новые [4].

А. М. Фуко характеризует коммуникацию как воплощение властных отношений в обществе [5]. Солидарны с ним Р. Дентон и Г. Вудворд, считающие, что в политической коммуникации информативная интенция является воздействующей, ее цель — формирование необходимых властным элитам установок и ценностей [6]. В то же время Т. Адорно и М. Хоркхаймер обращают внимание на то, что политический дискурс XX века породил инструментальную рациональность, основанную на манипулировании общественным мнением [7]. К этому, по мнению М. Липсета, добавляются смысловые барьеры между политическими лидерами, нежелание первых учитывать мнение масс, искать компромиссные решения [8].

Согласно подходу Д. Чесебро, успех политической коммуникации зависит от эффективного выстраивания управленческих отношений между самими властвующими субъектами, которым для этого необходимо успешно использовать символические, мифологические, ритуалистические и иные механизмы поддержания идеологии и активных действий [9]. Российские ученые рассматривают политическую коммуникацию в разрезе организационных механизмов, которые направлены на «установление контактных связей акторов и осуществление активных действий» [10]. М. Н. Грачев считает политическую коммуникацию не просто способом информирования, но комплексной деятельностью, без которой невозможна системная и результативная работа всех акторов [11]. О проблеме непосредственного политического взаимодействия, порождающего доверие между ее участниками, пишет И. В. Мерсиянова [12].

Эффективность политической коммуникации во многом зависит от активности ее субъектов. Ответственные лица, участвующие в политическом процессе и принимающие важные решения, должны их выстраивать исходя из нормативной и социально-технологической составляющих. Этот аспект в российском научном дискурсе освещают А. К. Агапов, А. А. Киселев, М. А. Липчанская, В. А. Малышенко, М. А. Очеретина и др. [13–17].

Об издержках политического воздействия на массовое сознание рассуждает С. В. Володенков, который характеризует избыточную манипуляцию, пропаганду и прямые искажения сведений, транслируемых по каналам российских средств массовой информации (СМИ) [18]. Дж. Кин, описывая существенные трансформации современного общества, акцентирует внимание на цифровой демократии, имеющей наряду с положительными моментами существенные недостатки в виде тотального цензурирования контента, государственного надзора за политической активностью собственных граждан и пр. [19].

При налаживании отношений в системе «власть — общество» актуальными остаются вопросы отчуждения граждан, их отстранения от решения важных социально-

политических проблем. По мнению Е. Н. Заборовой, только небольшая часть руководителей считает необходимым знать мнение граждан при подготовке ответственных решений. Они принимаются только на основе согласования позиций внутри аппарата управления без учета позиции населения, что в итоге порождает социальную пассивность и формирует равнодушие общества, нежелание рядовых граждан «подключаться» к решению социальных проблем, участвовать в политических процессах. Результатом такого подхода становится то, что в настоящее время только 15–20 % респондентов хотели бы принимать активное участие в принятии управленческих решений [20]. Наряду с использованием коммуникативного метода при изучении заявленного предмета исследования была применена методология системного анализа, позволяющего выявить условия и новые коммуникативные формы депутатской работы с избирателями.

В Российской Федерации благодаря законодательному регулированию имеются социально-технологические и нормативные условия для активизации публичной политической активности граждан. Прежде всего, в нашей стране на институциональном уровне сформирована информационно-коммуникативная инфраструктура для организации подобных форм работы. Они регламентируются нормами Конституции, федеральными законами, актами правительства и другими официальными документами. В соответствии с Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» публичное мероприятие — это «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан, политических партий, других общественных объединений...» [21]. Все эти форматы могут быть реализованы по инициативе самих граждан, а также благодаря инициативе политических партий и общественных объединений.

В Федеральном законе от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» определяются типы взаимодействия депутатов со своими избирателями посредством каналов массовой коммуникации, а также в форме публичных мероприятий, среди которых названы дебаты, круглые столы, дискуссии, интервью, пресс-конференции и другие публичные акции, рекомендованные для распространения в СМИ [22].

Как правило, такие действия осуществляются с целью выражения и формирования различных точек зрения, выдвижения экономических, политических, социальных и иных требований, касающихся актуальных вопросов жизнедеятельности социума. Здесь важно сочетание уже устоявшихся традиционных форм общения и более инновационных, где акцент делается не только на коллективные, но и на индивидуальные (экспертные) действия, а также на прямые формы работы депутатов со своими избирателями. Инициатива в этом направлении часто исходит от последних и выражается в подписании петиций, организации митингов, одиночного пикетирования, а также в формировании различных советов граждан, составлении письменных обращений к представителям исполнительной и законодательной власти.

Взаимодействие граждан с политиками, избираемыми в представительные органы (дума, совет депутатов), с гражданами реализуется во время личного приема, в ходе совместных заседаний различных местных органов, на общих собраниях граждан, ини-

циативных встречах жителей, проживающих на тех или иных территориях, и т. д. Большое направление работы — обращения, жалобы, предложения и другие запросы, поступающие от населения. Как уже было отмечено, депутатская деятельность строго регламентирована и конкретизирована различными нормативными актами, в которых учитываются особенности региона и тех территорий, на которых осуществляют свою работу народные избранники.

Так, в Тюменской области депутаты работают в соответствии с законом «О статусе депутата Тюменской областной Думы» и другими региональными законами, предписывающими депутатам «выполнять указы своих избирателей, рассматривать поступившие от них предложения, заявления и жалобы», а также вести прием граждан, изучать общественное мнение, вносить предложения в органы исполнительной власти и т. д. [23; 24].

Следовательно, эффективность диалоговых отношений между гражданами и властью возрастает не только благодаря СМИ, но и при непосредственном взаимодействии политиков и граждан, что облегчает установление интерактивных форматов обратной связи. Этот тезис подтверждается и в ходе проведенного экспертного опроса депутатов, работающих в Тюменской области. По итогам полученных данных были выявлены формы активных действий представителей власти с гражданами, целью которых являются совместные усилия по реализации их прав, интересов, достижения позитивных результатов и социальных изменений.

В частности, депутат Государственной Думы и депутат Тюменской областной Думы Юрий К. доказывает необходимость возвращения к практике организации сходов как формы общения с гражданами в рамках системы местного самоуправления. Он считает, что *«... на сходах задают все вопросы: от претензий к президенту до лужи в переулке. Важно все выслушать, сделать выборку того, что можешь выполнить. Если пообещал — считай, что пригвоздил себя к решению вопроса ...»*. Такой формат, по мнению респондента, помогает не давать невыполнимых обещаний, дисциплинирует и заставляет *«... быть порядочным и ответственным человеком как в делах граждан, так и среди коллег ...»*. Юрий К. отмечает, что встреча с гражданами — это не желание, а обязанность депутата как народного избранника.

Виктор Р., который избирается в Тюменскую областную Думу с 1994 года, констатирует необходимость быть подотчетным перед своими избирателями. В 90-е годы именно это качество должностных лиц было востребовано. В тот непростой период вызывал доверие тот, кто разговаривал с людьми. Сам Виктор Р. *«... еженедельно по радио отчитывался за каждый потраченный рубль... кабинет всегда был открыт для посетителей. Словом, вместе плечом к плечу выживали как могли и решали проблемы и задачи»*.

Тамара К. считает, что *«... молодые депутаты не ходят на встречи с гражданами, потому что не знают свои территории. Очень халатно относятся к своим обязанностям, к рабочему времени, к формату работы с избирателями. Не у всех молодых депутатов есть дисциплина, порядок, ответственность. Также относятся и к наказам граждан, а потом удивляются, почему люди критикуют власть. Считаю необходимым ввести для каждого депутата объем обязательных встреч с гражданами»*.

Владимир Н. видит в непосредственном общении депутата со своими избирателями важный элемент своей работы, позволяющий лучше понять проблемы территории, узнать о том, что думают граждане. Лично он, например, расширяет формы такого общения и в настоящее время, кроме приема по личным вопросам, проводит парламентские уроки в школах, ведет личный прием граждан и организует публичные встречи с населением. *«Люди приходят с большим удовольствием, для них приезд областного депутата — значимое событие. Ко мне было такое обращение от жительницы одной из территорий моего избирательного округа: “Не могу попасть к депутату, за которого голосовала. Объявление с днями и часами приемов есть, а его никогда нет. Сделайте что-нибудь, пожалуйста. Найдите его”. Людям, по большому счету, все равно, из какой партии депутат. Им главное, чтобы их наказы исполнялись. Депутат — ... это большая ответственность перед людьми. И в том числе перед теми, кто за тебя не голосовал... А то агитку оперативно размещают, а после выборов забывают про избирателей. Встречи показывают, что людей огорчают пустые обещания, замалчивание, увиливание. Если ты открыт и доступен, жители твоей территории спокойны. Они прекрасно понимают границы возможностей депутата, если все грамотно объяснять. Как реагировать на негатив? Не нападай в ответ, не защищайся, не спорь. Некорректно критиковать разные уровни власти, оправдывая себя, — это профессиональная этика».*

Екатерина В. (депутат Тюменской городской Думы) хорошо знает свой округ, часто общается со своими избирателями и обращает внимание на следующие аспекты депутатской работы: *«Я часто хожу пешком, останавливаюсь и общаюсь с жителями своего округа. Я здесь живу и работаю, знаю каждую улочку, помню, как было 10 лет назад, и вижу, как стало сейчас. У меня есть весь список наказов избирателей: и предвыборный, и как действующему депутату. Если распределять время в онлайн и офлайн, то 30 % — это Интернет, соцсети, 70 % — личная или публичная встреча. Интернет не передает эмпатию, эмоции и искреннее общение политика с гражданами. Нельзя заигрывать с людьми и обещать им то, что не можешь дать. Пусть в рамках бюджета немного получится, но ты аргументированно им объясняешь. Сколько есть бюджета, столько есть — больше не взять».*

Экспертный опрос однозначно показывает важность непосредственных коммуникаций граждан с представителями власти. Но тем не менее надо учитывать существенные изменения, произошедшие в информационном пространстве социума. Трансформация всех социально-коммуникативных аспектов требует использования новых технологий, в том числе инструментов Интернета. Так, онлайн-трансляция любого мероприятия, то есть прямой эфир проводимого события в режиме реального времени в сети, значительно увеличивает к нему интерес, расширяет целевую аудиторию¹. В этом случае все заинтересованные могут подключаться к такому формату как в качестве зрителей/слушателей, так и его активных участников/экспертов, а также могут задавать вопросы, высказывать свое мнение по обсуждаемой проблеме.

¹ Организация прямых эфиров на интернет-сервисах (стриминг, от англ. «stream», то есть поток) является популярным направлением, позволяющим транслировать то, как проходит любое мероприятие в режиме реального времени. Для этого используют специальные платформы и хостинги.

Такое направление связано с фиджитал-технологиями², предполагающими сочетание цифровой и физической реальности [25]. Так, гибридные формы уже сейчас внедряются на сайтах госучреждений, где можно осуществлять онлайн-действия, а в сервисных структурах (МФЦ) дистанционно получать необходимые документы, на портале «Госуслуги» виртуально записываться на физический прием к врачу. Похожие ресурсы необходимо внедрять и в среду политических коммуникаций для оптимизации процессов взаимодействия его участников, что позволяет осуществлять личные контакты депутатов с гражданами в комфортном пространстве (закрытое помещение или локация под открытым небом), объединяя реальную и виртуальную аудиторию в одном проекте. Это достигается благодаря организации трансляций таких мероприятий в сетевом пространстве или онлайн-методом, или делая их записи с последующим размещением на собственных сайтах, в персональных социальных сетях и мессенджерах.

В этом направлении можно использовать наработки маркетинга и связей с общественностью, имеющих богатый инструментарий организации связей с клиентами, среди которых SMS-голосование, квизы (сетевые онлайн-опросы), чат-боты и др. Все зарегистрированные участники могут голосовать за какие-то решения, использовать размещаемые документы и информацию, вступать во взаимодействие с другими присутствующими на мероприятии. Стратегический подход к реализации современных коммуникаций требует системности и комплексности, представляющий собой единство всех форм взаимодействия, ориентированных как на отдельных индивидов, так и на институционально-правовые модели социально-политического взаимодействия.

В этом же направлении должны двигаться цифровые технологии, формирующие доступные электронные площадки, сайты-агрегаторы, аккумулирующие интересные политические проекты, повышающие информационную прозрачность и открытость, нейтрализующие бюрократизацию и в целом повышающие доверие граждан к органам власти. Уже сейчас в рамках «электронного правительства» активно внедряется система электронного документооборота (СЭД). Так, по данным сайта CNews, на государственные учреждения в 2023 году приходилось 30 % всех внедрений СЭД [26]. Это в целом способствует экономии ресурсов, нивелированию бюрократических барьеров между населением и властью, предотвращению реализации коррупционных схем, минимизации рисков, связанных с потерей документов. В этом случае государство как главный регулятор и оператор размещает основные стратегические документы, регламентируя навигацию по успешным практикам вовлечения граждан в активный политический процесс.

Комплексный подход позволяет усилить интерес граждан к процессу принятия политических решений, адекватно отвечать на запросы населения, воспринимая от них сигналы посредством структурированных коммуникативных каналов внешней среды. Благодаря этому выстраивается субъектно-ориентированное взаимодействие участников социально-политического процесса, а также дается новый импульс совершенство-

² Технологии фиджитал предполагают реализацию процессов, сочетающих в себе объединенные, дополняющие друг друга действия объектов физической и виртуальной реальности, формируя единое взаимосвязанное информационное пространство.

ванию нормативно-правовой базы, модернизации структур государственного управления на основе новых технологических и программно-концептуальных решений.

Выводы

Таким образом, взаимодействие субъектов политической коммуникации является неотъемлемым и необходимым процессом социально-политических отношений в сфере «власть — общество». Именно здесь хорошо структурированный и налаженный диалог способствует положительному решению проблем российского социума, помогает выявить насущные вопросы жизнедеятельности населения, вовремя на них реагировать. Роль депутатов всех уровней состоит не только в том, чтобы вовремя зондировать общественные настроения и проблемы, но и стимулировать активных граждан к самоорганизации, их включению в решение общественных проблем. На этом пути требуется дальнейший социологический анализ указанных исследовательских направлений, предусматривающих выявление и учет мнения граждан о наиболее эффективных формах организации работы депутатов с населением, среди которых современные интерактивные коммуникации, сочетающие в себе достижения инновационных информационно-технологических инструментов и традиционных видов активных действий со стороны акторов политического процесса.

Список источников

1. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.
2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого ; под редакцией Д. В. Скляднева. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 377 с. – (Слово о сущем). – Перевод изд.: *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* / Jürgen Habermas. Frankfurt am Main, 1983. – Текст : непосредственный.
3. Хабермас, Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас, Т. Тягунова. – Перевод изд.: *Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen* / Jürgen Habermas. Frankfurt/Main, 1992. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 3–24.
4. Герасимова, Г. И. Технологии связей с общественностью в структуре взаимодействия субъектов общественных отношений / Г. И. Герасимова. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 67–73.
5. Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1 / М. Фуко ; перевод с французского С. Ч. Офертаса ; под общей редакцией В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. – Перевод изд.: *Dits et écrits* / Michel Foucault. Paris, 1994. – Москва : Праксис, 2002. – 384 с. – (Новая наука политики). – Текст : непосредственный.

6. Denton, R. E., Jr. Political Communication in America / R. E. Denton, Jr., G. C. Woodward. – New York : Praeger, 1985. – 366 p. – Direct text.
7. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; перевод с немецкого М. Кузнецова. – Москва, Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с. – Перевод изд.: *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente* / Max Horkheimer, Theodor W. Adorno. Amsterdam, 1947. – Текст : непосредственный.
8. Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики / М. Липсет ; перевод с английского Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. — Москва : Мысль, 2016. – 612 с. – Перевод изд.: *Political Man : The Social Bases of Politics* / Seymour Martin Lipset. Baltimore, 1960. – Текст : непосредственный.
9. Chesebro, J. W. Theoretical Approaches to Political Communication / J. W. Chesebro. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED089379.pdf> (accessed 14.06.23). – Text : electronic.
10. Соловьев, А. И. Политические коммуникации / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Политология : Лексикон / Под редакцией А. И. Соловьева. – Москва : РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 462–473.
11. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация : теоретические концепции, модели, векторы развития. – Москва : Прометей, 2004. – 327 с. – Текст : непосредственный.
12. Мерсиянова, И. В. Организации гражданского общества : доверие к ним населения и открытость деятельности / И. В. Мерсиянова. – Текст : непосредственный // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества : монография / А. Ю. Акимов [и др.] ; под редакцией А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. – Москва : НИУ ВШЭ. – 2013. – С. 198–233.
13. Агапонов, А. К. Проблемы ответственности региональной политической власти в современной России : политологический анализ, технологии формирования и реализации : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Агапонов Александр Климентьевич. – Ростов-на-Дону, 2003. – 342 с. – Текст : непосредственный.
14. Киселев, А. А. Интернет : модель и практики политического участия / А. А. Киселев, И. В. Самаркина. – Краснодар : Оттиск, 2007. – 104 с. – Текст : непосредственный.
15. Липчанская, М. А. Участие граждан РФ в управлении делами государства в системе исполнительной власти в качестве членов экспертных и общественных органов / М. А. Липчанская, Е. А. Тихон. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11. – С. 25–29.
16. Малышенко, В. А. О некоторых правовых аспектах проведения публичных мероприятий / В. А. Малышенко. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2018. – № 1. – С. 34–40.
17. Очеретина, М. А. Становление и развитие института публичных слушаний / М. А. Очеретина. – Текст : непосредственный // Научный ежегодник Инсти-

туда философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 433–443.

18. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления : навстречу цифровому обществу : монография / С. В. Володенков. – Москва : Проспект. – 2023. – 416 с. – Текст : непосредственный.

19. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин ; перевод с английского Д. Кралечкина. – 2-е изд. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 308 с. – Перевод изд.: *Democracy and media decadence* / John Keane. Cambridge, 2013. – Текст : непосредственный.

20. Заборова, Е. Н. Власть и население : аспекты взаимодействия на муниципальном уровне / Е. Н. Заборова. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2014. – № 1 (26). – С. 42–48.

21. Российская Федерация. Законы. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон № 54-ФЗ : [принят Государственной Думой 4 июня 2004 года : одобрен Советом Федерации 9 июня 2004 года]. – Москва, 2004. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/4ceedc6beeab98acfcffe6b042e41a8319e1c922. – Текст : электронный.

22. Российская Федерация. Законы. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон № 20-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 февраля 2014 года : одобрен Советом Федерации 19 февраля 2014 года]. – Москва, 2014. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/929163d5e5526f560a333185ce99ce0b73225905. – Текст : электронный.

23. Закон Тюменской области «О статусе депутата Тюменской областной Думы». – Текст : электронный // Тюменская областная Дума : официальный сайт. – URL: https://www.duma72.ru/ru/about/legal_principles/zakon_status/.

24. Закон Тюменской области «Об основах организации и деятельности Тюменской областной Думы». – Текст : электронный // Тюменская областная Дума : официальный сайт. – URL: https://www.duma72.ru/ru/about/legal_principles/zakon_tod/?type=special/.

25. The phygital transformation : a systematic review and a research agenda / C. Mele, T. R. Spena, M. Marialuiza, I. Di Bernardo. – DOI 10.1007/s43039-023-00070-7. – Direct text // *Italian Journal of Marketing*. – 2023. – Issue 3. – P. 323–349.

26. Как устроен рынок СЭД : обзор и описание участников рынка. – Текст : электронный // CNews : сайт. – 2023. – 27 апр. – URL: https://market.cnews.ru/articles/2023-04-25_kak_ustroen_rynok_sed_obzor_i_opisanie?p=homecnews (дата обращения: 14.06.23).

References

1. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa*. Moscow, Gnozis Publ., 280 p. (In Russian).

2. Habermas, J. (1983). *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 208 p. (In German).
3. Habermas, J. (1992). *Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt/Main, Suhrkamp, pp. 114-151. (In German).
4. Gerasimova, G. I. (2011). *Tekhnologii svyazey s obshchestvennost'yu v strukture vzaimodeystviya sub"ektov obshchestvennykh otnosheniy*. University proceedings. Volga region. Social sciences, (3(19)), pp. 67-73. (In Russian).
5. Foucault, M. (1994). *Dits et écrits*. Paris, Gallimard. (In French).
6. Denton, R. E., Jr., & Woodward, G. C. (1985). *Political Communication in America*. New York, Praeger, 366 p. (In English).
7. Horkheimer, M., & Adorno, T. W. (1947). *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Amsterdam, Querido, 275 p. (In German).
8. Lipset, S. M. (1960). *Political Man: The Social Bases of Politics*. Baltimore, 477 p. (In English).
9. Chesebro, J. W. (1974). *Theoretical Approaches to Political Communication*. (In English). Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED089379.pdf>
10. Solov'ev, A. I. (2007). *Politicheskie kommunikatsii. Politologiya: Leksikon*. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 1, pp. 462-473. (In Russian).
11. Grachev, M. N. (2004). *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya*. Moscow, Prometey Publ., 327 p. (In Russian).
12. Mersiyanova, I. V. (2013). *Organizatsii grazhdanskogo obshchestva: doverie k nim naseleniya i otkrytost' deyatelnosti. Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva*. Moscow, HSE University Publ., pp. 198-233. (In Russian).
13. Agaponov, A. K. (2003). *Problemy otvetstvennosti regional'noy politicheskoy vlasti v sovremennoy Rossii: politologicheskii analiz, tekhnologii formirovaniya i realizatsii*. Diss. ... dokt. politich. nauk. Rostov-na-Donu, 342 p. (In Russian).
14. Kiselev, A. A., & Samarkina, I. V. (2007). *Internet: model' i praktiki politicheskogo uchastiya*. Krasnodar, Ottisk Publ., 104 p. (In Russian).
15. Lipchanskaya, M. A., & Tikhon, E. A. (2011). *Uchastie grazhdan RF v upravlenii delami gosudarstva v sisteme ispolnitel'noy vlasti v kachestve chlenov ekspertnykh i obshchestvennykh organov*. Constitutional and Municipal Law, (11), pp. 25-29. (In Russian).
16. Malysenko, V. A. (2018). *O nekotorykh pravovykh aspektakh provedeniya publichnykh meropriyatij*. Legal Science, (1), pp. 34-40. (In Russian).
17. Ocheretina, M. A. (2009). *Formation and development of the institute of public hearing*. Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, (9), pp. 433-443. (In Russian).
18. Volodenkov, S. V. (2023). *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennoy politicheskoy upravleniya: navstrechu tsifrovomu obshchestvu*. Moscow, Prospect Publ., 416 p. (In Russian).
19. Keane, J. (2013). *Democracy and media decadence*. Cambridge, Cambridge University Press, 265 p. (In English).

20. Zaborova, E. N. (2014). Power and population: aspects of cooperation on a municipal level. Management issues, (1(26)), pp. 42-48. (In Russian).
21. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh: Federal'nyy zakon No 54-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/4ceedc6beeab98acfcffe6b042e41a8319e1c922
22. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O vyborakh deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon No 20-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/929163d5e5526f560a333185ce99ce0b73225905
23. Zakon Tyumenskoy oblasti "O statuse deputata Tyumenskoy oblastnoy Dumy". (In Russian). Available at: https://www.duma72.ru/ru/about/legal_principles/zakon_status/
24. Zakon Tyumenskoy oblasti "Ob osnovakh organizatsii i deyatelnosti Tyumenskoy oblastnoy Dumy". (In Russian). Available at: https://www.duma72.ru/ru/about/legal_principles/zakon_tod/?type=special
25. Mele, C., Spena, T. R., Marialuiza, M., & Di Bernardo, I. (2023). The phygital transformation: a systematic review and a research agenda. Italian Journal of Marketing, (3), pp. 323-349. (In English). DOI: 10.1007/s43039-023-00070-7
26. Kak ustroen rynek SED: obzor i opisanie uchastnikov rynka. (2023). (In Russian). Available at: https://market.cnews.ru/articles/2023-04-25_kak_ustroen_rynok_sed_obzor_i_opisanie?p=homecnews

Информация об авторах / Information about the authors

Герасимова Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, gerasimovagi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-1784>

Крюкова Светлана Алексеевна, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Galina I. Gerasimova, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, gerasimovagi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-1784>

Svetlana A. Kryukova, Postgraduate at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 09.10.2023; принята к публикации 13.10.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 09.10.2023; accepted for publication 13.10.2023.

УДК 316.7
DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-71-91

Сторителлинг в корпоративной культуре университета

И. В. Легостаева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
legostaevaiv@tyuiu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются роль и значение технологии сторителлинга в реализации функций корпоративной культуры современной университетской корпорации. Раскрывается сущностное содержание концепции сторителлинга как интерактивного инструмента воздействия на когнитивную сферу акторов образовательного процесса. Целью исследования является попытка автора выявить возможности и перспективы применения технологии сторителлинга для решения задач в области корпоративной культуры университетской корпорации. Задачи исследования: выделение особенностей технологии сторителлинга в продвижении университетских историй и легенд, корпоративных ценностей и культурного кода высшего учебного заведения, обоснование типологии направлений сторителлинга в сфере образования с учетом ролевой позиции, уровня эмоционального воздействия и содержательной составляющей, разработка инструментов, позволяющих максимально эффективно реализовать технологию сторителлинга в университетской корпорации. В качестве методов исследования были использованы общесоциологические теоретические методы, эмпирическую базу составили анкетный опрос и фокус-групповая дискуссия.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о целесообразности интеграции технологий и методик сторителлинга в корпоративную стратегию университетской корпорации, о возможности использования форматов сторителлинга кураторами и тьюторами университета с целью включения в адаптационные программы для первокурсников, а также в практическую деятельность по транслированию отдельных элементов корпоративной культуры университета. Наиболее предпочтительные варианты взаимодействия студенческого сообщества с технологией сторителлинга: веб-ресурсы, цифровые курсы, визуальный и интерактивный корпоративный контент.

Показаны новые аспекты практики применения сторителлинга в университетской корпорации, обозначены функции истории как единицы сторителлинга, проявляющиеся в мотивационном, идеологическом, социокультурном, обучающем, идентификационном воздействии на представителей студенческого и педагогического сообщества. Разработанные автором рекомендации по внедрению технологии сторителлинга могут быть использованы образовательными корпорациями с целью получения синергетического эффекта от использования данной интерактивной технологии в процессе реализации таких функций корпоративной культуры, как идеологическая, коммуникативная, имиджевая, идентификационная.

Ключевые слова: корпоративная культура, университетская корпорация, корпоративный сторителлинг, университетские легенды, мифотворчество, корпоративные ценности, корпоративные коммуникации

Для цитирования: Легостаева, И. В. Сторителлинг в корпоративной культуре университета / И. В. Легостаева. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-71-91 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 71–91.

Storytelling in the university corporate culture

Irina V. Legostaeva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia
legostaevaiv@tyuiu.ru

Abstract. The article examines the role and significance of storytelling technology in fulfilling the functions of corporate culture in contemporary university organizations. It explains the key elements of the storytelling con-

cept as an interactive tool to influence the cognitive domain of educational process participants. The author aims to identify the potential and opportunities of using storytelling technology to address issues in the corporate culture of a university corporation. Research objectives are highlighting the features of storytelling technology in promoting university stories and legends, corporate values and the cultural code of a higher educational institution, substantiating the typology of storytelling areas in the field of education, taking into account the role position, level of emotional impact and content, developing tools that enable the most effective implementation of the technology storytelling in a university corporation. The research employed general sociological theoretical methods and utilized a questionnaire survey and focus group discussion as its empirical basis.

The results of the study allow us to suggest that the incorporation of storytelling methods and technologies into the university corporation corporate strategy is recommendable. Moreover, university curators and tutors could use storytelling formats to integrate them into the first-year student adaptation programmes. Practical activities could also be used to communicate particular aspects of the university corporate culture. The most effective methods for engaging students with storytelling technology include web resources, digital courses, and visually and interactively driven corporate content.

This article presents new insights into the use of storytelling within a university setting, with a focus on the role of history as a significant aspect of storytelling. This includes examining its motivational, ideological, socio-cultural, educational, and identification impact on both students and faculty members. The author's recommendations on utilizing storytelling technology can enable educational corporations to achieve a synergistic effect by incorporating this interactive technology into the implementation of corporate culture functions such as ideology, communication, image, and identification.

Keywords: corporate culture, university corporation, corporate storytelling, university legends, myth-making, corporate values, corporate communications

For citation: Legostaeva, I. V. (2023). Storytelling in the university corporate culture. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 71-91. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-71-91

Введение

Современные реалии, связанные с трансформациями в сфере образования, позволяют с уверенностью говорить о том, что сегодня высшие учебные заведения являются носителями своей индивидуальной университетской культуры.

Корпоративная культура является источником жизнеспособности организации, включает базовые нормы, ценности, паттерны поведения, которыми руководствуются сотрудники в процессе осуществления профессиональной деятельности, выступает в качестве фундамента, на котором выстраиваются рабочие отношения в коллективе. Корпоративная культура является сплачивающим всех членов команды инструментом. Обращаясь к прагматической концепции корпоративной культуры, следует отметить, что процессы формирования и трансформации культуры студенческого сообщества и профессорско-преподавательского состава контролируемы. Оказывая целенаправленное воздействие на отдельные ее элементы, можно генерировать и транслировать тот образ университетской корпорации, который будет способствовать достижению конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг.

Исследователи в области корпоративной культуры отмечают, что базисным основанием корпоративной культуры является «культурная парадигма организации», включающая нормы и правила, регламентирующие коммуникационные процессы и процессы жизнедеятельности организации. Посредством внешних и внутренних атри-

бутов корпоративной культуры осуществляется репрезентация сформированного культурного кода, формирование имиджа университетской корпорации [1]. Посредством корпоративной культуры университеты реализуют возложенные на них, как на ведущие социальные институты, функции: транслируют социокультурные ценности студенческому сообществу, формируют профессиональные и личностные компетенции будущих выпускников, осуществляют прирост человеческого капитала, способствуют укреплению лояльности и процессам идентификации научных кадров. Следует отметить, что аксиологическая функция корпоративной культуры является преобладающей в условиях нивелирования ряда задач, стоящих перед классическим традиционным образовательным учреждением [2].

Современные университетские корпорации, отличающиеся масштабностью и сложными организационными структурами, многослойной иерархичностью управления, стремятся к формализации принципов корпоративной культуры посредством следующих основных документов, регулирующих поведенческо-коммуникативную сферу: корпоративного кодекса, кодекса этики, регламента по корпоративной политике. Формализация при передаче ценностно-нормативных элементов культуры не всегда оказывается высокоэффективной и не затрагивает речевые практики трансляции корпоративных компонентов.

О. В. Куликова акцентирует внимание на наличии «опорного элемента корпоративной культуры — мифосферы, представленной набором речевых практик, отражающих жизнь и деятельность корпорации». Формирование мифосферы пролонгировано, включает перманентные процессы циркуляции (передачи) информации, базовой составляющей корпоративной мифосферы можно считать историю [3].

Задействование мифосферы в достижении высокой степени эффективности реализации потенциала корпоративной культуры университета оправдано преимуществами мифосодержащей информации: доступностью широкому кругу реципиентов, способностью к установлению диалога и снижению барьеров межкультурной и профессиональной коммуникации, помощью в преодолении адаптационных кризисных моментов, мотивирующим и сплачивающим эффектом, демонстрацией одобряемых моделей поведения, пропагандой ценностных ориентиров и векторов стратегического развития университетской корпорации.

Внедрение в корпоративную практику инструмента «сторителлинг» в качестве одной из современных технологий, обеспечивающих трансляцию значимой корпоративной информации, культурного кода университета, позволяет сформировать профессиональные поведенческие модели и закрепить их в историях, а также продемонстрировать проверенные на практике подходы и алгоритмы действий в конкретных ситуациях с соблюдением принятых в университетской корпорации морально-этических установок [4].

Современные университеты стремятся к установлению долгосрочных коммуникаций как со стейкхолдерами, так и с абитуриентами, студенческим сообществом в целом. Однако само присутствие в границах образовательной среды университета, погружение в его корпоративную культуру представляется невозможным для реципиента без осознания своей причастности к истории, например зарождения, становления, развития, побед университета. Таким образом, высшие учебные заведения выстраивают

свою политику продвижения, основываясь на демонстрации широкой аудитории (потенциальным абитуриентам, студенческому сообществу и профессорско-преподавательскому составу) доказательств своей уникальности, в частности знакомят с историей, легендами и мифами, которые органично встраиваются в жизнедеятельность университета и становятся неотъемлемой частью его корпоративной культуры.

Вышеобозначенное детерминирует актуальность интеграции технологий и методик сторителлинга в корпоративную стратегию университетской корпорации и практику реализации отдельных элементов корпоративной культуры.

Материалы и методы

Цель исследования — выявить возможности и перспективы применения технологии сторителлинга для решения задач в области корпоративной культуры университетской корпорации.

Для реализации поставленной цели было проведено пилотное социологическое исследование (май 2023 года), в которое вошли анкетный опрос студентов Тюменского индустриального университета (ТИУ) ($n = 100$ человек) и фокус-групповая дискуссия среди профессорско-преподавательского состава университета ($n = 20$ человек).

Выбор респондентов для исследования детерминирован принадлежностью педагогического и студенческого сообществ к носителям корпоративной культуры. Студенческая молодежь в рамках университетской корпорации выступает основным реципиентом корпоративных норм, традиций, поведенческих моделей, культурных артефактов, профессорско-преподавательский состав транслирует корпоративные ценности, участвует в процессе корпоративной идентификации, формировании имиджевых характеристик университета.

Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении основных аспектов (типов, форматов, элементов, направлений) применения технологии сторителлинга в процессе реализации основных функций корпоративной культуры образовательной организации, а также в составлении типологии рассматриваемой технологии.

Методологическую основу представленной работы также составили общесоциологические теоретические методы. На основе вторичного анализа публикаций, освещающих вопросы, связанные с зарождением, становлением, развитием и практикой применения технологии сторителлинга в разных областях человеческой деятельности, был сделан вывод о мультипликативности и широком функционале рассматриваемой технологии в решении задач в области корпоративного управления и культурной среды организаций сферы образования. Метод типологизации позволил разработать авторскую типологию сторителлинга в образовании с учетом гетерогенных критериев, характеризующих когнитивную сферу личности. Метод теоретического синтеза использовался при уточнении категорий «корпоративное мифотворчество», «корпоративные истории и легенды», «культурный нарратив» для более емкого, многомерного понимания сущностного содержания сторителлинга. Метод анализа позволил определить, что современные университеты начали активно внедрять в корпоративную практику ин-

струменты сторителлинга для транслирования элементов корпоративной культуры студенческому и педагогическому сообществу.

Результаты и обсуждение

В качестве материалов, на основании которых автор данной статьи пришел к выводу об эффективности применения технологии сторителлинга в корпоративной жизнедеятельности университетской корпорации, послужили корпоративные интернет-ресурсы российских университетов, в частности разделы «История университета», «Миссия университета», «Кодекс этики».

Истоки сторителлинга в качестве инновационного инструмента в сфере коммуникаций можно проследить с 90-х годов XX столетия в крупных американских корпорациях. Изначально данная технология активно внедрялась в практику корпоративного управления, органично вплетаясь в процессы организации коммуникаций корпораций со стейкхолдерами (внешняя направленность) и во внутрикорпоративные коммуникации на уровне подразделений. Американская национальная сеть сторителлинга приводит следующее толкование дефиниции «сторителлинг»: «диалоговая техника использования слов и действий с целью установления элементов и образов истории для активации познавательных процессов у слушателя» [5].

Технология сторителлинга получила широкое распространение в практике менеджмента. Д. Армстронг, возглавляющий международную компанию «Armstrong International», в 1992 году представил новую концепцию управления организацией в книге «MBSA: Managing by Storying Around», в которой были собраны сотни историй, базирующихся на реальных случаях из жизнедеятельности компании. Он акцентировал внимание на совершенно инновационном подходе — умении генерировать и искусно «вплетать» истории в процессы организации, планирования, управления, контроллинга [6]. Сущностная квинтэссенция вошедших в книгу историй позволяет сделать вывод об их образовательной направленности. «Истории, посвященные качеству и обслуживанию», «Истории, посвященные партнерским отношениям», «Истории о работе с возмутителями спокойствия» демонстрируют реципиенту (слушателю) определенные паттерны поведения, системы мышления, способы решения конкретных профессиональных ситуаций. Отдельное направление историй («Истории, которые помогут каждому стать лидером», «Истории, вдохновляющие на инновации», «Истории о поиске новых источников прибыли», «Истории для развития творчества», «Истории, которые сделают нас приверженцами перемен») затрагивает мотивационную сферу и вовлекает слушателя в процесс саморазвития, самосовершенствования, стремления к инновационной деятельности внутри компании. Д. Армстронг, осознавая широкий спектр функций, который несет в себе история, уделяет пристальное внимание коммуникативным процессам и важности ораторского искусства, включает в книгу «Истории, которые заставят людей рассказать о вещах, о которых стоит рассказать» и «Истории о том, как рассказывать истории» [7].

Сегодня сторителлинг как искусство рассказывания историй, техника вовлечения слушателя в контекстуальное содержание рассказа задействует когнитивную составляющую мыслительной сферы личности, учитывает переход современного общества к интерактивным форматам коммуникации и развитие нативных вариаций взаимо-

действия организации и различных целевых аудиторий (потребителей, стейкхолдеров, персонала). Сторителлинг постепенно органично включается в различные сферы человеческой деятельности благодаря широкому функционалу воздействия: в политических реалиях сторителлинг позволяет направлять социально-политические процессы в необходимое русло, в рамках информационного пространства моделирует и создает тренды информационных дискурсов, в PR-коммуникациях бизнеса выстраивает репутационные характеристики компаний, в маркетинге и туризме формирует устойчивую лояльность потребителя к бренду, в образовании активизирует процессы трансляции элементов корпоративной культуры учебных заведений т. д. [8; 9].

По мнению исследователей в области корпоративного мифотворчества, «в основании мифа положено единство двух крайних, прямо противоположных сущностей. Создавая образ действительности, совпадающий с ожиданиями носителей мифологического сознания, миф деформирует действительность» [10]. Миф как разновидность истории конструируется в рамках определенной культурной формации, носителем традиций, ценностей которой и является индивид, объясняя с помощью культурных нарративов существующий порядок и поддерживая его. История, проникая в сознание слушателя, гармонизирует сложившееся мировоззрение с правилами, нормами поведения, декларируемыми внутри университетской корпорации ценностями, нивелируя культурный разрыв и возможные зачатки культурного этноцентризма [11].

Актеры процесса, в ходе которого рассказывается увлекательная история, неизбежно вовлекаются в созданный искусственно информационный конструкт, получая таким образом альтернативное видение текущей ситуации. Представленная легенда, миф, история, книга воспринимаются реципиентом в качестве инструкции, руководства к действию, содержащего алгоритм, который априори окажется эффективным. Объясняется подобная модель восприятия тем, что история фиксирует определенный паттерн поведения и транслирующий ее в университетскую среду рассказчик, как правило, наделен авторитетом (статусным, профессиональным, лидерским), позволяющим обходить коммуникативные барьеры. Для университетского сторителлинга характерна конкретизация героя, участвующего в истории или мифе; его фамилия, имя, должность, личностные характеристики позволяют истории обрести достоверность и увеличить эмоциональную вовлеченность акторов образовательной среды [12].

Систематизация и анализ соответствующей рассматриваемой тематике научной литературы позволяют типологизировать направления сторителлинга в сфере образования по разнообразным признакам (рис. 1) [13].

Разнообразные типы сторителлинга в рамках университетской корпорации применяются для достижения целей формирования, трансформации, транслирования корпоративной культуры. Сохранению и передаче социокультурных ценностей традиционного университета, транслированию традиций высшей школы студенческому сообществу, преемственности ценностных ориентиров профессии педагога, демонстрации значимости связи поколений и важности института образования способствует введение в корпоративную практику университетов еще одного типа сторителлинга — семейного [14]. Следует отметить, истории, мифы и легенды вышеобозначенной направленности активизируют чувство гордости и сопричастности к университетской корпорации, формируют ответственность за продолжение университетских традиций и ритуалов, способствуют развитию корпоративной культуры и приданию ей уникальных черт. На практике сторителлинг из формата семейного довольно часто приобретает черты культурного, выполняя однородные функции.

*Рис. 1. Типология сторителлинга в сфере образования
(составлено автором по материалам исследования)*

Современные университеты находятся в перманентном поиске инструментов и техник, которые бы позволили сформированной годами корпоративной культуре закрепиться в сознании студенческого сообщества, профессорско-педагогического состава и других категорий сотрудников, а также эффективно дифференцировать университетскую корпорацию среди конкурентов на рынке образовательных услуг. Сторителлинг, несомненно, можно отнести к техникам, способствующим реализации задач, находящихся в поле зрения корпоративной культуры (рис. 2).

Рис. 2. Функционал сторителлинга в реализации задач корпоративной культуры университета (составлено автором по материалам исследования)

Е. А. Челнокова, С. Н. Казначеева, К. В. Калинкина, Н. М. Григорян, Ю. М. Борщевская акцентируют внимание на функциях, которые сторителлинг несет в жизнедеятельность образовательной организации [13; 15].

1. Участие в протекании когнитивных процессов. Современные требования к образовательному процессу и его результатам подразумевают овладение обучающимися профессиональными компетенциями, таким образом, развитие мышления, запоминания, интерпретации, воображения и креативности с помощью сторителлинга становится необходимым условием обучения в университете.

2. Тимбилдинг. Тренинговые мероприятия, применение квест-технологий, основанных на сторителлинге, способствуют построению эффективной командной работы, важность которой очевидна как в профессиональной среде, так и в студенческой, задействование эмоциональной сферы, эмпатии, толерантности, научение выстраиванию коммуникаций, основанных на взаимовыгодном партнерстве.

3. Развитие навыков публичного выступления как часть техники сторителлинга, несомненно, является одной из ведущих компетенций для будущего специалиста — выпускника университета.

4. Самопознание и самоактуализация посредством сторителлинга становятся эффективным способом для студенческого сообщества выразить свое направление мысли, жизненную позицию, социокультурные ценности, для представителей педагогического сообщества реализовать свой педагогический потенциал, ввести в процесс обучения инновационную составляющую, передать молодому поколению основы сложившейся в университете культуры.

5. Психологическая разгрузка. Применение сторителлинга в кураторской, тьюторской, преподавательской деятельности направлено на достижение терапевтического эффекта, связанного с использованием в психологии методики проговаривания эмоционально значимых для индивида событий. Современная реальность часть коммуникаций перенесла в виртуальную среду, digital-технологии стремительно исключают живой разговор и атрофируют стремление личности сублимировать свои чувства и эмоции через рассказ, проговор, историю. В связи с этим сторителлинг приобретает особую актуальность для студенческого сообщества.

Сторителлинг в рамках университетской корпорации осуществляется посредством устной формы (непосредственно легенды, мифы, истории), а также письменной формы (корпоративный кодекс, веб-ресурс университета, социальные комьюнити подразделений, корпоративные издания и др.). Устная форма сторителлинга является универсальной, способствует передачи историй из уст в уста, установлению эффективной коммуникации между транслятором историй и реципиентами. Следует отметить, что устная форма передачи историй (легенд, мифов) зачастую может сопровождаться вербальными искажениями, связанными с индивидуальными особенностями восприятия реципиентов, поэтому история, переданная представителями студенческого сообщества, обретает новую смысловую нагрузку. Письменный формат сторителлинга представляет собой более формальный вариант трансляции ценностей, миссии, стратегического видения, паттернов поведения и других элементов корпоративной культуры университета. Безусловным преимуществом данного формата является нивелирование со-

циокультурных, межнациональных барьеров, детерминированных дифференцированным национальным составом обучающихся многих современных университетов.

Дж. П. Уолш и Г. Р. Унгсон отмечали, что сохранность и последующая передача корпоративных знаний обеспечивается наличием механизма «корпоративной памяти», представляющей собой «способность компании к сохранению, приумножению и трансляции неформализованных и формализованных корпоративных знаний, олицетворяющих ее опыт, ценностные ориентиры, традиции, составляющих основу для формирования компетенций компании» [16]. Таким образом, носителями корпоративной памяти университетской корпорации выступают как педагогическое и студенческое сообщество, так и формализованные источники (документы). В данном контексте сторителлинг представляет собой эффективный инструмент приумножения и передачи корпоративной памяти, закрепления в восприятии реципиентов отдельных элементов корпоративной культуры, формирования одобряемых паттернов поведения студенческого сообщества в рамках университетской среды.

Н. В. Новичков, А. В. Новичкова, О. В. Малыгина выделяют следующие основополагающие направления работы с корпоративной памятью: совершенствование системы внутрикорпоративных коммуникаций, адаптация новых членов группы к социокультурным условиям, сохранение ценностных ориентиров, трансляция эффективных рабочих моделей, сохранение уникальных историй о героях и лидерах компании, концентрирование комплекса знаний в едином носителе (например, корпоративный кодекс), использование архива знаний в качестве дополнительного конкурентного преимущества [17].

С целью привлечения внимания и роста степени вовлеченности реципиентов в формат сторителлинга в рамках университета целесообразным представляется использование визуального контента, способного значительно обогатить сущностное содержание корпоративных историй, легенд и мифов. Иллюстративный материал (фотографии, эскизы, графические изображения) придает сопровождающему его текстовому материалу большую динамичность и запоминаемость, уникальные фоновые изображения, которые дополняют содержание веб-ресурсов университета, страниц в социальных сетях, представляющих отдельные кафедры, студенческие комьюнити, а также самостоятельный информационный формат (инфографика, представленная таймлайном, схемами, картами, векторными иллюстрациями и трехмерной графикой) превращают обучающий контент в развлекательный.

Истории, являющиеся частью корпоративной памяти и непосредственным элементом сторителлинга, могут быть представлены в следующих форматах.

1. Истории «best/worst practice» — рассказы о наиболее успешных вехах развития университета, удачно реализованных образовательных проектах и трансформациях, внедряемых в процесс обучения инновационных технологиях и методиках. Такие истории представляют особую ценность, демонстрируя интеллектуальный потенциал и человеческий капитал конкретного университета, выстраивают имиджевую составляющую образовательной организации, являются мотиваторами для абитуриентов при принятии решения относительно места будущего обучения. Истории, герои которых потерпели неудачу в практике университетского сторителлинга, встречаются реже, од-

нако несут не менее важную смысловую нагрузку, представлены описанием трудностей и преград, с которыми сталкиваются представители высшего руководства при реструктуризации университета, стремлении модернизировать процесс обучения. К данному формату можно отнести истории, рассказывающие о принятии стратегически важных решений, повлиявших на дальнейшую жизнь университета и его рейтинг на рынке образовательных услуг.

2. Истории, акцентирующие внимание на корпоративных ценностях, призваны актуализировать в сознании реципиента аксиологическую составляющую. Такие ценности университетской корпорации, как профессионализм, взаимное уважение и партнерство, развитие и творчество, преемственность и многие другие, транслируемые посредством историй, а также правила поведения, делового общения и этикета, составляющие основу истории, запоминаются на более глубинном уровне, чем те, которые представляют собой формализованные и документально закреплённые источники. Сторителлинг такого формата позволяет университетской корпорации поддерживать и реализовывать такие функции, как образовательная, социокультурная, воспитательная.

3. Истории-персоналии наиболее характерны для университетской корпорации, представляют собой мифы и легенды об основателях университетов, структурных подразделений и кафедр, рассказы о выдающихся профессиональных достижениях представителей педагогического сообщества, истории о победах студенческих команд на соревнованиях, турнирах, конференциях, конкурсах международного уровня. Изначально данный формат широко распространялся в европейских университетах и был перенят российскими как наиболее эффективный в достижении таких целей, как побуждение к действию, передача эффективных паттернов поведения и моделей достижения высоких результатов.

4. Истории-антивирусы — формат сторителлинга, направленный на нейтрализацию негативных историй, публикаций в СМИ, а также распространяемых внутри университетской корпорации слухов, порочащих репутацию и снижающих рейтинг рыночного реноме. Цель историй-антивирусов — нивелирование критической информации и перевод ее в нейтральное русло. Возможно внедрение в практику историй-антивирусов с элементами гиперболизации — преувеличения и изменения ключевого аспекта истории, заставляющего реципиента изменить ракурс своего восприятия [18].

Университетские корпорации практикуют выработанные и доказавшие свою эффективность методы и инструменты для продвижения корпоративных историй. Например, корпоративные брошюры, содержащие историю основания университета и освещающие основные вехи его развития, корпоративные журналы, в рамках которых обязательно присутствует раздел или рубрика «История университета», веб-ресурс (сайт) университетской корпорации — один из самых доступных источников для широкой аудитории, позволяющий ознакомиться с дифференцированными форматами сторителлинга, демонстрирующего развитую корпоративную культуру. Сегодня ведущие университеты России внедряют в свою практику метод play-back театр, ориентированный на продвижение историй посредством достижения иммерсивного эффекта, когда рассказ сопровождается проигрыванием событий, составляющих историю. Данный формат используется на кураторских занятиях со студентами, когда тьютор пред-

лагает первокурсникам поучаствовать в «мини-спектакле», выбрав для себя роль. Таким образом, проигрываются основные ценности и правила поведения, декларируемые университетом, отрабатывается навык командной работы и достигается синергетический эффект знакомства с университетской средой [9].

Применение квест-технологий, распространяющихся сегодня в образовательной среде, сопровождается элементами сторителлинга: для участников обозначается цель, повествуется о герое (чаще всего реальном, например основателе университета, декане факультета, заведующем кафедрой), декларируется сюжет, который и вовлекает участников квеста в достижение поставленной цели, например найти главный артефакт факультета, преодолев несколько этапов, содержащих задачи, требующие решения.

Внутрикорпоративный сторителлинг в структурных подразделениях университета представлен конкурсами на лучшую историю, участники таких конкурсов — представители профессорско-преподавательского состава, демонстрирующие свои знания истории университета, его героев, ключевых персонажей, которые внесли значимый вклад в его развитие, основные даты, события, изменившие ход истории. В результате проведения таких мероприятий повышается сплоченность университетских коллективов, члены профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого звена получают возможность корпоративной идентификации, усиливаются лояльность и корпоративная приверженность, что в конечном итоге является показателем сильной корпоративной культуры.

Тренинговые форматы — тимбилдинг для всех категорий сотрудников в университетах также проходит с применением технологий сторителлинга, например, так проходит знакомство новых членов профессорско-преподавательского состава с основным составом, представители которого рассказывают свои истории о принятии решения относительно профессионального пути, о развитии карьеры, трудовых буднях, применяемых в процессе обучения интерактивных технологиях, завершая рассказ напутствием новому коллеге. Такой формат распространен среди студенческого сообщества, однако носит более неформальный характер [15].

Практика применения сторителлинга в университетских корпорациях базируется на ряде принципов, призванных обеспечить эффективность данного формата [13].

1. Принцип фундаментальности характеризует личность самого повествующего. Так, иницирующее рассказ лицо должно владеть основами ораторского искусства, быть убедительным, владеть вниманием публики, знать соответствующие техники удержания, переключения внимания. В отношении легенды университета как разновидности сторителлинга следует отметить четкое соблюдение этого принципа, так как именно легенда формирует имиджевые характеристики и становится внешним атрибутом в установлении коммуникации со стейкхолдерами.

2. Принцип детализации предписывает включение в историю элементов, конкретизирующих события, время действия, героев и персонажей, особенности их поведения. Привнесение деталей в сторителлинг позволяет воздействовать на эмоциональный спектр реципиента, активизировать чувство причастности, максимально вовлечь в историю.

3. Принцип драматичности в сторителлинге подразумевает наличие в сюжете рассказа драматической ситуации, событийного ряда препятствий, которые требуется преодолеть для достижения цели, успеха. Так, легенда оксфордского университета, одного из старейших университетов Англии, построена на введении драматической составляющей — религиозных и политических споров, которые выступали препятствиями на пути становления международного образовательного центра.

4. Принцип тактичности при введении сторителлинга в корпоративную жизнь университета регламентирует частоту, с которой та или иная история повторяется реципиенту. Целесообразно избегать перманентного повтора историй, которые не дополняются новыми деталями, фактами, в противном случае такие истории становятся «притчами во языцех» и приобретают иронический оттенок. Легенды и мифы — это те разновидности сторителлинга, которые могут быть наполнены статичным контентом и являются своего рода фундаментом коммуникативной функции корпоративной культуры.

5. Принцип динамичности основан на поддержании внимания реципиента к истории посредством дифференцированных эмоциональных воздействий. В сторителлинге для реализации данного принципа используются разные техники: «Круг историй» Д. Хармона, «Пирамида Фрейтага» немецкого писателя Г. Фрейтага, «Фихтеанская кривая» Дж. Гарднера и другие. Университетские мифы и легенды повествуют о взлетах и падениях героев, выдающихся победах и трудностях, преградах, преодолевая которые, герои трансформируются, приобретая лидерские качества.

6. Принцип распространенности в сторителлинге применительно к университетской корпорации сопряжен с иерархичностью в управлении образовательной организацией. Истории получают широкое распространение и, как правило, доводятся до сведения всех структурных подразделений, административно-управленческого персонала, профессорско-преподавательского состава и студенческого сообщества. Следует отметить, что процесс интерпретации одной и той же истории разными категориями реципиентов будет детерминирован занимаемой должностью, индивидуальными особенностями восприятия, социокультурными характеристиками индивида, степенью идентификации с университетской корпорацией, уровнем включенности в сформированную корпоративную культуру.

Результаты социологического исследования

В рамках фокус-групповой дискуссии выявлено, что представители профессорско-преподавательского состава единодушно признают сторителлинг в качестве одной из самых эффективных информационно-коммуникационных технологий, которая позволяет выстраивать коммуникацию по типу нарратива, что является несомненным преимуществом при решении ряда корпоративных задач (например, при передаче ценностных ориентиров). Следует заметить, большинство интервьюируемых отметили, что технология сторителлинга неразрывно связана с педагогическими технологиями, закрепив тем самым за собой статус «инструмента управления знаниями».

Ж., профессор, д. с. н.

«Сегодня, в условиях множественности интерактивных технологий, которые преподаватель может использовать для выстраивания эффективной, значимой для обеих сторон коммуникации, особо выделяется сторителлинг благодаря его нарративной форме и композиционным приемам построения истории, многообразию сюжетных линий».

М., доцент, к. э. н.

«Сторителлинг рассматриваю в качестве базовой технологии, которая позволяет педагогу управлять хаотичным информационным массивом, с которым ежедневно сталкивается современный студент, направляя знания в нужное русло».

Эффективность включения сторителлинга в практику жизнедеятельности организаций сферы образования, в частности как инструмента трансляции принципов, элементов корпоративной культуры университета, детерминирована его особенностями. Корпоративный сторителлинг конструирует организационную реальность посредством культивирования в системе мышления реципиента мифов, легенд, метафор, концепций, мнений, моделирующих необходимую «идеальную картинку» происходящего вокруг.

Ж., доцент, к. с. н.

«История, ее посыл должны соотноситься с той культурной реальностью, в которой находится студенческая молодежь, студент приходит в вуз со сложившейся культурой поведения, мировоззрением и базовыми ценностями, моя задача с помощью сторителлинга органично соединить эту культуру с университетской, чтобы избежать культурного диссонанса».

Ж., д. с. н.

«Моя практика применения культурного сторителлинга в процессе профессионального взаимодействия со студентами дает однозначное понимание, что трансляция традиций, нравственных принципов, культурного кода университета посредством обозначенной технологии эффективно воздействует на реципиента, активизируя его аксиологическую сферу».

М., доцент, к. э. н.

«Актуальность сторителлинга в продвижении сложившейся корпоративной культуры университета в студенческие массы не вызывает сомнения, правильно построенная история или миф, подобранный в истории архетип должны соотноситься в сознании слушателя с его собственной индивидуальностью, если это так, то восприятие окружающей культурной действительности будет исключительно положительным».

Технология сторителлинга как инструмент решения ряда задач в области корпоративной культуры университета используется на практике для ускоренной адаптации студентов-иностранцев, новых членов профессорско-преподавательского состава к социокультурным условиям, а также с целью транслирования эффективных рабочих (учебных) и поведенческих моделей.

Ж., профессор, д. э. н.

«Восприятие и оценка сложившихся в университете паттернов поведения, характерных для студенчества, частью которого являются иностранные студенты, значительно упрощаются посредством донесения особенностей признанных поведенческих моделей через облечение их в форму истории, тимбилдинга или квеста».

Ж., доцент, к. с. н.

«Помощь в адаптации коллеге-новичку — всегда не простая задача, играют роль сформировавшиеся профессиональные приоритеты, установки и принципы организации рабочей среды. Понимание и проживание принятых в педагогическом коллективе рабочих моделей через историю многократно сокращают период адаптации к новому культурному коду, который может разниться в рамках отдельных структурных подразделений университета».

Проблема укоренения корпоративной идеологии и поддержания механизма «корпоративной памяти» в активном состоянии остается актуальной как для университетов традиционного типа, так и для образовательных организаций, позиционирующих себя в качестве инновационных. Решение обозначенной проблемы заключается во внедрении в корпоративную практику устной (легенды, истории, мифы) и письменной (цифровой) формы сторителлинга (сайт университета, локальные социальные комьюнити структурных подразделений, кафедр). Данное решение получило высокую оценку со стороны интервьюируемых, аргументами выступили цифровизация образовательного пространства, широкое распространение digital-технологий и интерактивного контента, вовлеченность современного студенческого сообщества в коммуникации, реализуемые посредством сети Интернет.

М., старший преподаватель.

«Корпоративная идеология не должна насаждаться и агрессивно внедряться в сознание студента, в данном ракурсе сторителлинг — нативный инструмент ознакомления с миссией, корпоративными ценностями, идеологией, ориентирами университета на будущее. Все более востребованным становится цифровой сторителлинг, и он активно реализуется на электронных площадках нашего университета».

Ж., доцент, к. с. н.

«Наше структурное подразделение активно использует визуальный сторителлинг в социальных сетях, истории успеха и достижений студенческих лидеров мотивируют студенческое сообщество и абитуриентов не просто повторить их победу, но и достичь более высоких результатов, получить признание. Цифровой формат истории позволяет выстроить коммуникацию в диалоговом режиме».

Ж., старший преподаватель.

«Знакомлю студентов первого курса с миссией и видением, основными вехами становления нашего университета, принципами организации культурного пространства, идеологической направленностью через истории “best/worst practice”, такой формат обеспечивает высокую включенность в конструируемую реальность, студенты становятся носителями и трансляторами корпоративной памяти. Истории-персоналии решают проблему негативных ценностных установок, трансформируя их в положительные».

Анкетный опрос представителей студенческого сообщества позволяет сделать вывод о наиболее предпочтительных форматах и видах сторителлинга, применяемых в университетской корпорации (рис. 3). Так, истории-легенды, по мнению опрошенных, представляют собой источник знаний о миссии университета, основных этапах его развития, становлении ценностных ориентиров, которыми университет руководствуется в своей деятельности, освещают формирование господствующей корпоративной культуры, дают представление об артефактах, традициях, ритуалах, обрядах, в которые сту-

денческое сообщество вовлекается. Истории-персоналии — одни из самых запоминающихся, респонденты отметили, что наибольший интерес представляют истории, связанные с деятельностью руководства университета и университетских героев (ректора, директоров структурных подразделений, заведующих кафедрами, научных руководителей), источником таких историй выступает корпоративный сайт ТИУ — новостной раздел, рубрика «Твоя история успеха», в которой молодые преподаватели делятся своей «формулой успеха», рубрика «Люди, посвятившие себя университету» открывает удивительный мир выдающихся ученых, исследователей, чей путь начинался в стенах университета.

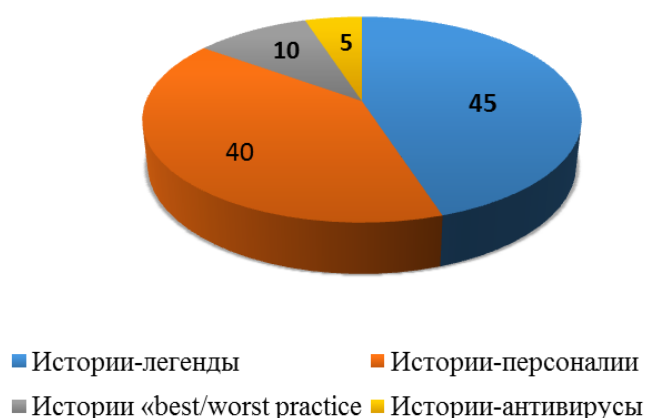

Рис. 3. Предпочтения респондентов относительно формата истории, в %

Студенческое сообщество не просто знает о существовании сторителлинга, но и имеет четкое представление о функциях, которые данная технология выполняет в университетской корпорации (рис. 4.).

Рис. 4. Функции, которые сторителлинг призван выполнять в университетской корпорации, в %

Респонденты выделили приоритетную функцию — транслирование идеологии университета, с составляющими идеологической концепции ТИУ студенты и абитуриенты знакомятся на официальном сайте университета в рубрикаторе «Миссия», «Кодекс этики», «Цели устойчивого развития» в формате письменного и цифрового сторителлинга. Трансляция традиций и культурного кода университета реализуется посредством устного (истории-легенды, истории «best/worst practice») и рецептивного, продуктивного сторителлинга (метод play-back театр). Вовлеченность в культурную жизнь университета посредством таких историй становится максимально высокой, студенческая молодежь стремится как можно быстрее перевести традиции из устного формата в практическое русло, благодаря чему они закрепляются, становясь частью культурного кода университета. Положительный имидж университета — это не только влияние правильно сформированной идеологии, но и грамотная работа по внедрению технологии сторителлинга для поддержания имиджевых характеристик на заданном уровне. Как отмечают респонденты (72 %), истории с позитивным контекстом, в которых раскрывается потенциал университета, его приоритеты, социокультурные доминанты, стали одним из факторов в пользу выбора Тюменского индустриального университета в качестве платформы для получения высшего образования.

Для студенческого сообщества сторителлинг является одним из предпочтительных вариантов информирования относительно основных событий, новостных поводов, учебной, внеучебной, социальной и научной деятельности университета (рис. 5). Истории — один из самых доступных, вызывающих интерес у широкой аудитории и легко воспринимаемых форматов, генерируемых в информационном пространстве. Стоит отметить, что качественное содержание транслируемой посредством сторителлинга новости может быть значительно искажено по пути от одного рассказчика к другому.

Рис. 5. Предпочтения респондентов относительно вариантов получения информации о событиях, происходящих в университете, в %

Автором данной статьи были сформулированы и представлены к оценке респондентов основные направления деятельности по продвижению технологии сторителлинга в ТИУ (рис. 6). Целью активного внедрения рассматриваемой технологии являются

выявленные в ходе фокус-группового интервью возможности решения ряда задач по поддержанию корпоративной культуры университета.

Рис. 6. Основные направления деятельности по продвижению технологии сторителлинга в Тюменском индустриальном университете (составлено автором по результатам исследования)

Представители студенческого сообщества единогласно считают (63 %), что введение элементов геймификации в сторителлинг, наиболее предпочтительный вариант продвижения историй, связано это со стремлением молодой аудитории быть не просто пассивным потребителем контента, но и принимать непосредственное участие, стать частью истории. 78 % респондентов положительно отреагировали на возможность получения доступа к электронным образовательным курсам «Цифровой сторителлинг» в случае введения таковых в ТИУ. Данный формат курсов будет актуален и для профессорско-преподавательского состава, введение технологии сторителлинга в профессиональную деятельность позволит транслировать корпоративные ценности на наиболее понятном и доступном для восприятия молодежью языке.

Выводы

Современная реальность, характеризующаяся трансформациями образовательной среды, активным внедрением инновационных технологий, ростом значимости цифровой культуры и высококонкурентной средой рынка образовательных услуг, подталкивает университетские корпорации к осознанию значимости и ценности такого инструмента управления жизнедеятельностью университета, как корпоративная культура. Эффективным инструментом транслирования и закрепления элементов корпоративной культуры университетской корпорации, реализации ее основных функций выступает сторителлинг.

Сторителлинг в рамках образовательной среды университета способствует реализации ряда задач: установлению взаимовыгодных внешних и внутренних коммуникаций, формированию имиджевых характеристик, транслированию социокультурных ценностей, нравственных императивов, культурного кода, университетских традиций, одобряемых моделей поведения, обмену культурными нарративами, идентификации студенческого и педагогического сообщества с корпоративной средой университета, активизации мотивационной и когнитивной сфер личности.

На основании проведенного исследования автор делает вывод о том, что в современной реальности, характеризующейся смещением вектора коммуникативных процессов в сторону преобладания digital-форматов, сторителлинг как наиболее нативный инструмент взаимодействия со студенческим и педагогическим сообществами, а также внешними партнерами представляет собой когнитивный процесс, подкрепленный вовлекающими компонентами и воздействующий на эмоциональную сферу личности. Данная интеграция опосредует мультипликативный эффект от транслируемого объекта, в качестве которого могут выступать корпоративный опыт, университетские легенды, истории успеха корпоративных героев, алгоритмы корпоративного поведения, корпоративная лояльность и другие составляющие корпоративной культуры университетской корпорации.

Выявленные в ходе исследования потенциал, перспективы применения, а также пул задач в области корпоративной культуры образовательной организации, которые решает применение технологии сторителлинга, позволяют автору рекомендовать рассматриваемую технологию, в частности социальный, культурный, продуктивный ее тип, в практике транслирования элементов корпоративной культуры университета (аксиологическая функция), в методической и профориентационной работе тьюторов и кураторов (мотивационная функция), а также иных лиц, отвечающих за адаптацию и процессы идентификации первокурсников и новых сотрудников в корпоративную среду университета (функция идентификации), в работу структурных подразделений по осуществлению коммуникаций со стейкхолдерами и продвижению бренда университета на рынке образовательных услуг (коммуникативная функция корпоративной культуры). Разработанные направления по продвижению технологии сторителлинга могут быть использованы образовательными корпорациями с целью получения синергетического эффекта от использования данной интерактивной технологии в процессе реализации функций корпоративной культуры. Автор подчеркивает, что тенденции, обозначившиеся в образовательной среде сегодня, требуют своевременного перехода от неактуальных, не получающих от широкой аудитории отклика, к наиболее востребованным, а именно визуальному и цифровому сторителлингу, базирующемуся на привлекательном интерактивном формате и ряде цифровых нарративов (веб-истории, живые журналы, веб-квесты, интерактивные рассказы и др.). В качестве базовой рекомендации предлагается использование цифрового образовательного сторителлинга как способа представления корпоративного контента и инструмента выстраивания корпоративных коммуникаций (в том числе между педагогическим и студенческим сообществом).

Список источников

1. Матвеева, Е. Г. Формирование корпоративной культуры профессиональной образовательной организации / Е. Г. Матвеева. – Текст : непосредственный // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 1 (25). – С. 72–79.
2. Макеев, В. А. Корпоративная культура как фактор эффективной деятельности организации / В. А. Макеев. – Москва : Ленанд, 2017. – 248 с. – Текст : непосредственный.
3. Куликова, О. В. Речевые практики корпоративного мифотворчества как инструмент формирования корпоративной культуры / О. В. Куликова. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_6_848_72. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 6 (848). – С. 72–82.
4. Шемякина, Е. М. Сторителлинг и мифология в современных культурных практиках / Е. М. Шемякина. – Текст : непосредственный // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2019. – № 8. – С. 1–3.
5. What is Storitelling. – Text : electronic // National Storitelling Network : website. – URL: <https://storynet.org/what-is-storytelling/> (accessed 11.06.2023).
6. Armstrong, D. Managing by Storying Around : A New Method of Leadership / D. Armstrong. – New York : Broadway Business, 1992. – 272 p. – Direct text.
7. Минаева, Л. В. Корпоративный сторителлинг / Л. В. Минаева. – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2016. – № 2. – С. 247–253.
8. Комиссарова, Л. М. Сторителлинг как коммуникационная технология / Л. М. Комиссарова, А. С. Васильева, Е. В. Горбань. – Текст : непосредственный // PR и реклама в изменяющемся мире : региональный аспект. – 2017. – № 17. – С. 96–104.
9. Новичкова, А. В. Сторителлинг как современный инструмент управления персоналом // А. В. Новичкова, Ю. В. Воскресенская. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 6 (25). – URL: <https://doi.org/10.15862/39evn614>.
10. Савелова, Е. В. Мифологические основания современной корпоративной культуры / Е. В. Савелова, Д. В. Богомазова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – Текст : непосредственный. – 2020. – № 6 (46). – С. 14–20.
11. Бердникова, В. И. Корпоративные мифы : суть, роль, значение, противоречия науки и практики / В. И. Бердникова. – Текст : непосредственный // Инновационная наука. – 2017. – № 5. – С. 86–88.
12. Пяткова, О. Б. Метод сторителлинга в обучении / О. Б. Пяткова. – Текст : непосредственный // Школьные технологии. – 2018. – № 6. – С. 41–45.
13. Сторителлинг как технология эффективных коммуникаций / Е. А. Челнокова, С. Н. Казначеева, К. В. Калинкина, Н. М. Григорян. – Текст : непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 5 (29). – С. 7–12.
14. Харунжева Е. В. Теоретические основы использования сторителлинга в образовательном процессе / Е. В. Харунжева, И. В. Грылёв. – Текст : электронный // Педагогическое искусство. – 2021. – № 2. – С. 28–32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ispolzovaniya-storitellinga-v-obrazova-telnom-protsesse> (дата обращения: 08.06.2023).

15. Метод сторителлинга в корпоративном управлении / Е. А. Челнокова, С. Н. Казначеева, О. В. Юдакова, Ю. М. Борщевская. – Текст: непосредственный // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 12–5. – С. 1162–1166.
16. Walsh, J. P. Organizational memory / J. P. Walsh, G. R. Ungson. – DOI 10.5465/amr.1991.4278992. – Text : electronic // *Academy of Management Review*. – 1991. – Vol. 16, Issue 1. – P. 57–91.
17. Новичков, Н. В. Роль корпоративной памяти в управлении организационными инновациями / Н. В. Новичков, А. В. Новичкова, О. В. Малыгина. – DOI: 10.12737/12534. – Текст : непосредственный // *Сервис Plus*. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 3–9.
18. Герасименко, О. Сторителлинг — как вариант обучения / О. Герасименко. – Текст : электронный // *Бережливый офис : сайт*. – URL: <https://leanoffice.ru/mancult/storylearn.html> (дата обращения: 07.06.2023).

References

1. Matveeva, E. G. (2020). Formation of a corporative culture of a professional educational organization. *Innovative development of vocational education*, (1(25)), pp. 72-79. (In Russian).
2. Makeev, V. A. (2017). *Korporativnaya kul'tura kak faktor effektivnoy deyatel'nosti organizatsii*. Moscow, Lenand Publ., 248 p. (In Russian).
3. Kulikova, O. V. (2021). Speech practices of corporate myth creation as an instrument of corporate culture formation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (6(848)), pp. 72-82. (In Russian). DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_72
4. Shemyakina, E. M. (2019). Storitelling i mifologiya v sovremennykh kul'turnykh praktikakh. *Nauchnyy vestnik Gumanitarno-sotsial'nogo institute*, (8), pp. 1-3. (In Russian).
5. What is Storitelling. (In English). Available at: <https://storynet.org/what-is-storytelling/>
6. Armstrong, D. (1992). *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. New York, Broadway Business, 272 p. (In English).
7. Minaeva, L. V. (2016). Corporate storytelling. *Vestnik universiteta*, (2), pp. 247-253. (In Russian).
8. Komissarova, L. M., Vasilyeva, A. S., & Gorban, E. V. (2017). Storytelling as communicative technology. *PR and advertising in a changing world: a regional aspect*, (17), pp. 96-104. (In Russian).
9. Novichkova, A. V., & Voskresenskaya, Yu. V. (2014). Storytelling as Modern Personnel Management Tool. *Naukovedenie*, (6(25)). (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.15862/39evn614>
10. Savelova, E. V., & Bogomazova, D. V. (2020). Mythological foundations of modern corporate culture. *Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, (6(46)), pp. 14-20. (In Russian).

11. Berdnikova, V. I. (2017). Korporativnye mify: sut', rol', znachenie, protivorechiya nauki i praktiki. *Innovative science*, (5), pp. 86-88 p. (In Russian).
12. Pyatkova, O. B. (2018). The method of Storytelling in training. *School technologies*, (6), pp. 41-45. (In Russian).
13. Chelnokova, E. A., Kaznacheeva, S. N., Kalinkina, K. V., & Grigoryan, N. M. (2017). Storytelling as technology of effective communications. *Perspectives of science and education*, (5(29)), pp. 7-12. (In Russian).
14. Kharunzheva, E. V., & Grylev, I. V. (2021). Teoreticheskie osnovy ispol'zovaniya storitellinga v obrazovatel'nom protsesse. *Pedagogicheskoe iskusstvo*, (2), pp. 28-32. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ispolzovaniya-storitellinga-v-obrazovatelnom-protsesse>
15. Chelnokova, E. A., Kaznacheeva, S. N., Yudakova, O. V., & Borshchevskaya, Yu. M. (2016). Method storytelling in corporate governance. *Fundamental research*, (12-5), pp. 1162-1166. (In Russian).
16. Walsh, J. P., & Ungson, G. R. (1961). Organizational memory. *Academy of Management Review*, 16(1), pp. 57-91. (In Russian). DOI: 10.5465/amr.1991.4278992
17. Novichkov, N. V., Novichkova, A. V., & Malygina, O. V. (2015). The role of corporate memory in the management of organizational innovation. *Service Plus*, 9(3), pp. 3-9. (In Russian). DOI: 10.12737/12534.
18. Gerasimenko O. Storitelling - kak variant obucheniya. (In Russian). Available at: <https://leanoffice.ru/mancult/storylearn.html>

Информация об авторе / Information about the author

Легостаева Ирина Владимировна,
старший преподаватель кафедры маркетинга
и муниципального управления, Тюменский
индустриальный университет, г. Тюмень,
legostaevaiv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3154-200X>

Irina V. Legostaeva, Senior Lecturer at
the Department of Marketing and Government
Administration, Industrial University of Tyumen,
legostaevaiv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3154-200X>

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

УДК 352.071

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-92-107

Трансформация ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в центры общественного развития территории

А. А. Попкова*, А. Н. Силин, А. Л. Колтунов

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**popkova@tyuiu.ru*

Аннотация. Усиление роли некоммерческого сектора в Российской Федерации, его инфраструктурное развитие приводят к необходимости его включенности в качестве субъекта управления развитием государства, региона и муниципалитета. Ресурсные центры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций возникли для профессионализации и укрепления сектора, но их функционал выходит за обозначенные пределы, а включенность в решение различных проблем территории создает предпосылки для их трансформации в центры общественного развития. Роль некоммерческого сектора в развитии территории усиливается, но исследований, определяющих системный характер его деятельности в комплексном социально-экономическом развитии, особенно в качестве центров общественного развития, практически нет. Цель исследования — оценка процесса трансформации ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в центры общественного развития. В статье представлены результаты исследований, проведенных с 2021 по 2023 годы в организациях, входящих в Уральскую сеть ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, с использованием комплекса методов социологических исследований: контент-анализ, включенное наблюдение, фокус-группа, экспертный опрос. Предложенный подход к оценке процесса трансформации ресурсных центров в центры общественного развития может быть использован для исследования направлений их деятельности как ресурса и субъекта управления развитием территорий.

Ключевые слова: некоммерческие организации, ресурсный центр поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, центр общественного развития, развитие территории, благотворительность

Для цитирования: Попкова, А. А. Трансформация ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в центры общественного развития территории / А. А. Попкова, А. Н. Силин, А. Л. Колтунов. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-92-107 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 92–107.

Transformation of resource centers for support of socially oriented non-profit organizations into centers of social development of the territory

Alena A. Popkova*, Anatoly N. Silin, Anatoly L. Koltunov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**popkova@tyuiu.ru*

Abstract. The growing importance of the non-profit sector in the Russian Federation, its infrastructural development leads to the need for its inclusion as a subject of development management of the state, region and municipality. Resource support centers for socially oriented non-profit organizations have emerged to professionalize and strengthen the sector, but their functionality goes beyond the designated limits, and involvement in solving various problems of the territory creates prerequisites for their transformation into centers of social develop-

ment. The aim of the study is to evaluate the process of transformation of resource centers for support of socially oriented non-profit organizations into centers of social development. The conclusions, which are presented in this article, are the results of a comprehensive study in organizations, which are included in the Ural network of resource centers for the support of socially oriented non-profit organizations, in 2021 to 2023 using a set of sociological research methods: content analysis, participant observation, focus group, expert survey. The suggested methodology for evaluating the conversion of resource centers into centers of social development can enable the exploration of their activities as both a resource and a subject of territorial development management.

Keywords: non-profit organizations, resource centers for support of socially oriented non-profit organizations, center for social development, territory development, charity

For citation: Popkova, A. A., Silin, A. N., & Koltunov, A. L. (2023). Transformation of resource centers for support of socially oriented non-profit organizations into centers of social development of the territory. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 92-107. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-92-107

Введение

В последние несколько лет усиливается роль общественного сектора в системе управления государством, регионом, муниципалитетом. Это происходит, с одной стороны, за счет активной государственной политики поддержки и развития сектора некоммерческих организаций (НКО), а с другой — за счет активизации деятельности самих организаций, расширения работы с целевой аудиторией, включенности в решение различных социальных проблем, как традиционных для данного сектора, так и возникающих в качестве вызовов для российского общества. В настоящее время в Российской Федерации некоммерческий сектор насчитывает 199 575 организаций [1], 50 188 из них — социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) [2].

Возрастающая роль данных организаций потребовала профессионализации некоммерческого сектора и развития ресурсных центров (РЦ) поддержки социально ориентированных НКО. В соответствии с Письмом Министерства экономического развития Российской Федерации № 29850-ОФ/Д01и под ресурсным центром СО НКО в российском правовом поле определяется «организация, оказывающая информационную, консультационную, образовательную, организационную и иную ресурсную поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям, содействующая внедрению в их деятельность новых социальных и управленческих технологий, а также формированию среды, способствующей формированию, развитию и деятельности» данных организаций [3].

Появление и укрепление инфраструктуры ресурсных центров регионального уровня в субъектах Российской Федерации вызвало необходимость вовлечения муниципалитетов в данный процесс. В настоящее время ведется активная работа по развитию муниципальных ресурсных центров поддержки СО НКО. Необходимость развития подобной инфраструктуры на территориях обусловлена тем, что для действенной, конструктивной активности жителей по решению проблем муниципалитета, в котором они проживают, важно обеспечить условия для реализации этой активности в форме инициатив, через создание общественных организаций, выстраивание диалога с местными

органами власти и бизнесом. По сути ресурсные центры в муниципальных образованиях должны формировать условия для развития некоммерческих организаций, работающих с разными целевыми группами для обеспечения социального благополучия и создания комфортной среды проживания граждан. Включенность ресурсных центров в территориальную повестку в качестве инфраструктуры, обеспечивающей вовлеченность жителей в процессы управления развитием территории, привело к расширению их функционала и наличию признаков трансформации их статуса в центры общественного развития.

Литературный обзор

Проработка методологической основы анализируемой тематики позволила выделить ряд проблемных исследовательских вопросов.

Во-первых, большое внимание в современных исследованиях уделяется вопросу значения некоммерческого сектора в формировании коммуникаций между властью, бизнесом и населением (А. А. Гашин, П. А. Трескин [4], Н. В. Мироненко [5] и др.)

Во-вторых, некоммерческие организации — субъект реализации социальной политики на разных уровнях управления (И. А. Зайцева, Д. С. Зайцев [6], В. Г. Халын [7] и др.).

В-третьих, некоммерческий сектор рассматривается как поставщик социальных услуг, обеспечивающих развитие человеческого потенциала (В. Б. Беневоленский, О. И. Бородкина, О. А. Волкова [9], Ю. А. Гребеникова, И. Н. Маяцкая [8], И. В. Мерсиянова, А. В. Старшинова [11] и др.).

В-четвертых, некоммерческий сектор как ресурс развития территории рассматривается в работах Т. Г. Гранцевой [12], М. А. Мухина, А. А. Урасовой [13].

Деятельность ресурсных центров поддержки СО НКО рассматривается в качестве драйвера развития сектора (Е. И. Кайбичева) [14], инфраструктуры развития НКО на территории (Д. С. Тюхов) [15], организатора волонтерской и благотворительной деятельности (У. К. Мутаев, К. Б. Калмыков) [16].

Материалы и методы

Исследование с целью оценки процесса трансформации ресурсных центров поддержки СО НКО в центры общественного развития проводилось в период с 2021 по 2023 годы. Основные методы исследования: метод включенного наблюдения, анализ информационной среды действующих ресурсных центров (официальные сайты, страницы социальных сетей), метод фокус-групп с представителями ресурсных центров, бизнеса на территории, активными гражданами, качественный контент-анализ документов стратегического развития территорий, экспертный опрос методом формализованного интервью с руководителями ресурсных центров поддержки СО НКО. Объектом исследования выступили некоммерческие организации, входящие в Уральскую сеть ресурсных центров поддержки СО НКО (5 региональных РЦ, 12 муниципальных РЦ).

Также информационной базой исследования выступили материалы Общественной палаты Российской Федерации, Благотворительного Фонда развития города Тюмени — инициатора создания и координатора Уральской сети ресурсных центров поддержки СО НКО.

Результаты и обсуждение

Процесс развития некоммерческого сектора и его институализация в России имеет двойственную природу. С одной стороны, создание некоммерческой организации является результатом деятельности группы граждан, решивших взять на себя ответственность представлять интересы какой-либо целевой группы для конструктивного решения имеющихся проблем, развития технологий взаимодействия с аудиторией и т. д. («инициирование создания снизу»), а с другой стороны, общественные организации создаются в результате указания государственных/муниципальных органов власти о необходимости создания общественной организации для работы с целевыми группами, требующими налаживания конструктивного взаимодействия и решения проблем данной группы («инициирование создания сверху»). Обе модели имеют место быть в российской практике и имеют свои преимущества и недостатки, обусловленные спецификой направлений работы сектора, особенностями регионов функционирования, степенью активности граждан. В любом случае вне зависимости от природы появления некоммерческие организации играют значительную роль в реализации социальной политики государства.

Созданные чаще всего на базе «окрепших» профессионализированных некоммерческих организаций ресурсные центры поддержки НКО в качестве опоры для развития сектора на сегодняшний день сформировали достаточно хорошую платформу для успешного функционирования общественных организаций. Деятельность региональных ресурсных центров поддержки СО НКО в Уральском федеральном округе вывела почти все регионы на лидирующие позиции в национальном рейтинге развития сектора [17]. По итогам 2022 года в ТОП-10 рейтинга субъектов РФ по уровню развития НКО входят 3 региона Уральского Федерального округа (УрФО): Ханты-Мансийский округ — Югра (2 место), Челябинская область (5 место), Тюменская область (7 место). Свердловская область и Ямало-ненецкий автономный округ занимают 11 и 28 место соответственно. Курганская область пока отстает от своих партнеров по федеральному округу, но существенно улучшила свои позиции по сравнению с прошлыми годами — 64 место (76 — в 2020 г., 71 — в 2021 г.).

Высокие темпы и уровень развития некоммерческого сектора в регионах приводит к тому, что данные организации становятся не просто значимыми для определенной целевой группы благополучателей, но и для других общественных организаций, определяется партнерский уровень взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Повышение роли, значимости ресурсных центров в решении проблем не только сектора, но и территории позволяют рассматривать их в качестве субъекта управления муниципалитета и региона.

Анализ деятельности ресурсных центров поддержки СО НКО в Уральском федеральном округе позволил выделить следующие направления:

- расширение количества НКО, функционирующих в секторе, особенно на муниципальном уровне;
- профессиональная компетентная помощь и содействие в развитии институтов гражданского общества, отмеченная органами государственной власти (награды);

- мобилизация ресурсов НКО, содействие расширению партнерских связей, развитие устойчивых социальных связей между представителями инициативных групп и опытными НКО;
- активное взаимодействие с органами местного самоуправления, включенность в деятельность общественных палат, советов при федеральных, региональных и муниципальных органах власти;
- объединение активных граждан, СО НКО, бизнеса и власти с целью появления идей для проектов и ресурсов для их реализации с целью улучшения жизни людей на территории;
- формирование сообщества людей, заинтересованных в благоустройстве территории города, региона и готовых поделиться опытом;
- организация и проведение крупномасштабных благотворительных акций с включением жителей как в качестве благополучателей, так и в качестве благотворителей, волонтеров, добровольцев.

Приведенные направления практической деятельности ресурсных центров показывают, что их деятельность выходит за пределы определенной в нормативных правовых актах деятельности, что позволяет сделать вывод о наличии процесса трансформации ресурсных центров в центры общественного развития на территории функционирования.

Дефиниция «центр общественного развития» исследована достаточно слабо. Интерес к данной категории в российском исследовательском пространстве возник в начале 2023 года в связи с инициативой Президента РФ В. В. Путина о поэтапном создании центров общественного развития «Добро.Центр» в городах и населенных пунктах «с использованием инфраструктуры молодежной политики, организаций культуры, дополнительного образования, предоставив таким центрам государственную поддержку для организации их деятельности, и включить поддержку добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве показателя в перечень показателей эффективности деятельности глав муниципальных образований» [18]. Данное поручение было направлено на активизацию «вовлечения граждан в добровольческую (волонтерскую) и благотворительную деятельность, поддержку локальных общественных проектов и социально ориентированных некоммерческих организаций». В рамках данного исследования сущность центров общественного развития ограничивается не только перечисленными содержательными характеристиками, а еще и включенностью организации в решение проблем территории, формирование территориальной повестки и учет локальной идентичности.

Исходя из этого, в качестве рабочего определения в данном исследовании будет использоваться следующее: «центр общественного развития — это площадка для взаимодействия активных граждан, некоммерческих организаций, органов власти, бизнеса с целью кооперации ресурсов, выработки технологий совместной деятельности для решения значимых задач и формирования приоритетов развития территории». Фактически трансформация ресурсного центра поддержки СО НКО в центр общественного развития начинается тогда, когда проблемы территории и их решение становятся ключевой целью развития и функционирования НКО-сектора.

В качестве центров общественного развития самоидентифицируют себя 70 % ресурсных центров, принявших участие в исследовании. Изучая функции, осуществляемые

на практике ресурсными центрами, было выявлено, что они не ограничиваются работой внутри сектора и функциональными направлениями некоммерческой организации, на базе которой действует центр. Реализация инициатив активных граждан, организация помощи в пандемию, помощь участникам специальной военной операции (СВО) и работа с их семьями — вот те направления, которые практически наравне с основными направлениями деятельности стали ключевыми в работе центров и трансформируют их в центры общественного развития, наращивая опыт работы с бизнесом, органами власти, занимаясь вопросами благоустройства и озеленения, развития общественных пространств в муниципалитетах, объединяя ресурсы различных секторов для развития территории. В таблице 1 представлены результаты экспертного опроса руководителей ресурсных центров поддержки СО НКО относительно направлений функциональной деятельности их организации и проведенной в дальнейшем дифференциации выделенных направлений работы между отраслевой спецификой самой НКО, ее деятельностью как ресурсного центра и направлений работы в качестве центра общественного развития.

Таблица 1

Распределение направлений практической деятельности между ресурсными центрами поддержки СО НКО и центрами общественного развития

РЦ	%	Функциональные направления	%	ЦОР	%
Анализ ситуации в секторе	36,4	Социализация детей и молодежи с ОВЗ	9,1	Создание пространств развития для муниципалитетов	9,1
Оценка общественных проектов и инициатив	18,2	Помощь детям-инвалидам	18,2	Помощь в пандемию	18,2
Реализация программ обучения для НКО, профессионализация сектора	54,5	Работа с пожилыми	9,1	Влияние на развитие муниципалитета	9,1
Разработка и внедрение электронных технологий для сектора НКО	9,1	Добровольческая деятельность	9,1	Адаптация беженцев с Украины	9,1
Организация предоставления социальных услуг	9,1	Сохранение культуры	9,1	Благоустройство и озеленение территории	9,1
Консультирование НКО	36,4	Работа с детьми	9,1	Развитие инициатив активных граждан	45,5
Формирование стратегии развития сектора НКО в регионе	9,1			Помощь бизнесу в развитии корпоративной социальной ответственности	9,1
Популяризация деятельности НКО	9,1			«Рупор» для власти о проблемах людей	9,1
Развитие сектора	9,1			Объединение секторов (НКО, СМИ, бизнес, администрация)	9,1
Мобилизация ресурсов в регионе	9,1			Помощь участникам СВО, их семьям	36,4

Проведенный методологический анализ определил, что трансформацию ресурсных центров в центры общественного развития можно обозначить четырьмя параметрами.

1. Команда ресурсного центра становится субъектом развития территории:
 - представители организации включены в координационные и совещательные органы при муниципальной/региональной власти по отдельным вопросам развития территории (общественная палата, советы, комиссии и др.);
 - реализуемые организацией проекты и мероприятия включены в качестве значимых в стратегии развития территории, муниципальные программы, отчеты по итогам социально-экономического развития, реестры поддержки СО НКО и др.;
 - организация конкурсов инициативных проектов на территории (гранты).
2. Продвижение организации, наращивание опыта и развитие партнерства:
 - развитие добровольческой деятельности;
 - включенность в мероприятия и акции по работе с отдельными категориями граждан;
 - инициирование и поддержка акций и мероприятий, направленных на поддержку участников СВО;
 - партнерство в работе с беженцами, переселенцами с Луганской Народной Республики (ЛНР) и Донецкой Народной Республики (ДНР) на территории;
 - стажировочная площадка для НКО, специалистов учреждений;
 - образовательные проекты, школы для активных граждан;
 - включенность в региональные, межрегиональные, федеральные проекты;
 - достижения и признание организации (премии, награды, участие в форумах, выставках, конференциях, экспертная работа).
3. Привлечение ресурсов на территорию:
 - привлечение грантовых средств Фонда президентских грантов (ФПГ), Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ), фонда главы региона, частных фондов;
 - получение региональной бюджетной субсидии на поддержку и развитие институтов гражданского общества;
 - выделение средств на деятельность НКО в рамках реализации муниципальной программы поддержки сектора.
4. Развитие благотворительной деятельности:
 - организация благотворительных акций, сезона;
 - реализация благотворительной программы.

В ходе экспертного опроса было определено, что ресурсные центры выступают субъектами развития территории, взаимодействуя с органами власти муниципального, регионального и даже федерального уровней (рис. 1). Данное взаимодействие осуществляется путем представительства в региональной общественной палате (23,5 % опрошенных); муниципальной общественной палате (71,4 %); координационных советах при органах государственной власти: Управлении министерства внутренних дел (УМВД), департаменте/управлении по социальным вопросам, по вопросам культуры,

СМИ (53 %); муниципальных советах и комиссиях по вопросам образования, добровольчества, поддержки НКО, распределения бюджетных средств, поддержки малого и среднего бизнеса (82 %), включенности в реестр поддержки СО НКО (41 %).

Рис. 1. Взаимодействие ресурсных центров поддержки СО НКО с органами власти различных уровней

В партнерстве органов власти и некоммерческих организаций часто первые занимают патерналистскую позицию, так как оказывают имущественную, финансовую, информационную поддержку ресурсным центрам, но о развитии двухстороннего партнерства все же свидетельствует включенность организаций в качестве исполнителя государственных/муниципальных программ, а также участие органов власти в мероприятиях, проводимых НКО (рис. 2.)

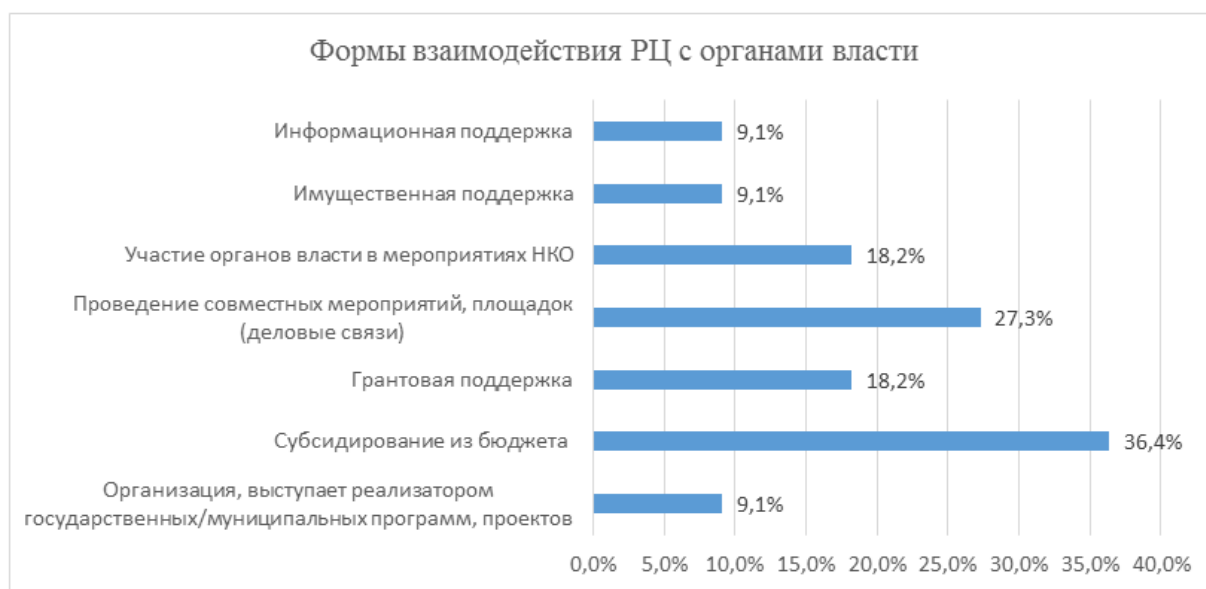

Рис. 2. Формы взаимодействия органов власти и ресурсных центров поддержки СО НКО

Большинство исследуемых организаций наращивают опыт и развивают партнерские отношения на территории и за ее пределами такими способами, как: участие в разработке стратегии развития некоммерческого сектора в регионе (2 из 17 организаций), экспертная работа по оценке проектов в грантодающих фондах (8 организаций), парт-

нерство с бизнес-объединениями (4), организация на базе ресурсного центра стажировочной площадки для НКО из своего и других регионов (8), проведение экскурсий для молодежи и вовлечение ее в проводимые мероприятия (9), работа с семьями мобилизованных, участниками СВО, беженцами (8), проведение форумов и участие в региональных и федеральных форумах (10), проведение премии общественного признания (3), участие в Уральской сети ресурсных центров поддержки СО НКО (17).

Исследование практики привлечения грантовых средств на территорию показывает, что большинство ресурсных центров активно привлекает финансы на развитие гражданского общества, работу с целевыми группами на территории, проведение мероприятий различной направленности, в которую в качестве участников и зрителей вовлечены представители разных территориальных сообществ, укрепление своей организации через развитие материально-технической базы, обучение сотрудников. В 2020–2023 годах большинство организаций (63 %) привлекали средства Фонда президентских грантов, около трети ресурсных центров (27,3 %) привлекали грант на реализацию культурных инициатив. Также в качестве источников финансирования выступают грантовые средства, предоставляющиеся на конкурсной основе фондом Тимченко, фондом Потанина и другими корпоративными и именными фондами (рис. 3). Суммы привлекаемых средств разнятся от нескольких сотен тысяч рублей до десятков миллионов, зависят от масштаба проекта финансирования и территории реализации. Это достаточно значительные ресурсы, особенно для малых территорий.

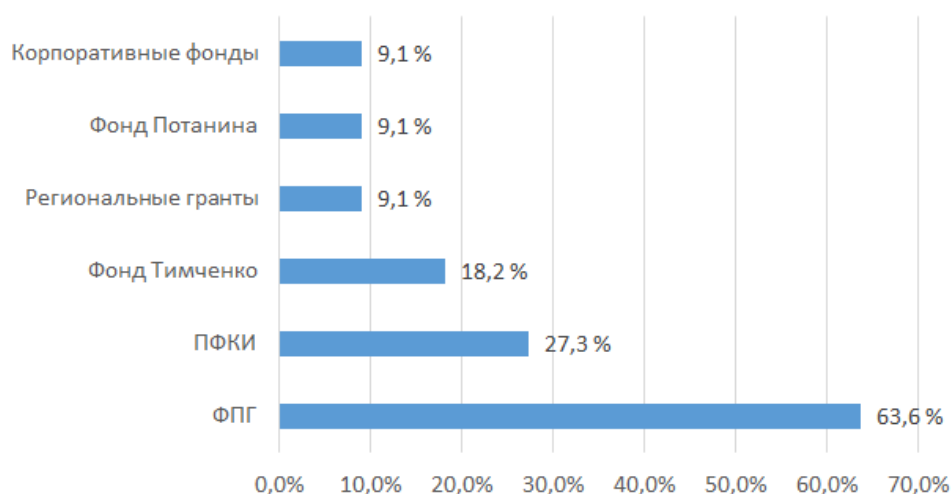

Рис. 3. Привлечение грантовых средств ресурсными центрами поддержки СО НКО на территорию

Проведенное исследование показало, что первые три параметра активно реализуются в деятельности анализируемых центров и свидетельствуют о функциональной трансформации их в центры общественного развития. Отдельным параметром стоит реализация благотворительной деятельности. Экспертное интервью показало, что не все руководители ресурсных центров понимают целесообразность ее развития в своей деятельности. Около четверти опрошенных (3 эксперта) высказались, что не видят

необходимости в развитии благотворительного аспекта. Но при продолжении интервью все-таки признались, что сотрудники центров часто выступают в роли благотворителей, а не только привлекают ресурсы бизнес-структур, так как не могут оставаться безучастными к тем проблемам, которые значимы и требуют безотлагательного решения. Именно личный пример сотрудников некоммерческих организаций мотивирует в дальнейшем активных жителей, малый, средний бизнес и представителей органов власти включаться в проведение благотворительных акций, выступать инициаторами помощи людям, семьям и организациям на территории.

В связи со спецификой исследуемых организаций, направления благотворительной деятельности достаточно разнообразны. Анализ ответов экспертов позволил выделить ключевые: благотворительные акции для пенсионеров и ветеранов, оказание помощи другим некоммерческим организациям, организация помощи в пандемию, помощь пострадавшим от пожаров, деятельность добровольцев и прочее (рис. 4). На самом деле широкий спектр направлений реализации благотворительной деятельности свидетельствует о том, что ресурсный центр выступает не как традиционная благотворительная организация, а создает условия для развития благотворительной культуры в сообществе, способствует готовности реагировать и действовать в случае возникновения проблемы или беды.

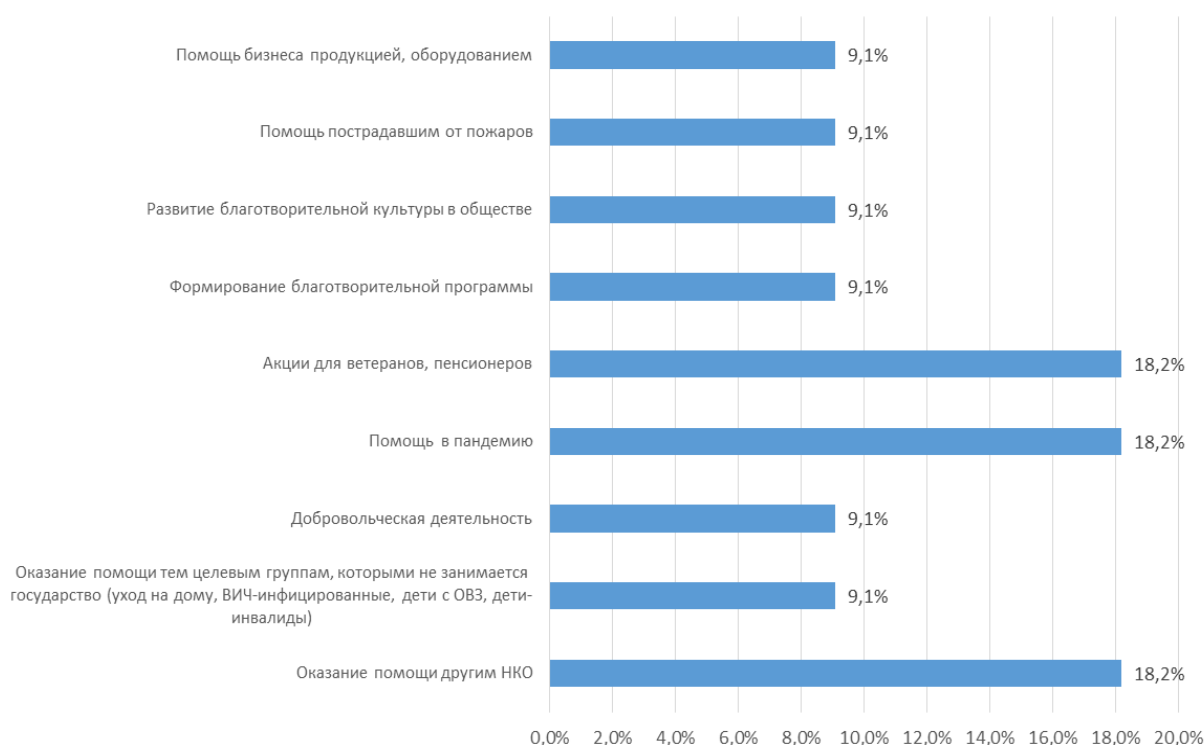

Рис. 4. Направления развития благотворительного аспекта деятельности ресурсных центров поддержки СО НКО

В связи с тем что ресурсные центры, трансформируясь в центры общественного развития, становятся «рупором» сообщества, то систематизация проблем, препятствующих развитию благотворительности на территории, и создание условий их преодо-

ния становятся одним из направлений их деятельности. Эксперты выделили следующие проблемы развития благотворительности на территории:

- ограниченность круга благотворителей, особенно на малой территории;
- недостаток квалифицированных кадров, способных разработать благотворительную программу, реализовывать технологии благотворительной деятельности, финансовое сопровождение;
- недостаточная информированность о направлениях развития благотворительного аспекта в деятельности ресурсных центров;
- спад интереса бизнеса к благотворительной деятельности, в том числе за счет сложности получения льгот;
- вовлеченность бизнеса в проекты власти;
- отсутствие реестра надежных НКО, с которыми можно работать на доверии;
- слабый интерес власти к развитию благоприятного благотворительного климата;
- низкая освещенность благотворительного аспекта деятельности НКО в СМИ, недостаток ресурсов для собственного продвижения и информационной открытости;
- расширение количества целевых групп, нуждающихся в помощи и изменение их потребностей;
- низкая мотивация людей к участию в благотворительной деятельности.

Приведенные проблемы свидетельствуют о том, что на центры общественного развития ложится задача по формированию комплексного подхода к организации благотворительной деятельности и формированию межсекторального диалога с целью развития благотворительной культуры как ресурса консолидации местного сообщества. Результаты экспертного опроса показали, что реализация данного подхода возможна при соблюдении следующих условий:

- формирование системы поддержки власти, ориентированной на информационное продвижение НКО (осведомленность о деятельности НКО, возможность принять участие и поддержать какую-либо акцию, отчетность за предоставляемые ресурсы);
- максимальная открытость, честность, прозрачность деятельности НКО;
- формирование понимания у жителей и бизнеса, что благотворительность — это не только деньги, но и помощь (рабочие руки) волонтеров, помощь продукцией;
- разработка благотворительной программы с учетом специфики территории;
- активное участие в федеральных и региональных коалиционных благотворительных акциях;
- включенность бизнес-партнеров в отбор проектов для финансирования с целью повышения прозрачности и актуальности решаемых проблем;
- обмен практиками различных НКО по реализации благотворительной деятельности.

Таким образом, благотворительный аспект в процессе трансформации ресурсных центров в центры общественного развития представлен ситуационно, в зависимости от остроты проблем и выстраивания коммуникативных связей как внутри сектора в частности, так и местного сообщества в целом. Следовательно, данной функции цен-

тров общественного развития должно быть уделено особое внимание, так как развитие благотворительного аспекта — это еще и значимый элемент конструктивного диалога между властью, бизнесом и населением по решению проблем территории.

Выводы

В результате проведенного исследования можно выделить следующие характеристики процесса трансформации организаций в статус центров общественного развития.

Все участвующие в исследовании организации являются активными субъектами развития территории, принимают участие в коллегиальных органах управления территориями. Практически все организации выступают полноправными партнерами местных и региональных органов власти. Более того, органы местного самоуправления распределяют ответственность за развитие некоммерческого сектора и гражданских инициатив с ресурсными центрами, признают их значимость, включают их в качестве субъекта в реализацию муниципальных программ. Также именно исследуемые организации чаще всего воспринимаются в качестве первичного канала для решения возникающих проблем, работы с целевой аудиторией. Поэтому данный аспект их деятельности однозначно определяет их в качестве организаций, работающих как центры общественного развития.

Несмотря на большой опыт многих организаций, они продолжают активную работу по своему продвижению, привлечению добровольцев, новых целевых аудиторий, бизнес-партнеров. Это оказывается возможным в результате высокой степени общественного доверия к данным организациям, что также свидетельствует о том, что они активно работают уже как центры общественного развития.

Была выделена одна из характеристик трансформации ресурсных центров в центры общественного развития — способность привлекать дополнительные ресурсы на развитие территории. Как показывает данная работа, все исследуемые ресурсные центры активно участвуют в грантовых конкурсах и привлекают ресурсы федеральных, именных и региональных фондов. Данные ресурсы имеют существенное значение для отдельных целевых групп на территории и направлены на решение злободневных/системных проблем.

Благотворительный аспект в деятельности ресурсных центров поддержки СО НКО присутствует, но работа носит бессистемный характер, что требует повышенного внимания к этому аспекту деятельности, выработки стратегии его развития, которая может быть реализована в формате благотворительной программы организаций.

В целом в нынешних условиях большинство ресурсных центров поддержки СО НКО за счет высокой степени своего вовлечения в процессы развития территории уже не могут функционировать только в данном качестве, трансформируясь в центры общественного развития, ключевой задачей которых является не столько оперативное реагирование на изменения на территории, сколько консолидация усилий граждан, бизнеса, власти и НКО для совместного решения проблем территории, ее развития и продвижения.

Список источников

1. Обзорный дашборд отрасли НКО. – Текст : электронный // Атлас НКО : сайт. – URL: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=ln8fx2bdo515161585> (дата обращения: 18.08.2023).
2. Постановление Правительства РФ от 30.07.2021 № 1290 (ред. от 30.11.2022) «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций» (вместе с «Положением о порядке ведения реестра социально ориентированных некоммерческих организаций»). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392038/ (дата обращения: 25.08.2023). – Текст : электронный.
3. Письмо Минэкономразвития России от 30.09.2016 № 29850-ОФ/Д01и «Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214433/ (дата обращения: 25.08.2023). – Текст : электронный.
4. Мироненко, Н. В. Институциональные изменения межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций / Н. В. Мироненко, А. А. Гашин. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2 (32). – С. 232–236.
5. Трескин, П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии / П. А. Трескин. – Текст : непосредственный // В поисках социальной истины : Материалы I Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2019. – С. 115–122.
6. Зайцева, И. А. Роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики (на примере социально ориентированных некоммерческих организаций) / И. А. Зайцева, Д. С. Зайцев. – DOI 10.34670/AR.2022.15.34.010. – Текст : непосредственный // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11, № 4–1. – С. 77–84.
7. Халын, В. Г. Социально ориентированные некоммерческие организации : опыт развития и перспективы / В. Г. Халын. – Текст : непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2013. – № 2. – С. 35–41.
8. Маяцкая, И. Н. Некоммерческий сектор социального обслуживания как ресурс развития человеческого капитала / И. Н. Маяцкая, О. В. Никонова. – Текст : непосредственный // Отечественный журнал социальной работы. – 2018. – № 3 (74). – С. 114–119.
9. Волкова, О. А. Некоммерческие организации как ресурс развития социальной сферы региона / О. А. Волкова, Ю. А. Гребеникова. – Текст : непосредственный // Управление городом : теория и практика. – 2017. – № 2 (25). – С. 52–55.
10. Мерсиянова, И. В. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг : апробация в российских условиях / И. В. Мерсиянова, В. Б. Беневоленский. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С. 7–26.
11. Старшинова, А. В. Деятельность НКО в сфере социальных услуг : общественные ожидания и региональные практики / А. В. Старшинова, О. И. Бородкина. – DOI 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 411–428.

12. Гранцева, Т. Г. Социальный опыт НКО как ресурс устойчивого развития территорий / Т. Г. Гранцева. – Текст : непосредственный // Эффективное управление как фактор устойчивого развития территории : Материалы межрегионального межвузовского круглого стола, Москва, 29 ноября 2017 года / Под научной редакцией А. Т. Алиева. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. – С. 115–119.
13. Мухин, М. А. Теоретические аспекты развития практики управления некоммерческими организациями в системе муниципального менеджмента / М. А. Мухин, А. А. Урасова. – DOI 10.32324/2412-8945-2023-2-34-40. – Текст : непосредственный // Развитие территорий. – 2023. – № 2 (32). – С. 34–40.
14. Кайбичева, Е. И. Ресурсные центры для некоммерческих организаций как драйвер развития некоммерческого сектора региона / Е. И. Кайбичева. – Текст : непосредственный // Цивилизационный потенциал Российского региона : проблемы измерения, интерпретации и оценки : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 01 декабря 2022 года. – Калининград : РА «Полиграфычъ», 2022. – С. 125–128.
15. Тюхов, Д. С. Инфраструктурная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в России / Д. С. Тюхов. – Текст : непосредственный // Актуальные аспекты модернизации российской экономики : Материалы IX Всероссийской заочной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 22 декабря 2022 года / Под общей редакцией О. А. Скрынской. Том 1. – Санкт-Петербург : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. – С. 441–449.
16. Мутаев, У. К. Отношение общества к благотворительной и волонтерской деятельности, как ресурс развития региональных социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере города Иванова) / У. К. Мутаев, К. Б. Калмыков. – DOI 10.25806/uu6-32022575-583. – Текст : непосредственный // Управленческий учет. – 2022. – № 6–3. – С. 575–583.
17. Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО» (2022 г.). – Текст : электронный // RAEX Rating Review : официальный сайт. – URL: <https://raex-rf.com/NKO/Region-nko/Region-nko/2022> (дата обращения: 18.08.2023).
18. Путин поручил создать центры общественного развития «Добро.Центр». – Текст : электронный // РИА Новости : сайт. – 2023. – 31 янв. – URL: <https://ria.ru/20230131/volonterstvo-1848748541.html?ysclid=ln7munpcvr240614229> (дата обращения: 20.08.2023).

References

1. Obzornyy dashbord otrasli NKO. (In Russian). Available at: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=ln8fx2bdo515161585>
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2021 N 1290 (red. ot 30.11.2022) "O reestre sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy" (vmeste s "Polozheniem o poryadke vedeniya reestra sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy"). (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392038/

3. Pis'mo Minekonomrazvitiya Rossii ot 30.09.2016 N 29850-OF/D01i "Metodicheskie materialy po formirovaniyu i podderzhke v sub"ektivakh Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniyakh resursnykh tsentrov podderzhki sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy". (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214433/
4. Mironenko, N. V., & Gashin, A. A. (2014). Institutional changes of intersectoral interaction of non-profit organizations. *The Herald of Middle Russia, s Social Sciences*, (2(32)), pp. 232-236. (In Russian).
5. Treskin, P. A. (2019). Nekommercheskie organizatsii v setevom vzaimodeystvii. V poiskakh sotsial'noy istiny: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet Publ., pp. 115-122. (In Russian).
6. Zaitseva, I. A., & Zaitsev, D. S. (2022). The role of civil society institutions in the implementation of social policy (using the example of socially oriented non-profit organizations). *Theories and Problems of Political Studies*, 11(4-1), pp. 77-84. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2022.15.34.010
7. Khalyn, V. G. (2013). Socially orientated non-commercial organizations: experience of development and prospects. *State and municipal administration scientific notes*, (2), pp. 35-41. (In Russian).
8. Mayatskaya, I. N., & Nikonova, O. V. (2018). Non-commercial social service sector as a resource of the development of human capital. *Domestic Journal of Social Work*, (3(74)), pp. 114-119. (In Russian).
9. Volkova, O. A., & Grebenikova, Yu. A. (2017). Non-profit organizations as a resource for development of the social sphere of the region. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, (2(25)), pp. 52-55. (In Russian).
10. Mersiyanova, I. V., & Benevolenski, V. B. (2016). The comparative advantages of npos as social welfare services providers: an examination in the Russian context. *Public administration issues*, (4), pp. 7-26. (In Russian).
11. Starshinova, A. V., & Borodkina, O. I. (2020). Ngos' activities in social services: public expectations and regional practices. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(3), pp. 411-428. (In Russian).
12. Grantseva, T. G. (2018). Sotsial'nyy opyt NKO kak resurs ustoychivogo razvitiya territoriy. *Effektivnoe upravlenie kak faktor ustoychivogo razvitiya territorii: Materialy mezhhregional'nogo mezhvuzovskogo kruglogo stola*. Moscow, "Dashkov and K" Publ., pp. 115-119. (In Russian).
13. Mukhin, M. A., & Urasova, A. A. (2023). Theoretical aspects of the development of the practice of non-profit organizations in the system of municipal management. *Development of territories*, (2(32)), pp. 34-40. (In Russian). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-2-34-40
14. Kaibicheva, E. I. (2022). Resursnye tsentry dlya nekommercheskikh organizatsiy kak drayver razvitiya nekommercheskogo sektora regiona. *Tsivilizatsionnyy potentsial Rossiyskogo regiona: problemy izmereniya, interpretatsii i otsenki: Materialy II Vse-rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kaliningrad, RA "Polygraphych" Publ., pp. 125-128. (In Russian).

15. Tyukhov, D. S. (2022). Infrastrukturnaya podderzhka sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v Rossii. Aktual'nye aspekty modernizatsii rossiyskoy ekonomiki: Materialy IX Vserossiyskoy zaочноy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Saint Petersburg, Sankt-Petersburgskiy gosudarstvennyy elektrotekhnicheskiiy universitet "LETI" im. V. I. Ul'yanova (Lenina), pp. 441-449. (In Russian).
16. Mutaev, U. K., & Kalmykov, K. B. (2022). Company's attitude to charity and volunteer activities as a resource for the development of regional socio-oriented non-profit organizations (by the example of the city of Ivanovo). Management Accounting, (6(3)), pp. 575-583. (In Russian). DOI: 10.25806/uu6-32022575-583
17. Regional'nyy reyting tret'ego sektora "Region-NKO". (2022). (In Russian). Available at: <https://raex-rr.com/NKO/Region-nko/Region-nko/2022>
18. Putin poruchil sozdat' tsentry obshchestvennogo razvitiya "Dobro. Tsentr" (2023). (In Russian). Available at: <https://ria.ru/20230131/volonterstvo-1848748541.html?ysclid=ln7munpcvr240614229>

Информация об авторах / Information about the authors

Попкова Алена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3331-165X>

Колтунов Анатолий Львович, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1600-2493>

Alena A. Popkova, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Anatoly N. Silin, Doctor of Sociology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3331-165X>

Anatoly L. Koltunov, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1600-2493>

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 08.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 08.11.2023.

УДК 316.3

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-108-126

Исследование интернет-зависимости молодежи

Л. В. Ребышева*, С. В. Толмачева, Л. Н. Белоножко

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*rebisheva_lida@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования состоит в том, что Интернет для современного человека становится неотъемлемой частью жизни, расширяет все дальше свои возможности, проникая во все сферы. Особенно растет число пользователей Всемирной паутины среди молодежи, у которой со временем начинает возникать снижение волевого контроля над Интернетом и которая просто не справляется с этой проблемой. Вовлечение молодых людей в виртуальную реальность приводит к нарушению психики, сказывается на социальных характеристиках личности. Авторы исследуют возникающие причины развития интернет-зависимости среди молодежи, освещая не только плюсы Интернета, но и его негативное влияние на жизнь человека. Ворвавшись в жизнь человечества, Всемирная паутина создает за счет новых информационных технологий множество соблазнов, вовлекает в свои сети все большее число «жертв», возраст которых, как показывают исследования, сегодня молодеет. Для того чтобы интернет-технологии работали на благо человечества, прежде всего необходимо разработать рекомендации, направленные на воспитание компьютерной культуры и социальную поддержку пользователей. Поэтому изучение проблемы интернет-зависимости должно решаться прежде всего в правовом поле и на государственном уровне.

Ключевые слова: молодежь, Интернет, зависимость, информационное пространство, социальные группы

Для цитирования: Ребышева, Л. В. Исследование интернет-зависимости молодежи / Л. В. Ребышева, С. В. Толмачева, Л. Н. Белоножко. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-108-126 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 108–126.

A research on Internet addiction among young people

Lidia V. Rebysheva*, Svetlana V. Tolmacheva, Lidia N. Belonozhko

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*rebisheva_lida@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issue of Internet addiction, because the Internet is increasingly becoming an inseparable aspect of modern life, expanding its reach into all spheres and enhancing its capabilities. The usage of the World Wide Web is rising among young people, with a noticeable decline in volitional control over the Internet over time. Therefore, young people are unable to deal with Internet addiction. Engaging with virtual reality causes mental disorders and affects the personality's social traits. The authors of the article, formulating the main goal of studying the problem, continued to further investigate the emerging causes of the development of Internet addiction among young people, highlighting not only the advantages that the Internet presents, but also its negative impact on human life. The World Wide Web has introduced many temptations with new information technologies, leading to an increasing number of "victims" on its networks, who, according to studies, are increasingly younger. To ensure that Internet technologies serve the good of mankind, it is essential to create guidelines to promote computer literacy and offer social support for users. Therefore, the issue of Internet addiction must be addressed primarily through legal means and at the state level.

Keywords: youth, the Internet, addiction, information space, social groups

For citation: Rebysheva, L. V., Tolmacheva, S. V., & Belonozhko, L. N. (2023). A research on Internet addiction among young people. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 108-126. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-108-126

Введение

В конце XX века новая система массовой коммуникации глобальная сеть Интернет просто ворвалась в жизнь человека и полностью ее изменила. Если раньше это был источник информации для узкоспециализированных специалистов — первых пользователей Всемирной паутины, то сегодня Интернет играет важную роль в современной жизни любого индивида в любой точке мира. Как отмечает М. В. Булгакова, «большой объем информации, быстродействующие жизненные процессы и растущий спрос на общие знания заставляют людей постоянно искать надежные и исчерпывающие источники информации, которые Интернет может предоставить» [1]. Поэтому можно сказать, что Интернет предоставил нам идеальный источник информации и отличный инструмент для общения.

Как отмечает В. Л. Силаева, «...современное общество характеризуется бурным развитием компьютерных коммуникативных технологий и Интернета» [2]. Таким образом, Всемирная паутина, стирая все границы, становится новым и самым доступным видом средств массовой информации (СМИ), площадкой экономических и политических мероприятий, местом досуга и общения.

Интернет делает единым всемирное пространство, стирая границы между странами. Так, П. С. Серенков отмечает, что «...благодаря Интернету человечество становится действительно единым, а появление электронных денег и электронных же способов их заработка и траты вообще задает много вопросов о грядущем мироустройстве» [3]. Современный бизнес сегодня благодаря пандемии все больше перемещается в виртуальное пространство, начиная от рекламы, разновидность которой очень быстро меняются в зависимости от информационных технологий, и заканчивая тем, что любое уважающее себя предприятие или самая крупная корпорация представлены прежде всего интернет-сайтом, на котором можно найти всю информацию о хозяйствующем субъекте.

В последнее десятилетие наблюдается активное распространение Интернета не только в профессиональной сфере, но и в обыденной жизни, что связано с использованием различных мобильных устройств. Интернет становится главным источником информации, которая необходима не только для профессиональной, учебной деятельности, но и просто для человеческого общения через социальные сети. Пользователи соцсетей, делясь различной информацией в Интернете, объединяются во всевозможные группы и сообщества по интересам, тем самым находят себе единомышленников и друзей, что создает необходимость постоянно возвращаться в виртуальное пространство для общения. Сегодня с помощью Интернета мы совершаем «шопинг», не выходя из дома, записываемся к врачу и можем получить различные консультации через Портал государственных услуг, то есть регулярное обращение к информации в Сети превращается просто в базовую потребность человека.

Таким образом, можно сказать, что возможности Интернета в современной жизни просто нереальные — это общение, обучение, работа и многое другое, без чего человек не может сегодня жить. Однако, есть и обратная сторона этого явления, которая сегодня называется интернет-аддикцией (или зависимостью) и считается болезнью, которая прежде всего характерна для молодежной среды.

Материалы и методы

Являясь самым мощным источником информации в истории человечества, современная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет все больше вторгается во все сферы жизни человека.

Так, по статистике Digital 2023 на начало 2023 года в России общая численность населения составила 144,7 млн человек. Из них интернет-пользователей на начало 2023 года в России насчитывалось 127 млн человек, проникновение Интернета составило 88,2 % [4]. В опубликованном отчете по статистике Digital 2023 были собраны все последние данные по аудитории Интернета и социальных сетей в России на начало 2023 года.

- «В январе 2023 года в России было 106,0 млн пользователей социальных сетей, что составляет 73,3 % от общей численности населения.
- Всего на начало 2023 года в России было активно 227,0 млн сотовых мобильных подключений, что соответствует 156,9 % всего населения.
- Наиболее часто используемые соцсети в России (% от общего числа пользователей социальных сетей): VK 75,3 %, WhatsApp 71,5 %, Telegram 64,4 %, Одноклассники 43,5 %, TikTok 42,6 %.
- Главный критерий выбора площадки для онлайн-покупок — бесплатная доставка (для 63 % россиян). На втором месте отзывы покупателей (47,2 %), на третьем — скидки/купоны (42,3 %).
- Топ-5 источников информации о новых брендах/продуктах: тв-реклама, поисковые запросы, сарафанное радио, реклама в соцсетях, отзывы [4].

Сегодня среднестатистический пользователь России проводит в Интернете «до 8 часов ежедневно, что почти на час больше среднемирового значения — 6,54 часа». Поэтому одним из важнейших новшеств, которые принес Интернет, можно назвать «молниеносный» обмен информацией, который позволяет самым быстрым образом найти ответ на любой вопрос [5]. Как отмечает П. Мунтян, «многие информационные данные доступны лишь в электронном виде, а их бумажные источники истлели и пушены в макулатуру... Неумение работать с компьютером в современном мире может быть приравнено неумению читать и писать» [6]. Бумажные носители во многих случаях потеряли свою актуальность при отправлении через почту или почтовые ящики.

Для современного общества Интернет становится не только носителем информации, но и способствует развитию нового миропонимания, так как проникает во все сферы жизнедеятельности современного человека, что подтверждается мнением М. Маклюэна, который отмечает, что «...в коммуникационный процесс включается экономика, политика, культура, социальная жизнь общества» [7]. Множество суще-

ствующих веб-сайтов предлагают получить различную информацию любого направления, причем совершенно бесплатно.

Так, с помощью Всемирной паутины процесс обучения стал доступным в любой точке мира и в любой сфере. Главным преимуществом такого образования является то, что любой человек любой национальности, даже с ограниченными возможностями здоровья, может получать образование на любом иностранном языке, менять профессию (получать дополнительное образование), повышать свою квалификацию, то есть этот процесс благодаря Интернету становится непрерывным.

Современная молодежь как самый продвинутый представитель Интернета именно там ищет сегодня работу и имеет возможность предлагать себя на мировом рынке труда, так как появляется большое количество новых профессий, где можно работать удаленно, используя новейшие технологии во многих сферах жизни.

Главным достижением Интернета является возможность всемирного общения, для чего сегодня используют не только электронную почту, но и различные форумы, сайты, особенно выделяют социальные сети. С помощью Интернета пользователи находят друзей, а кто-то и родственников по всему миру, демонстрируют свои достижения, выставляют фото и видео с отдыха, о своей жизни, что способствует познанию и пониманию культуры различных стран, то есть каждый может найти что-то для себя интересное, возможно это будут ответы на вопросы или решение проблем. На фоне социальной изоляции Интернет может стать единственным способом для общения, что способствует активному использованию социальных сетей.

Таким образом, А. В. Вараксин подтверждает, что «...использование возможностей Интернета для достижения самых различных целей имеет свои особенности: во-первых, используя Интернет как средство коммуникации, пользователи создают “виртуальные сообщества” по интересам; во-вторых, совершенствование компьютерных технологий и телекоммуникации как эффективного способа передачи информации электронными средствами способствует развитию проектной деятельности в интернет-среде. Она сегодня активно осваивается как пространство для реализации самых различных телекоммуникационных проектов: образовательных, политических, предпринимательских, социальных и т. д.» [8].

Современное поколение молодых россиян стало первым поколением, вся жизнь которого началась с проникновения Интернета во все общественные процессы. Опыт использования Интернета начинается со школьного возраста, а молодежь становится уже активным его пользователем. С точки зрения Н. Ф. Головатого, «...молодежь — это значительная социально-демографическая группа, которая выделяется на основе комплекса возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологических качеств, определяемых общественным строем, культурой, закономерностями социализации и воспитания в данном социуме» [9].

Подтверждая основу жизненной концепции, Е. П. Белинская отмечает, что «...от того, какой ценностный фундамент будет сформирован у молодого поколения, во многом зависит состояние общества» [10]. Практика показывает, что молодежь быстрее всех осваивает возможности Интернета, который становится для нее социальной нормой, неотъемлемой частью жизни, процесс социализации происходит под воздействием

высоких технологий. Поэтому трудно не согласиться с Н. Л. Худяковой, которая констатирует, что выделение молодежи в отдельную группу связано, с одной стороны, с ее социальной незрелостью, с ее несформированными оценочными критериями, а с другой стороны, с ее творческой активностью и силой. В связи с этим приобретают большое значение исследования влияния факторов воздействия на ценностные ориентации молодежи, в том числе интернет-коммуникации [11]. Сегодня молодые люди не могут представить свою жизнь без Интернета, благодаря которому появилась другая, виртуальная жизнь, отказаться от которой и прожить без которой сегодня невозможно.

Жизнь человечества с приходом новых информационных технологий во все сферы меняется кардинально. Но, как и любой из видов активности, постоянная работа в сети Интернет за компьютером оказывает не только положительное, но и отрицательное влияние на человека. Интернет считается главным информационным каналом, влияющим на молодежь, где достоверность огромного количества информации весьма сомнительна. Огромный массив информационного мусора сегодня не соответствует действительности в связи с отсутствием проверенных источников информации. Провайдеры многих сайтов не несут сегодня никакой ответственности за предоставленную информацию и не отслеживают ее на интернет-контентах. Молодое поколение россиян практически не защищено от негативного влияния Интернета.

Таким образом, Всемирная паутина становится мощным инструментом влияния на молодое поколение. Погружаясь в сеть, молодежь даже не задумывается о том, что у них может сформироваться зависимость от виртуальности.

Проблемы, связанные с интернет-зависимостью молодежи, появились не так давно. Как отмечает В. Л. Гребенщикова, «...термин “интернет-зависимость” предложил в конце 90-х годов доктор А. Голдберг для описания патологической, непреодолимой тяги к использованию Интернета» [12]. Подтверждая в дальнейшем свои исследования, А. Голдберг рассматривает интернет-зависимость как поведение с низким уровнем самоконтроля, которое грозит вытеснением нормальной жизни. Изначально это был шуточный термин, однако позднее его начали активно использовать другие исследователи в своей научной деятельности [13].

Феномен интернет-зависимости А. В. Березкиным был представлен в социологическом контексте «...как статистическая череда случаев проявления девиантного поведения в системе взаимодействия общественных и культурных факторов» [14], способствующих самореализации и развитию личности, но при этом может случиться обратный эффект, который может привести к внутреннему конфликту человека, «структурному дефициту в развитии личности, определенных семейных и культурных условий» [15].

Однако по-настоящему углубленные исследования интернет-зависимости начала проводить американский психиатр К. Янг, которая полагала, что «интернет-зависимость — это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями». Она разработала и опубликовала на своем сайте опросник, выявляющий наличие данной зависимости [16]. Таким образом, согласно проведенным исследованиям К. Янг, были определены основные симптомы, которые констатировали наличие интернет-зависимости у человека.

Серьезный вклад в исследование интернет-зависимости внес М. Гриффитс, который разделил зависимых от Интернета на две группы: «К первой относятся “аддикты (зависимые) первого порядка”, они чувствуют себя в приподнятом настроении во время игры или пребывания в чате. Компьютер для них — средство получить социальное вознаграждение. Во вторую группу входят “аддикты второго порядка”, которые используют компьютер для бегства от серьезных проблем к своей “виртуальной” жизни. Однако это деление весьма условно» [17].

Современные исследования с учетом полученных результатов позволили выделить пять основных типов компьютерной зависимости:

- «навязчивый серфинг (путешествие в Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам);
- пристрастие к онлайн-биржевым торгам и азартным играм;
- виртуальные знакомства;
- киберсекс (увлечение порносайтами);
- компьютерные игры» [18].

В России данной проблемой начали заниматься с начала 2000 года, когда компьютеризация общества повлекла аномальные проблемы, вызванные повальным использованием Интернета, а интернет-зависимость стали рассматривать, по мнению А. Е. Войскуновского, «...как навязчивое желание подключиться к Сети и неспособность вовремя завершить сеанс» [19].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой зависимость определяется как «подчиненность другим (другому) при отсутствии самостоятельности, свободы» [20]. Таким образом, интернет-зависимость возникает скорее всего тогда, когда пользователь, уходя через границу виртуального мира, перестает воспринимать реальные вещи, окружающие его.

Интересным является мнение Т. С. Спиркиной, которая заявляет о том, что «...часто Интернет привлекает людей, не удовлетворенных собой, с заниженной самооценкой, неспособных в реальной жизни строить или поддерживать гармоничные отношения с другими. Данные проявления можно считать предикторами возникновения интернет-зависимости. Такие люди обращаются к Интернету в поисках недостающего им уважения, любви и ощущения собственной значимости. В сетевом общении они находят некую отдушину и быстро попадают в зависимость от него» [21]. В этом случае пользователи, которые используют Всемирную паутину постоянно, можно сказать, страдают пусть сначала небольшими, но психологическими проявлениями интернет-зависимости, которая негативно отражается на развитии молодого человека, его социализации и трансформации личности.

Таким образом, одним из опасных факторов интернет-зависимости становится ограниченность в реальном общении между людьми, в том числе и с близкими в рамках семьи, друзьями, что может привести к психологическим проблемам. В этом случае трудно не согласиться с мнением Н. М. Манухиной, которая отмечает, что «...специфика семейной ситуации аддикта характеризуется феноменом созависимости, составляющими которого являются низкая личностная дифференцированность членов семьи, нарушение (размытие, непроницаемость) внешних и внутренних семейных гра-

ниц, путаница в вопросах ответственности» [22]. Поэтому любые межличностные и семейные отношения, в которых прослеживается непонимание между ближайшим окружением, можно назвать нестабильными в плане эмоционального контакта, что и приводит к необходимости искать такое понимание в Интернете.

Необходимо отметить и пагубное воздействие интернет-зависимости на здоровье, то есть на общее физическое состояние молодых людей и на их еще развивающийся организм. Могут возникать патологии опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой и нервной систем, органов зрения. Более того, сидячий образ жизни может стать причиной такого заболевания, как геморрой, а также болезней, связанных с избыточным весом.

Кроме того, многие молодые люди, засиживаясь дома в глобальной сети, начинают заменять свободное время для отдыха посещением различных сайтов без какой-либо пользы для себя. Надо учитывать результаты различных исследований, которые однозначно констатируют тот факт, что компьютерная зависимость формируется гораздо быстрее, чем другие аддиктивные расстройства: «около 25 % больных получили зависимость в течение 6 месяцев после начала работы с компьютером, 58 % — в течение второго полугодия, 17 % — через 1 год» [18].

Таким образом, сегодня эта проблема не просто очевидна, результаты исследований показывают, что она усугубляется и продолжает проникать в сознание молодых людей. Поэтому разработка различных профилактических мероприятий, которые позволят предупредить, замедлить рост последствий, вызванных интернет-зависимостью, должны прежде всего поддерживаться государством.

В настоящее время в Российской Федерации на государственном уровне реализуются комплексные национальные концепции решения проблемы информационной безопасности, которые «... учитывают современные тенденции увеличивающейся цифровой зависимости и необходимости выявления наиболее уязвимых мест общенациональных виртуальных сетей, инфраструктур и сервисов. Однако в отношении молодых пользователей данный вопрос по-прежнему остается актуальным и приобретает особую значимость» [23].

Результаты и обсуждение

В настоящее время Глобальная сеть стала мощным инструментом влияния на молодое поколение. Иллюзорный мир становится все более притягательным для них. Погружаясь в него, молодежь даже не задумывается о том, что у них может сформироваться зависимость от виртуальности. Убегая от реальных проблем в фантастический мир, они неосознанно начинают воспринимать его как часть реального.

Основная цель исследования — дальнейшее изучение развития интернет-зависимости молодежи, поэтому задача исследователями была сформулирована как определение роли и места Интернета в жизни молодежи и оценка деструктивного влияния Интернета на молодежь.

Всего было опрошено 146 человек, которые представили первый срез мнений. По роду занятий — это обучающиеся с первого по пятый курс Тюменского промышленного университета очной и заочной форм обучения.

Анализ полученных результатов опроса необходимо начать с краткого рассмотрения основных социально-демографических характеристик респондентов. Так, количество исследуемых респондентов составило 146 человек (100 %), в гендерном соотношении — 87 женщин (60 %) и 59 мужчин (40 %).

Распределение по возрастной категории показало, что в опросе приняли участие молодые люди от 18 до 30 лет, где более половины опрошенных (71 %) — респонденты в возрасте 18–25 лет, остальные 29 % — это респонденты в возрасте 25–30 лет.

Далее респонденты разделились на только обучающихся (23 %), работающих и совмещающих учебу с работой (77 %). Опрос проводился анонимно. Анкета состояла из двух блоков в виде индикаторов и показателей, которые раскрывали цель и задачи исследования, связанного с интернет-зависимостью среди молодежи. Это представлено в таблице 1.

Таблица 1

Индикаторы и показатели

Задача	Индикатор	Показатель	Вопрос
Определить место и роль Интернета в жизни молодежи	Значимость Интернета для молодых людей	Количество времени использования Интернета	3
		Оценка приоритета, целей в Интернете	4, 5
Изучить основные цели использования Интернета молодежью	Интересы молодых людей в Сети	Причины пребывания молодежи в Интернете и социальных сетях	6, 7, 8, 9
		Способы выхода в Интернет	10
Изучить основные характеристики респондентов, пользующихся и не пользующихся Интернетом	Характеристики респондентов, пользующихся и не пользующихся Интернетом	Личные характеристики респондентов, пользующихся Интернетом	11
		Личные характеристики респондентов, не пользующихся Интернетом	12

Далее респондентам было предложено пояснить свое отношение к Интернету, используя несколько вариантов ответов.

- «Интернет для меня это моя жизнь, я не могу без него обойтись» выбрали 67 % опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет. Это самый молодой состав исследуемых, которые гаджеты держат в руках уже с детства и фактически не представляют свою жизнь без Паутины. Респонденты, объясняя это, поставили акцент на образовании и работе, а также указали такие причины, как возможность общения и расширения круга друзей по интересам, посещение социальных сетей, так как это самый быстрый способ найти нужно-

го человека для обмена информацией и даже делового партнера, наконец, это определенная возможность построить свою карьеру и конечно решить бытовые проблемы (просто заказать еду, лекарства, записаться на прием к врачу, различные услуги и т. д.).

- «Интернет для меня имеет большое значение, но я могу обойтись без него» выбрали 28 % опрошенных, в возрасте от 25 до 30 лет. Причинами выбора данного высказывания они назвали возможность получать информацию во всех сферах жизнедеятельности, Интернет необходим им для образования и работы, то есть для них — это больше необходимость, чем времяпрепровождение. При этом они пользуются социальными сетями, слушают музыку, просматривают фильмы и занимаются интернет-шопингом.

- «Интернет мне необходим минимально, почти мне не нужен» отметили 5 % опрошенных в возрасте от 25 до 30 лет. Респонденты этой категории используют Интернет относительно не много в своей жизни, но обойтись без него не могут. Как они отмечают, Интернет им нужен, чтобы получать различные виды услуг, делать оплаты и узнавать новости. Они практически не выходят в социальные сети, не слушают музыку, но могут получать информацию, связанную с обучением, и совершать онлайн-покупки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что 95 % опрошенных являются активными пользователями Интернета, независимо от представленных возрастных групп, подтверждая высокую интенсивность и разностороннее его использование, которое выражается не только в получении информации и проведении досуга. Современные интернет-технологии создают все условия для включения молодежи в социальную деятельность, так как, владея ими, молодые люди могут участвовать в политической, экономической, научной, культурной жизни современного общества.

Далее респондентам было предложено ответить вопрос «Сколько времени в течение дня Вы проводите в Интернете?». Ответы представлены на рисунке 1.

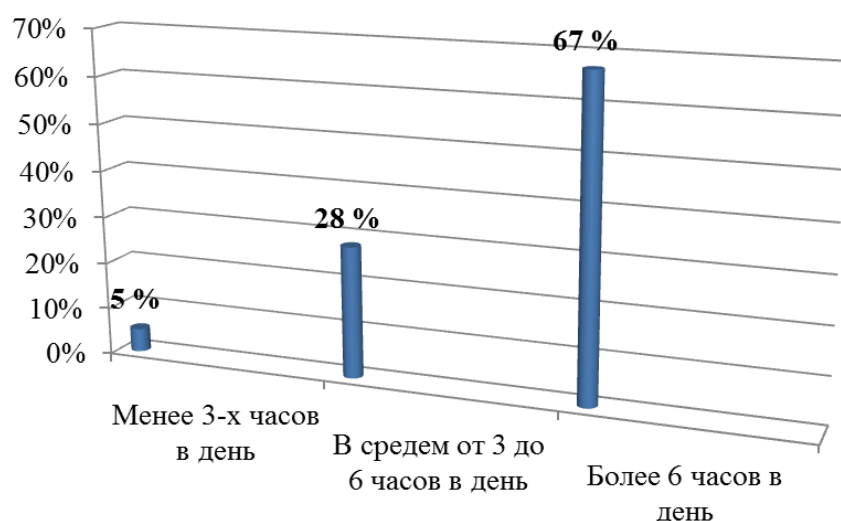

Рис. 1. Ранжирование времени использования Интернета

Полученные ответы респондентов позволили сделать вывод о том, что в своем большинстве они совпадают с предыдущими. Большинство респондентов (67 %) вовлече-

ны во Всемирную паутину более 6-ти часов в день и проводят в Интернете одинаковое количество времени в будни и в выходные дни. Их посещение Сети начинается утром, сразу после пробуждения с поиска нужной информации и новостей. Длительное использование Интернета в будни они объясняют, прежде всего, профессиональной деятельностью, которая сегодня строится на онлайн-технологиях. Многие вакансии предусматривают то, что рабочий процесс может проходить не в офисе, а там, где удобно работнику.

Респонденты, которые в среднем проводят в Интернете от 3 до 6 часов день, объясняют это работой или обучением, а также посещением различных социальных сетей, форумов. Кроме того, Интернет используется для получения различной информации, новостей, погоды, а также записи к врачу, заказов доставки продуктов и др. Обучающиеся в этой группе используют время, проведенное в Интернете, для выполнения различных заданий, прочтения учебной литературы и онлайн-консультаций.

Остальные 5 % респондентов предполагают, что в Интернете они проводят менее 3 часов в сутки не каждый день. В основном это прочтение переписки, новостная информация и использование различных онлайн-услуг (запись к врачу, различные виды оплат, коммерческие онлайн-услуги).

Многие в своих ответах отметили и то, что в отпуске они привычек использования Интернета в своей жизни не меняют и не перестраивают свой режим для выхода в Сеть. Поэтому можно сделать вывод о том, что Интернет занимает достаточно большое место в жизни молодежи и не всегда выполняет свою положительную функцию.

Еще одной причиной интенсивного использования Интернета можно назвать то, что пользоваться им можно сегодня вне дома, из любой доступной точки с помощью большого количества разнообразных электронных устройств, без которых молодые люди сегодня себя не представляют. Молодежь выбирает различные гаджеты для повседневного использования, которые отражают их потребности, интересы и стиль жизни. Поэтому далее респонденты отвечали на вопрос о самых популярных гаджетах в молодежной среде, которые используются для выхода в Интернет.

В результате полученных ответов можно сказать, что самым доступным, удобным и скоростным считается мобильный телефон, смартфон, который отметили 86 % исследуемых. Популярным респонденты считают и ноутбук или персональный компьютер (это 61 % опрошенных), планшет используют только 8 % респондентов. Интернет объединил визуальные, звуковые, печатные и видеоматериалы всех СМИ, сделал информацию легкодоступной, что должным образом сказалось на его популярности, повлияло на общество, стиль жизни. Таким образом, благодаря инновациям и технологиям на современном этапе пользователи Интернета могут иметь свободный доступ в Сеть абсолютно с любого устройства, будь то мобильные телефоны или же компьютеры и планшеты.

Удобство использования мобильного телефона для выхода в Сеть обусловлено следующими показателями:

- быстрый и легкий доступ к информации в любое время, в любой доступной точке;
- получение различных онлайн-услуг;
- быстрая коммуникация, которая позволяет с помощью мобильной сети связаться с нужным человеком.

Такая популярность использования мобильного интернета обусловлена прежде всего высоким уровнем комфорта, а также многофункциональностью большинства мобильных устройств. Сегодня, имея современные смартфоны и огромные возможности Интернета, можно решать целый спектр различных задач.

Важным компонентом высоких технологий с участием Интернета являются социальные сети. Впервые они начали завоевывать мир в 90-е годы прошлого века, однако колоссальную популярность они получили лишь в начале XXI столетия, когда были выпущены Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Instagram и др. Современный период характеризуется сильнейшим всплеском интереса и использования социальных сетей, когда пользователи не представляют свою жизнь без «виртуального двойника». При этом владельцы соцсетей, придумывая различные новые развлечения, не только увеличивают свои доходы, но и привлекают все большее количество участников, возраст которых становится все моложе. Поэтому для того чтобы выяснить, насколько респонденты, участвующие в опросе, активно используют соцсети в своей жизни, был задан вопрос «Зарегистрированы ли Вы и являетесь пользователем каких-либо социальных сетей?». Ответ респондентов составил 100 %, что еще раз подтвердило их популярность среди современной молодежи. По рейтингу самой популярной соцсетью, как отмечают 83 % респондентов, является «ВКонтакте», далее 67 % респондентов отметили «Одноклассники». Небольшое количество опрошенных (23 %) сегодня все еще используют «Instagram». Кроме того, почти все (93 %) зарегистрированы и активно используют «Viber», «WhatsApp» и «Telegram». Из этого можно сделать вывод, что молодежь использует сразу несколько социальных площадок одновременно.

На вопрос «Как часто Вы заходите в социальные сети?» большинство опрошенных (91 %) ответили, что ежедневно, оставшаяся часть это делает 3–4 раза в неделю. Продолжительность посещения у 61 % респондентов составляет от 2 часов и более.

Поэтому в дальнейшем опросе было необходимо понять, какие сообщества в социальных сетях и как часто посещают респонденты. Ответы на данный вопрос представлены в таблице 2.

Таблица 2

Частота и группы посещения в социальных сетях, %

Показатель	Часто	Время от времени	Редко	Никогда
Игры	31	27	11	31
Юмор	47	26	18	9
Поиск информации для учебы, работы	74	23	3	0
Поиск полезной информации (новости, объявления, магазины и т. д.)	63	32	5	0
Развлечения	52	37	9	2
Знакомство и общение	61	24	9	6

Результаты, представленные в таблице 2, позволяют сделать вывод о том, что социальные сети формируются по потребностям, ресурсам, сферам влияния, социальным ста-

тусам и объединяют пользователей по интересам в различные группы. Частота посещения групп по интересам разнится, однако в приоритете опять отмечен «информационный поиск» по разным запросам (учеба, работа, услуги и т. д.). Также респонденты отмечают развлечения (52 %) и знакомства (61 %), что связано прежде всего с быстрой и несложной подпиской. При этом, знакомясь в виртуальном пространстве, пользователи не всегда размещают про себя правдивую информацию, выставляя не свои фотографии или используя различные «фильтры». Для них является важным быть адекватно воспринятыми.

Необходимым является понимание причин и целей посещения различных сообществ в социальных сетях. На рисунке 2 представлены причины, которые указали респонденты.

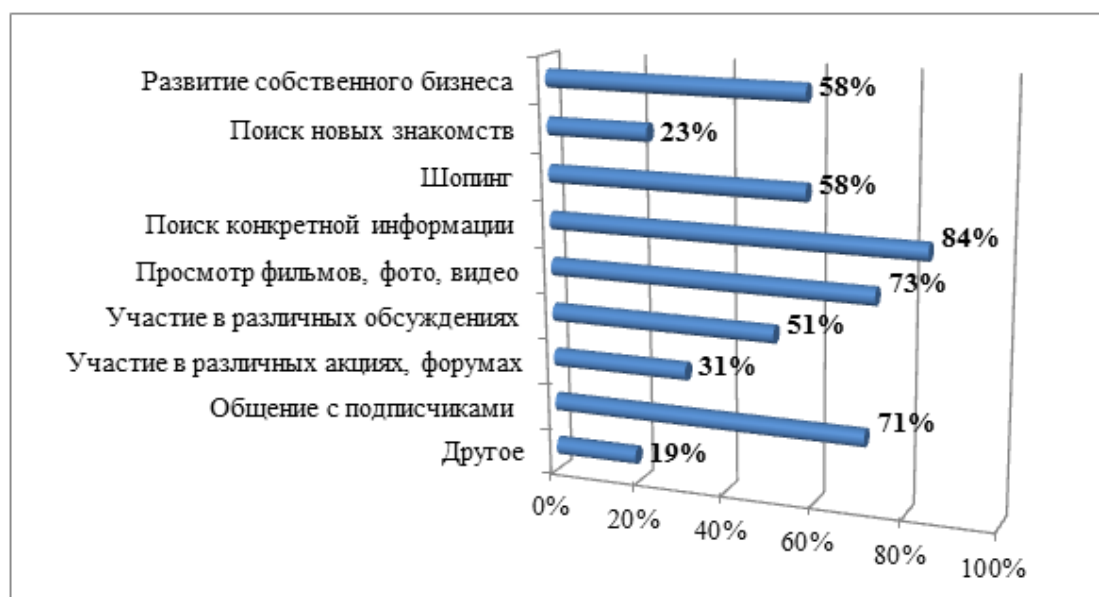

Рис. 2. Ранжирование респондентами приоритетности причин посещения своего профиля

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что все названные причины в приоритете, так как социальные сети позволяют получать информацию и быть в курсе всех изменений, что подтвердили 84 % опрошенных. Необходимо отметить, что первоначальная цель появления социальных сетей состояла в создании площадки для общения, поэтому 71 % респондентов отмечают, что здесь они находят друзей детства и по интересам, общаются с родственниками из любой точки мира, выкладывают свои фото и видео из путешествий, так как это самый бюджетный вариант для общения. Количество друзей, ежедневный просмотр их событий и общение с ними характеризует «...социальную активность пользователя, его коммуникабельность» [24].

Социальные сети как площадку для просмотра новых фильмов, видео отметили 73 % опрошенных, так как это самый доступный, бюджетный и актуальный ресурс в плане новинок и обсуждений в различных группах по интересам, который можно использовать в любой точке доступа и в любое время. С помощью соцсетей молодые люди следят за жизнью и творчеством медийных личностей, которые становятся для многих кумирами.

51 % респондентов охарактеризовали социальные сети как большую коммерческую площадку, наполненную рекламой, где можно получить приглашение и поучаствовать в различных мероприятиях. Так, подписываясь на различные акции, молодые люди с большим желанием участвуют в различных форумах, площадках, которые занимаются благотворительностью (например, сборы больному человеку или участникам СВО). Кроме того, молодые люди активно используют социальные сети для шопинга, заказа готовой еды и покупок, что отметили 58 % респондентов. Такое же количество опрошенных (58 %) используют социальные сети для развития собственного бизнеса, продаж или продвижения различных услуг. Однако, публикуя на своей странице личные данные, пользователь идет на риск, что они могут стать доступными многим в информационном пространстве, например из-за технических неполадок. В связи с этим В. И. Турканова отмечает, что «...общедоступность Интернета и развитие технологий привели к необходимости переосмысления частной жизни и персональных данных» [25].

Современные молодые люди используют различные интернет-ресурсы для доступа к информации о здоровье, как правило, большинство интересуется сексуальное здоровье, различные болезни, передающиеся половым путем, СПИД. Сегодня молодые пользователи активно посещают и порносайты, что говорит о формировании личного тематического информационного пространства.

Необходимо сказать и о том, что социальные сети не могут и не должны заменять «живое человеческое общение», которое связано прежде всего с переживаниями, эмоциями, настроением. Непроверенная информация и отсутствие всякой ответственности провайдеров приводят к тому, что за «милыми аватарками» могут просто скрываться люди, которые, используя неустойчивую психику молодежи, занимаются различными манипуляциями с сознанием подписчиков.

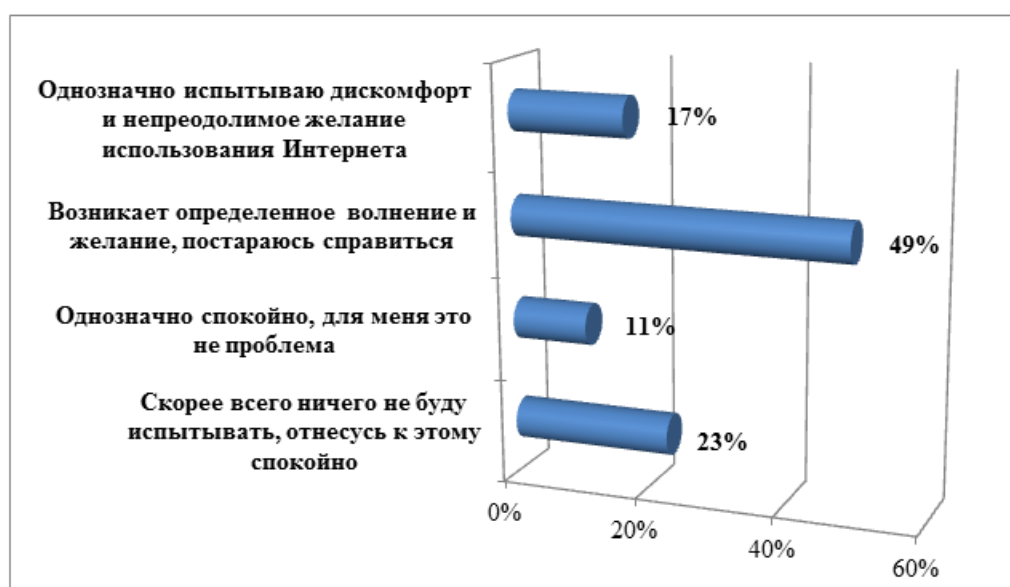

Рис. 3. Ранжирование ответов зависимости от Интернета

Таким образом, все чаще исследователи констатируют факт того, что интернет-сообщества вызывают психологическую зависимость у подписчиков. Чтобы понять, есть ли признаки зависимости у исследуемых респондентов, было предложено ответить на вопрос «Как Вы будете себя вести при отсутствии возможности пользоваться интернет-ресурсами?». Ответы представлены на рисунке 3.

Ответы респондентов позволяют сделать вывод о присутствии психологической зависимости от Интернета в той или иной мере у всех исследуемых. Непреодолимое желание выходить в Интернет и дискомфорт без него отметили 17 % респондентов, которые считают, чтобы идти в ногу со временем, они должны первыми узнавать все новости, не пропускать информацию, постоянно быть востребованными в виртуальной реальности. При этом проблемой становится то, что молодые люди начинают пренебрегать своими основными обязанностями, прогуливают учебу, достаточно агрессивно реагируют на замечания близких. Это самая молодая группа респондентов от 18 до 25 лет, которых виртуальное пространство просто поглощает.

Самая большая группа (49 %) респондентов считают, что при возникших эмоциях они справятся с волнением и преодолеют желание выйти в Интернет, опираясь на внутренний психоресурс и пытаясь себя в этом убедить. При этом сколько по времени они продержатся без Интернета, они не знают.

Необходимо отметить, что рост числа зависимых от Интернета среди молодежи связан с их семейным положением и наличием постоянной работы. Оставшиеся 23 % и 11 % очень спокойно отнесутся к создавшейся ситуации, они будут испытывать дискомфорт только при условии профессиональной деятельности, но это уже другое решение проблемы. Респонденты данной возрастной группы до 30 лет, как правило, находятся уже в отношениях, имеют семьи, детей, поэтому физически они не могут круглосуточно «зависать в Интернете».

Таким образом, проблема интернет-зависимости среди молодежи в настоящее время не просто существует, а становится все более актуальной.

Выводы

Анализ результатов исследования показал, что в настоящее время Интернет занимает значительное место в жизни молодежи. С одной стороны, Глобальная сеть значительно облегчает нам жизнь, с другой — ей нужно пользоваться рационально и не превращать времяпрепровождение в привычку, которая может перерасти в зависимость. В современном обществе Интернет — это неотъемлемая часть жизни. Эта проблема сегодня достаточно актуальна, так как из-за роста технических возможностей очень быстро меняется качество обыденной жизни, и количество пользователей Интернетом, конечно, растет. Отсюда и рост числа людей, особенно молодых, с неустойчивой психикой, которые не могут сопротивляться виртуальной реальности и погружаются в этот мир, путаясь в реальном и виртуальном сознании.

Не напрасно К. С. Янг индикаторами сформировавшейся интернет-зависимости считала всепоглощенность Интернетом; потребность проводить в Сети все больше и больше времени; повторные попытки сократить использование Интернета; беспокой-

ство при прекращении пользования Интернетом; проблемы контролирования времени; изменение настроения посредством использования Интернета. Объединив мнения современных исследователей, Т. А. Рассадина данный список дополнила следующими индикаторами: признанием коммуникативных преимуществ людей, пользующихся Интернетом, перед людьми, которые им не пользуются; активной деятельностью в Сети; наличием большого количества виртуальных друзей в социальных сетях; признанием того, что человек не представляет свою жизнь без Интернета; использованием Интернета как основного вида досуга. Из всего вышесказанного делаем вывод о том, что Всемирная паутина привлекает своими новинками все большее количество пользователей, которые уже не представляют свою жизнь без данного ресурса. Таким образом, сегодня необходимы знания об интернет-зависимости, чтобы предупредить и обеспечить свою безопасность.

При этом польза Интернета безоговорочно также очевидна. Современные интернет-технологии — это уже средства достижения жизненных целей. Поэтому государственная политика в данном вопросе должна быть направлена на гармонизацию своих законодательных баз, разработку и внедрение мероприятий, которые отвечают всем последним требованиям интернет-технологий и ресурсов, деятельность которых должна стимулировать поиск решений существующих проблем, особенно относительно молодого поколения граждан России.

Список источников

1. Булгакова, М. В. Информационные технологии в экономике : учебное пособие / М. В. Булгакова. – Челябинск : Издательство ЧелГУ, 2013. – 106 с. – Текст : непосредственный.
2. Силаева, В. Л. Интернет как социальный феномен / В. Л. Силаева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2008. – № 11(295). – С. 101–107.
3. Серенков, П. С. Методы менеджмента качества. Процессный подход / П. С. Серенков, А. Г. Курьян, В. П. Волонтей. – Минск : Новое знание; Москва : ИНФРА-М, 2014. – 440 с. – Текст : непосредственный.
4. Digital 2023 : статистика аудитории интернета и соцсетей в России. – Текст : электронный // PR.STUDENT : сайт. – 2023. – 16 фев. – URL: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-interneta-i-socsetej-v-rossii> (дата обращения: 20.09.2023).
5. Digital 2021 : главная статистика по России и всему миру. – Текст : электронный // Ex Libris : сайт. – 2021. – 18 мар. – URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Мунтян, П. Влияние сети Интернет на развитие человека как психологическая проблема / П. Мунтян. – Текст : электронный // Cyberpsy : сайт. – 2017. – 06 сен. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/muntyan-cyberpsychology/> (дата обращения: 02.10.2023).

7. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / М. Маклюэн ; перевод с английского И. О. Тюриной. – Москва : Акад. Проект ; Фонд «Мир», 2005. – 495 с. – Перевод изд.: *The Gutenberg Galaxy* / Marshall McLuhan. Toronto, 1962. – Текст : непосредственный.
8. Вараксин, А. В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи / А. В. Вараксин. – Текст : непосредственный // *Преподаватель XXI век*. – 2016. – № 2–1. – С. 205–212.
9. Головатый, Н. Ф. Социология молодежи. Курс лекций / Н. Ф. Головатый. – 3-е изд. – Киев : МАУП, 2009. – 224 с. – Текст : непосредственный.
10. Белинская, Е. П. Социальная психология личности : учебное пособие / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – Москва : Аспект Пресс. – 2001. – 301 с. – Текст : непосредственный.
11. Худякова, Н. Л. Ценностные основы социальных отношений / Н. Л. Худякова. – Текст : непосредственный // *Вестник Челябинского государственного университета*. – № 4 (259). – 2012. – С. 7–10.
12. Гребенщикова, В. Л. Интернет-зависимость / В. Л. Гребенщикова. – Текст : непосредственный // *Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения*. – 2010. – № 17. – С. 137–139.
13. Войскунский, А. Е. Феномен зависимости от Интернета / А. Е. Войскунский. – Текст : непосредственный // *Гуманитарные исследования в Интернете* / Под редакцией А. Е. Войскунского. – Москва : Можайск-Терра, 2009 – С. 100–131.
14. Берёзкин, А. В. Социологическая интерпретация феномена Интернет-зависимости в контексте теории аномии Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертон / А. В. Берёзкин. – Текст : непосредственный // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2011. – № 3 (47). – С. 107–111.
15. Сэбшин, Э. Психоаналитические исследования аддиктивного поведения : обзор / Э. Сэбшин. – Текст : непосредственный // *Психология и лечение зависимого поведения* / Под редакцией С. Даулинга. – Москва : Класс, 2000. – С. 13–27. – (Библиотека психологии и психотерапии; Вып. 85).
16. Янг, К. С. Диагноз — интернет-зависимость / К. С. Янг. – Текст : непосредственный // *Мир Internet*. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
17. Зачем молодежи Интернет. – Текст : электронный // Студенческая библиотека онлайн : сайт. – URL: https://studbooks.net/604845/sotsiologiya/zachem_molodezhi_internet (дата обращения: 04.10.2023).
18. Компьютерная зависимость. – Текст : электронный // Центр практической наркологии : сайт. – URL: <https://narko-info.com/materialyi/kompyuternaya-zavisimost.html>.
19. Войскунский, А. Е. Интернет — новая область исследований в психологической науке / А. Е. Войскунский. – Текст : непосредственный // *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1* / Под общей редакцией Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2002. – С. 82–101.

20. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : Азбуковник, 1997. – 939 с. – Текст : непосредственный.
21. Спиркина, Т. С. Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости / Т. С. Спиркина. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 60. – С. 473–478.
22. Манухина, Н. М. Коучинг семьи — новейшее направление современного семейного консультирования / Н. М. Манухина. – Текст : непосредственный // Тезисы и доклад на 4-м Конгрессе «Мир семьи». – Москва, 2008.
23. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» : введ. в действие с 02.07.2021. – Москва, 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 24.08.2022). – Текст : электронный.
24. Абдуллаева, Р. А. Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества / Р. А. Абдуллаева. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – 9–3. – С. 542–546.
25. Турканова, В. И. Приватность в Интернете и распространение личных данных подростками / В. И. Турканова. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2010. – № 20. – С. 292–295.
26. Рассадина, Т. А. Интернет-зависимость : информационно-коммуникативный аспект / Т. А. Рассадина. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 98–111.

References

1. Bulgakova, M. V. (2013). *Informatsionnye tekhnologii v ekonomike*. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., p.106. (In Russian).
2. Silaeva, V. L. (2008). Internet as a social phenomenon. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), pp. 101-107. (In Russian).
3. Serenkov, P. S., Kur'yan, A. G., & Volontey, V. P. (2014). *Metody menedzhmenta kachestva. Protsessnyy podkhod*. Minsk, Novoe znanie Publ.; Moscow, INFRA-M Publ., 440 p. (In Russian).
4. Digital 2023: statistika auditorii interneta i sotssetey v Rossii. (2023). (In Russian). Available at: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-nterneta-i-socsetey-v-rossii>
5. Digital 2021: glavnaya statistika po Rossii i vsemu miru. (2021). (In Russian). Available at: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii>

6. Muntyan, P. (2017). Vliyanie seti Internet na razvitie cheloveka kak psikhologicheskaya problema. (In Russian). Available at: <https://cyberpsy.ru/articles/muntyan-cyberpsychology/>
7. McLuhan, M. (1962). The Gutenberg Galaxy. Toronto, University of Toronto Press, 293 p. (In English).
8. Varaksin, A. V. (2016). The influence of social networks on the formation of values today's youth. *Prepodavatel XXI vek*, (2), pp. 205-212. (In Russian).
9. Golovatyy, N. F. (2009). *Sotsiologiya molodezhi*. Kurs lektsiy. 3rd edition. Kiev, Mezhhregional'naya akademiya upravleniya personalom Publ., 224 p. (In Russian).
10. Belinskaya, E. P., & Tikhomandritskaya, O. A. (2001). *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti*. Moscow, Aspekt Press Publ., 301 p. (In Russian).
11. Khudyakova, N. L. (2012). The axiological foundations of social relations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (4(259)), pp. 7-10. (In Russian).
12. Grebenshchikova, V. L. (2010). Internet-zavisimost'. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, (17), pp. 137-139. (In Russian).
13. Voyskunskiy, A. E. (2000). Fenomen zavisimosti ot Interneta. *Gumanitarnye issledovaniya v Internete*. Moscow, Mozhaysk-Terra Publ., pp. 100-131. (In Russian).
14. Berezkin, A. V. (2011). The sociological interpretation of the phenomenon of the Internet-addiction in the context of the theory of anomie Emile Durkheim and Robert Merton. *Bulletin of Kemerovo state university*, (3(47)), pp. 107-111. (In Russian).
15. Sabshin, E. (1995). *Psychoanalytic Studies of Addictive Behavior: A Review. The Psychology and Treatment of Addictive Behavior*. Madison, International Universities Press, pp. 3-16. (In English).
16. Young, K. S. (2000). Diagnostika - internet-zavisimost'. *Internet World*, (2), pp. 24-29. (In Russian).
17. Zachem molodezhi Internet. (In Russian). Available at: https://studbooks.net/604845/sotsiologiya/zachem_molodezhi_internet
18. Komp'yuternaya zavisimost'. (In Russian). Available at: <https://narko-info.com/materialyi/kompyuternaya-zavisimost.html>
19. Voyskunskiy, A. E. (2002). Internet - novaya oblast' issledovaniy v psikhologicheskoy nauke. *Uchenye zapiski kafedry obshchey psikhologii MSU*. Vypusk 1. Moscow, Smysl Publ., pp. 82-101. (In Russian).
20. Ozhegov, S. I. (1997). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. 4th edition, supplemented. Moscow, Azbukovnik Publ, 939 p. (In Russian).
21. Spirkina, T. S. (2008). Lichnostnye osobennosti pol'zovateley seti internet, sklonnykh k internet-zavisimosti. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (60), pp. 473-478. (In Russian).
22. Manukhina, N. M. Kouching sem'i - noveyshee napravlenie sovremennogo semeynogo konsul'tirovaniya. Theses and report at the 4th Congress "Family World". Moscow, 2008. (In Russian).
23. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

24. Abdullaeva, R. A. (2015). Analysis of the social media impact on the modern society. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, (9-3), pp. 542-546. (In Russian).
25. Turkanova, V. I. (2010). Privatnost' v Internetе i rasprostranenie lichnykh dannykh podrostkami. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, (20), pp. 292-295. (In Russian).
26. Rassadina, T. A. (2015). Internet addiction: information-communicative aspect. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, (2), pp. 98-111. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ребышева Лидия Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, rebisheva_lida@mail.ru

Толмачева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Белоножко Лидия Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Lidia V. Rebysheva, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, rebisheva_lida@mail.ru

Svetlana V. Tolmacheva, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Lidia N. Belonozhko, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 26.10.2023.

УДК 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-127-141

О роли проектной деятельности в подготовке IT-специалистов

И. С. Спирин, А. Н. Величко, О. М. Барбаков*

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*omb@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа социологических исследований (вторичного анализа документов) проектной деятельности в вузе по IT-направлению, теоретических положений и практические выводы в области проектной деятельности IT-специалистов в рамках проведения социального проектирования в вузе. В результате проведенного исследования были проанализированы и обсуждены проблемы реализации проектной деятельности студентов IT-сферы с целью подготовки специалистов в социальном проектировании, а также определено значение проектной деятельности как активной формы высшего образования. В статье рассмотрены, обоснованы и предложены цели проектной деятельности по IT-направлениям, модель проектной деятельности в рамках социального проектирования на примере кафедры математики и прикладных информационных технологий Высшей школы цифровых технологий Тюменского индустриального университета. Отдельно уделено внимание вопросам обеспечения требований информационной безопасности при реализации проектной деятельности при подготовке IT-специалистов, что даст возможность повысить эффективность всей управленческой деятельности вузов. Авторы статьи представили первый опыт применения проектной деятельности в вузе и создания проектов, в том числе и в социальной сфере, с использованием IT-технологий и описали слабые и сильные стороны проектного подхода в рамках социологии управления. В статье был обоснован тезис о том, что проектная деятельность способствует не только получению необходимых компетенций студентами IT-направлений, развитию их личностных качеств, умений и навыков, но и вовлекает их в социальную деятельность посредством реализации проектов в социальной сфере с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: проектная деятельность, информационная безопасность, IT-направления, социальное проектирование

Для цитирования: Спирин, И. С. О роли проектной деятельности в подготовке IT-специалистов / И. С. Спирин, А. Н. Величко, О. М. Барбаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-127-141 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 127–141.

Project activity in a university as a form of training IT specialists

Igor S. Spirin, Andrey N. Velichko, Oleg M. Barbakov*

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*omb@bk.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study (secondary analysis of documents) on project activity in the IT field in a university, presenting theoretical foundations and practical insights on IT specialists' project work in the framework of social design at the institution. Through analysis and discussion of the implementation of project activity among IT students, this research aimed to train specialists in social design and to determine the significance of project activities in higher education. The article examines, substantiates and proposes the goals of project activities in IT field, a model of project activity within the framework of social design a case study of the

Department of Mathematics and Applied Information Technologies of the Higher School of Digital Technologies of the Industrial University of Tyumen. Particular attention is paid to the issues of ensuring information security requirements when implementing project activities in the training of IT specialists, which will make it possible to increase the efficiency of all management activities of universities. The authors of the article outline their initial experience of applying project activities in higher education, including in the social sphere, using IT technologies. They describe the strengths and weaknesses of the project approach within the framework of sociology of management. The article supports the thesis that project work aids IT students not only in acquiring essential competences but also in developing their personal qualities, skills, and abilities. Additionally, project activity in the social sphere utilizing information technologies involves students in social engagement.

Keywords: project activity, information security, IT directions, social design

For citation: Spirin, I. S., Velichko, A. N., & Barbakov, O. M. (2023). Project activity in a university as a form of training IT specialists. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 127-141. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-127-141

Введение

В последние годы в России наблюдается острый дефицит IT-специалистов. По оценкам главы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (РФ) Максута Шадаева, такой дефицит составляет 500–700 тысяч человек [1]. Это означает, что на одну вакансию в сфере информационных технологий приходится менее двух кандидатов.

Наблюдается несколько факторов, которые привели к нехватке IT-кадров в России.

1. Реактивный рост отрасли. IT-сфера является одной из самых динамично развивающихся отраслей экономики. В последние годы спрос на IT-услуги и продукты в России значительно вырос, что привело к росту числа вакансий в этой сфере.

2. Отток специалистов. В связи с политической ситуацией в мире из России уехали многие IT-специалисты. По данным Ассоциации консультантов по подбору персонала, в 2022 году из России уехало около 100 тысяч IT-специалистов.

3. Демографический кризис. В России наблюдается демографический кризис, что приводит к снижению численности населения, в том числе и потенциальных IT-специалистов.

Для решения проблемы кадрового голода, по мнению экспертов в IT-отрасли, необходимо предпринять ряд мер.

1. Увеличение числа бюджетных мест в вузах на IT-специальности. В последние годы количество бюджетных мест в вузах на IT-специальности увеличилось, но этого недостаточно для удовлетворения потребностей отрасли.

2. Развитие дополнительного образования в сфере IT. Необходимо создать условия для повышения квалификации и переподготовки IT-специалистов, а также для привлечения в отрасль специалистов из других областей.

3. Создание благоприятной среды для работы IT-специалистов. Необходимо обеспечить IT-специалистам достойные условия труда и заработной платы [2–4].

Спрос на IT-специалистов в России будет продолжать расти в ближайшие годы. Это связано с тем, что цифровизация становится все более важной для развития эконо-

мики и общества. Для удовлетворения потребностей отрасли необходимо принять меры по увеличению числа IT-специалистов в России. Именно такие специалисты могут заложить основу разработки систем постановки и принятия управленческих решений в образовательных структурах с использованием информационных технологий, что даст возможность повышения социальной эффективности управления различными структурами, в частности в образовании.

В этих социально-экономических условиях Министерство науки и высшего образования РФ придает особое значение проектной деятельности при подготовке IT-специалистов, которая ориентирована на повышение качества образования и адаптацию его содержания к требованиям современного рынка и сможет предоставить готовые решения для реализации управленческой деятельности и увеличения социальной результативности управления.

Министерство науки и высшего образования активно стимулирует вузы в сфере подготовки IT-специалистов и определяет основной задачей проектов повышение качества образования, приведение его содержания в соответствие с реалиями рынка. Проекты, в частности, позволят решить вопрос трудоустройства выпускников вузов по специальности. Для этого министерство предлагает привлекать в проектные команды представителей бизнеса и выдающихся специалистов-практиков [5].

Так, глава Министерства науки и высшего образования РФ Валерий Фальков считает, что студенты, которые участвуют в проектной деятельности и заявляют свои проекты на различных площадках, могут получить всестороннюю поддержку от министерства и принесут обществу новые технологии, продукты и сервисы [6]. Поэтому министерством был инициирован ряд образовательных программ и грантов на стимулирование проектной деятельности среди студентов, таких как «Стартап как Диплом», «Умник» и др. Кроме того, в России планируют внедрить единую цифровую платформу, которая поможет студентам российских вузов делать проекты в рамках программы «Стартап как диплом» [7].

В рамках заявленной проблематики министерства Валерий Фальков высказал мнение: «Проект “Стартап как диплом” — прекрасная возможность молодым и инициативным студентам попробовать свои силы и защитить свой диплом в таком необычном формате. Мне кажется, это вполне соответствует тем пожеланиям, которые высказывают и экспертное сообщество, и работодатели о том, что образование должно быть практико-ориентированным и давать больше возможностей для самореализации» [8].

Анализ открытых источников показывает, что количество студенческих проектов, нацеленных на удовлетворение социального спроса и решение бизнес-задач, каждый год увеличивается в несколько раз.

Так, например, на конкурс «Стартап как диплом» в 2023 году поступило более 4 000 заявок, что в 2 раза больше, чем в 2022 году. Авторами этих проектов являются студенты из более чем 350 вузов страны. Среди лидеров по числу проектов такие регионы, как г. Москва, Республика Татарстан и Республика Башкортостан, г. Санкт-Петербург, Новосибирская, Ростовская, Московская, Томская области, Пермский край, а также Тюменская область, которая вошла в топ-10 по количеству проектов, представленных на конкурс «Студенческий стартап» [9].

Из всех презентованных стартап-проектов, защищенных в качестве выпускных квалификационных работ в рамках программы «Стартап как диплом», к реализации, как отмечается на сайте Минобрнауки России, вышли 38 % — это 117 проектов. Из них 54 проекта смогли заинтересовать и привлечь в свое развитие инвестиционные средства, что доказывает их привлекательность и перспективу развития [10].

Отдельно хочется обратить внимание на диктуемую реалиями развития современного мирового сообщества в информационной сфере необходимость повышения уровня информационной безопасности в проектной деятельности, способностью разрабатываемых IT-проектов противостоять современным угрозам и вызовам, обеспечивать информационный, цифровой суверенитет в условиях развязанной против России информационной кибервойны. Система информационной безопасности даст возможность усовершенствовать процессы управления государством, социальными группами, социальными институтами, в том числе и образовательными.

Таким образом, становится очевидно, что проектная деятельность, наряду с традиционными формами, методами и практиками организации образовательной деятельности в вузе, является неотъемлемой частью современной образовательной системы, социального проектирования образовательных структур. В настоящее время, когда мир стремительно меняется, важно обеспечить студентам возможность получать не только теоретические знания, но и практические навыки, нацеленные на созидание и творчество, которые будут удовлетворять социальный запрос и станут востребованными на рынке труда.

Проектная деятельность является актуальной и эффективной методикой, которая нашла широкое применение в образовательной и социальной практике. Еще в начале XX века в своих исследованиях и публикациях американские педагоги, такие как Дж. Дьюи, В. Килпатрик и Э. Коллингс, обращали свое внимание на важность реализации проектной деятельности в обучении. Сегодня ряд отечественных исследователей (В. С. Безруков, В. В. Гузеев, И. А. Колесникова, Т. П. Королева, Б. В. Пальческий, Е. С. Полякова, Г. П. Сергеева и А. П. Хмелев) продолжают исследовать и развивать эту методику. Они подчеркивают, что проектная деятельность способствует развитию креативности и инноваций среди студентов, а также формирует командный дух и управленческие навыки.

Сегодня специалисты в области образования и эксперты из бизнеса сходятся во мнении, что студенты, работая над проектами, сталкиваются с реальными проблемами и задачами, которые требуют креативного мышления и инновационных решений. Это помогает развить у них навыки самостоятельности, инициативности и проблемного мышления. Кроме того, проектная деятельность способствует формированию командного духа и управленческих навыков. Студенты работают в группах, сотрудничая и обмениваясь идеями, что способствует развитию коммуникативных навыков и умению работать в коллективе. Это важный аспект, так как в современном мире все больше задач решается командами. Социологи и бизнес-эксперты также признают ценность проектной деятельности в обучении.

Так, в своей статье С. А. Алашеева акцентирует, что проектная работа обогащает традиционные академические формы организации учебного процесса, повышает науч-

ный уровень и стимулирует развитие внеучебных форм вовлечения студентов в научную деятельность [11].

О. В. Пустовойтова справедливо отмечает: «В процессе организации и проведения проектной деятельности происходит взаимное обогащение всех участников образовательных отношений, расширяется кругозор, обогащается словарный запас, совершенствуется ораторское искусство, формируется целеустремленность, настойчивость в достижении поставленной цели, отрабатываются навыки поисковой деятельности и что еще очень важно формируются навыки командной работы» [12].

Изложенное подчеркивает актуальность проектной деятельности в вузе, обусловленную необходимостью обеспечения социальной эффективности деятельности вуза, его конкурентоспособности и выпускников, которые к окончанию обучения должны обладать максимальным количеством требуемых компетенций в рамках своей будущей профессии, способных в будущем обеспечивать цифровой суверенитет России, ее социальную защищенность [13].

Материалы и методы

В качестве основных методов исследования в данной статье используются, во-первых, вторичный анализ статей заявленной проблематики из открытых источников, нормативных документов Министерства науки и высшего образования РФ, университетов г. Тюмени, во-вторых, анкетирование студентов ИТ-направлений Высшей школы цифровых технологий Тюменского индустриального университета. Методика проектной деятельности апробирована на базе Тюменского индустриального университета.

В качестве общенаучных методов исследования применялись сравнительный и системный анализы, методология статистического аппарата обработки информации, а из специально-научных — документальный метод.

Результаты и обсуждение

Социальное проектирование достаточно широко применяется в образовательной деятельности. Как его элемент проектная деятельность является инструментом для повышения социальной эффективности вуза.

В Тюменском индустриальном университете повышенное внимание уделяется проектной деятельности в образовательном процессе. Так, был проведен ряд мероприятий по выявлению наиболее эффективной методологии применения проектов, рассмотрены учебные планы и формы образовательной деятельности, привлечены специалисты из бизнеса, создана новая структура в университете — Высшая школа цифровых технологий. Отмечается, что в результате трансформации учебного процесса на проектную деятельность с 2022 года в учебных планах по ИТ-направлениям было выделено 14 зачетных единиц, и данная дисциплина стала преподаваться в 6 семестрах.

На кафедре бизнес-информатики и математики (с 1 сентября 2023 года — математики и прикладных информационных технологий, далее кафедра) была определена цель проектной деятельности для ИТ-направлений — подготовка будущего ИТ-специалиста в практико-ориентированной модели. А также сформулирован ряд задач:

- совершенствование навыков разработчика новых IT-технологий в рамках цифровой экономики;
- разработка в форме MVP программно-аппаратных решений для промышленности и населения, востребованных рынком;
- формирование знаний и умений использования сервисных моделей и принципов клиентоориентированности;
- умение работать в команде IT-проекта;
- получение навыков учета требований информационной безопасности в проектной деятельности на основе применения риск-ориентированного подхода;
- развитие навыков технологического предпринимательства.

В рамках реализации вышеобозначенной цели на кафедре была разработана модель проектной деятельности для IT-направлений, которая представлена ниже на рисунке 1.

Рис. 1. Модель проектной деятельности

Из представленной модели видно, что вся проектная деятельность в учебном процессе на кафедре разбита на три блока.

1. Введение в IT-деятельность.
2. Процесс работы над проектами.
3. Профилизация образования.

Начиная с 2022 года в Тюменском индустриальном университете внедрена новая модель проектной деятельности в образовательном процессе. Уже с первого семестра студенты принимают непосредственное участие в учебном процессе, цель которого — познакомить их с проектной и карьерной деятельностью, где происходит выбор темы проекта и процесс формирования команды, а также исследование предметной области

проекта с учетом требований информационной безопасности. Модель учебной деятельности, реализуемой в первом семестре, представлена на рисунке 2.

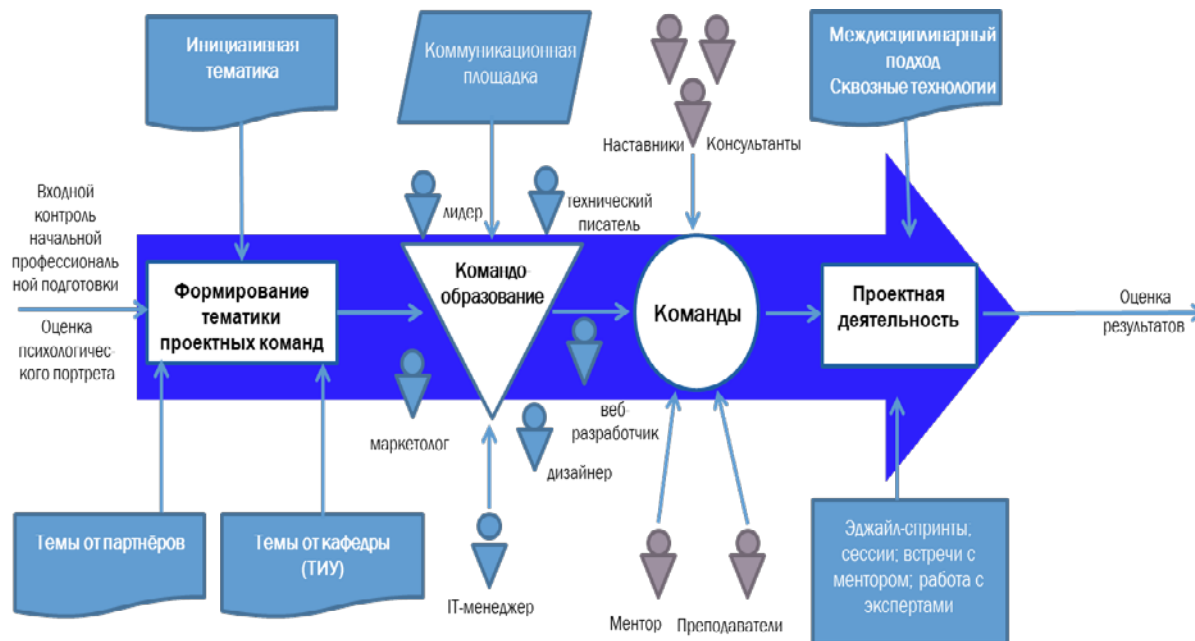

Рис. 2. Модель проектной деятельности в первом семестре

Из представленной модели видно, что на входе в проектную деятельность в первом семестре происходит оценка студентов начальной профильной подготовки и психологического портрета студентов. Данная процедура осуществляется методом собеседования, опроса или анкетирования.

Заметим, что преподаватель в этой модели выступает в качестве ментора, мастера, наставника, консультанта, основная задача которого заключается в направлении и управлении проектной командой, в оценивании результатов проектной деятельности.

Следующим шагом является формирование команды студентами и распределение ролей: разработчика, дизайнера, тестировщика, лидера, технического писателя и др.

Далее студентами осуществляется селекция тем из пула проектов, источниками которых могут выступать стейкхолдеры (партнеры, кафедры, заказчики и др.)

Так, например, эксперимент распределения студентов по видам проектов из трех ИТ-направлений в ТИУ (02.03.01 Математика и компьютерные науки; 38.03.05 Бизнес-информатика; 01.03.02 Прикладная математика и информатика, общей численностью более 90 студентов) показал, что значительное количество проектов занимают web-сервисы и компьютерные игры, затем следуют мобильные и desktop приложения. Такое распределение по видам проектов объясняется их популярностью среди возрастного контингента студентов первого курса и обладанием компетенций по информационным технологиям.

Основной формой учебного процесса в первом семестре является геймификация проектной деятельности, направленная на создание решения (продукт, услуга, идея), вокруг которого выстраивается гипотетическая IT-компания. Место геймификации в процессе проектной деятельности отображается в разрезе модели проектной деятельности, изображенной на рисунке 3.

Рис. 3. Модель проектной деятельности

Фактически все этапы обозначенной выше модели представляют собой элементы социального проектирования, в результате которого создается социальный проект, при реализации может решаться социально-экономическая проблема в конкретном регионе, городе, учреждении. Так, например, проект платформы взаимодействия студентов и работодателей решает проблему будущего трудоустройства выпускников вуза, и эта проблема носит выраженный социальный характер.

В процессе оценивания проектной деятельности метрика делится на две составляющие: в первой оценивается проработанность идеи проекта, а во второй — вклад каждого участника команды (рис. 4).

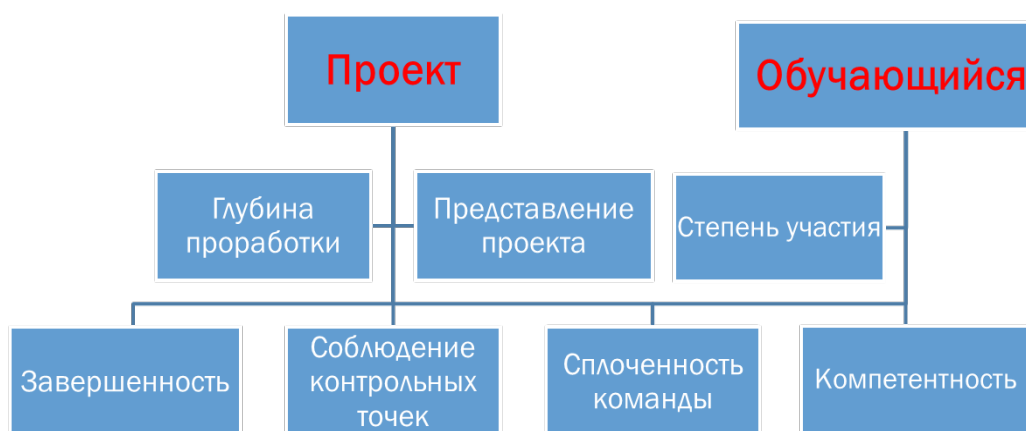

Рис. 4. Метрика проектной деятельности в первом семестре

Результатом работы студентов в первом семестре является публичная презентация идеи проекта, которая будет воплощена в следующих семестрах в виде законченного решения.

В течение следующих 5 семестров (со 2 по 6) происходит реализация проектов. В формирующейся модели компетенций, по которой оценивается проектная деятельность, с каждым новым семестром происходит добавление новых компетенций, которые необходимы для реализации поставленных задач.

В течение второго семестра студенты ежемесячно демонстрировали промежуточные результаты работы над проектами, экспертами в которых были специалисты из бизнеса, сотрудники кафедры и представители из IT-структур университета.

В качестве яркого примера проектной деятельности приводится один из успешных проектов под названием «Портал создания идей и управления проектами», который реализован командой студентов 1 курса. Данный сервис является хранилищем идей для будущих проектов, где также можно отслеживать жизненный цикл проекта, используя гибкие технологии по созданию программных решений. Скриншот нескольких окон сервиса представлен ниже на рисунке 5.

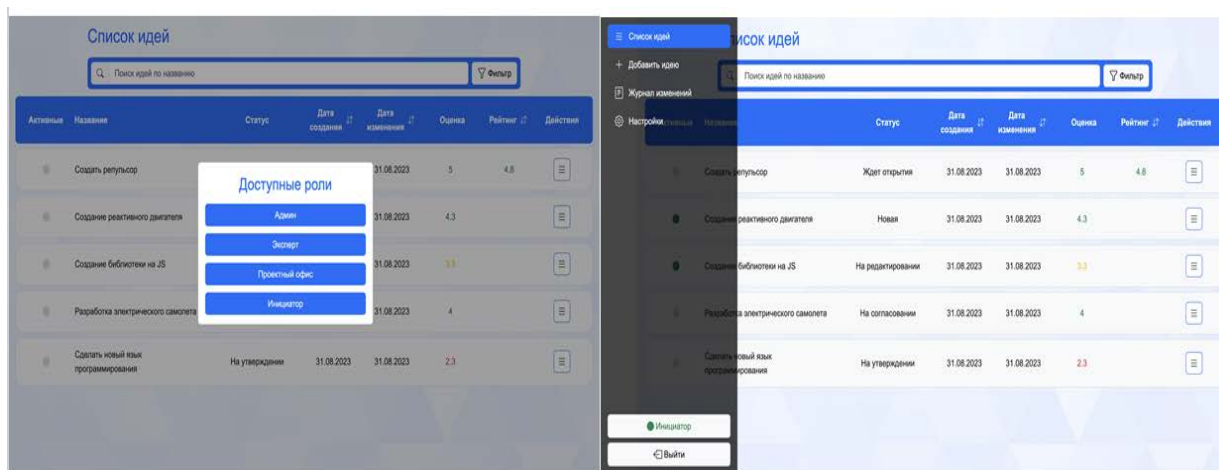

Рис. 5. Скриншот сервиса «Портал создания идей и управления проектами»

Вышеобозначенный проект дает возможность управления и реализации научных идей и в социальной сфере, повышает эффективность управленческой деятельности в социальных группах, социальных институтах.

Отдельно хочется отметить, что в ходе проектной деятельности студенты непрерывно определяют и учитывают требования информационной безопасности к осуществляемым проектам.

Так, учебными планами предусмотрена многоуровневая подготовка студентов в области информационной безопасности, направленная на развитие навыков профессиональной деятельности с учетом требований информационной безопасности. В первом и втором семестрах в рамках проектной деятельности студенты получают первоначальные базовые знания в области информационной безопасности с целью формирования у

них принципов и подходов к управлению информационной безопасностью проектов на основе риск-ориентированного подхода, например на основе ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005-2010 [14]. Далее, в 3–7 семестрах, в зависимости от направления подготовки, проводится углубленное изучение основ управления информационной безопасностью с практическим приложением результатов обучения к осуществляемым проектам. В рамках дисциплин части учебного плана, формируемого участниками образовательных отношений, студенты самостоятельно выбирают дисциплины, изучение которых ориентировано на получение углубленных знаний в рамках отдельных направлений, связанных со спецификой осуществляемых ими проектов [13].

К концу проектной деятельности у студентов формируются навыки как проектной, так и практической, профессиональной деятельности с учетом основных требований информационной безопасности. Так, студенты способны формулировать требования к IT-проектам на основе следующих:

- категорирование информации, то есть определение категорий информации по таким критериям, как ценность и ограниченность доступа к ней; положения информации по отношению к проекту — внешняя, влияющая на проект извне, обрабатываемая «внутри» проекта либо являющаяся его элементом и выходная информация проекта; то есть происходит формирование у студентов понимания того, какая информация подлежит защите в рамках реализации IT-проекта;
- управление рисками информационной безопасности IT-проекта: определение методологии оценки риска, разработка и определение критериев принятия риска и приемлемых уровней риска; идентификация основных составляющих риска информационной безопасности — угроз для проекта в информационной сфере и уязвимостей, через которые они могут реализоваться, активов проекта, на которые эти угрозы могут быть направлены, негативных последствий для проекта при возможной реализации указанных угроз; оценка ущерба для проекта в случае реализации угроз, а также уровней риска и их соответствующей приемлемости для проекта; рассмотрение различных вариантов обработки рисков информационной безопасности IT-проекта; то есть формирование у студентов представления о том, с какими рисками информационной безопасности может столкнуться IT-проект в ходе его реализации, а также о выработке предварительных подходов к обработке таких рисков;
- практическое применение соответствующих мер для устранения рисков информационной безопасности для IT-проектов: внедрение комплекса организационно-технических мероприятий, позволяющих снизить риски проекта до приемлемого уровня; принятие ответственности за приемлемость остаточных рисков; отказ от использования информации и действий, связанных с рисковыми моментами реализации IT-проекта; рассмотрение возможности передачи рисков информационной безопасности, связанных с реализацией проекта, третьим лицам.

Правильность выбора проектно-ориентированной направленности методологии обучения по IT-направлениям в Тюменском индустриальном университете подтвердил анализ результатов проведенного социологического исследования — анкетирования студентов 1 курса IT-направлений Высшей школы цифровых технологий Тюменского

индустриального университета. С использованием инструмента «Google Forms» были разработаны анкеты для опроса студентов и опрошено 147 человек.

Подавляющее большинство студентов (93,2 %) хотят самостоятельно выбирать направления своего развития и источники информации, иметь возможность взаимодействовать с экспертами, наставниками-преподавателями, получать консультации, начиная уже с первого курса университета, что подтверждает авторский тезис о проектно-ориентированном обучении ИТ-направлений.

76,9 % опрошенных считают, что без практики невозможно освоить ни одну дисциплину, а практику эффективно можно реализовывать в проектах совместно с производственными партнерами, которые предоставляют пул практических задач командам студентов. И только 14,3 % респондентов считают, что необходимо сначала освоить теорию, а затем уже приступать к практическим проектам.

Фактически это реализуется в Высшей школе цифровых технологий, когда в первом семестре максимально даются теоретические знания по программированию, практические задания, и только во втором семестре студенты приступают к решению практических задач от предприятий партнеров.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает тезис о том, что проектная деятельность в вузе способствует развитию у студентов не только профессиональных навыков, но и личностного роста. Работа в команде, осуществление проектов с нуля, поиск решений для сложных задач — все это формирует у студентов такие качества, как лидерство, уверенность в себе и творческое мышление.

Первый полученный опыт реализации такой модели позволяет сделать вывод, что проектная деятельность в образовательном процессе имеет большую актуальность в современных условиях в рамках социального проектирования. Так, сильными сторонами проектной деятельности могут являться следующие.

1. Развитие навыков сотрудничества и командной работы: проектная деятельность позволяет студентам и учащимся работать в команде, обмениваться идеями, решать задачи вместе и развивать навыки сотрудничества. Это важные навыки для работы в современном мире, где командная работа и коллективное принятие решений становятся все более значимыми.

2. Развитие креативности и инноваций: проектная деятельность стимулирует развитие креативности, прикладных навыков и инноваций. Учащиеся могут исследовать новые идеи, находить нестандартные решения проблем и создавать инновационные продукты или сервисы.

3. Подготовка к решению реальных задач и реальному рынку труда: проектная деятельность помогает учащимся развить практические навыки, которые востребованы на рынке труда. Они могут получить опыт работы с инструментами и технологиями, которые используются в реальных проектах. Так, умение на практике использовать приобретенные навыки обеспечения информационной безопасности реализуемых ИТ-проектов в современных реалиях имеет важное значение для будущей профессио-

нальной деятельности студентов и позволит им обеспечивать суверенитет государства в IT-отрасли в будущем.

4. Мотивация и заинтересованность: проектная деятельность может быть более мотивирующей для учащихся, поскольку она позволяет им самостоятельно выбирать проекты, работать над интересными им задачами и видеть результаты своей работы.

Однако опыт работы со студентами выявил и отдельные слабые стороны проектной деятельности.

1. Риск изменения требований: в процессе выполнения проекта требования и цели могли меняться, что требовало пересмотра планов и подходов.

2. Недостаток необходимых компетенций и ресурсов: проекты могли потребовать значительных компетенций и ресурсов, таких как время, финансы и человеческие ресурсы, что может быть недоступно или ограничено.

3. Проблемы с коммуникацией и координацией: неэффективная коммуникация могла вызвать проблемы в проектной деятельности, значительное число участников усложняло координацию и управление проектом.

4. Конфликты интересов: в проектной деятельности возникали конфликты интересов между участниками проекта, что приводило к переходу участников из одного проекта в другой.

Таким образом, проектная деятельность в вузе является необходимым компонентом современного образования и социального проектирования. Она позволяет студентам применить свои знания на практике, развить не только профессиональные навыки, но и личностные качества, а также внести свой вклад в общественное развитие. Поэтому важно, чтобы университеты продолжали поддерживать и стимулировать проектную деятельность среди студентов, создавая условия для их творческого роста и успеха на рынке труда.

Список источников

1. Жандарова, И. В России установился дефицит айтишников. Как его восполнить? / И. Жандарова, О. Капранов. – Текст : электронный // Российская газета : сайт. – 2023. – 17 авг. – URL: <https://rg.ru/2023/08/17/vziat-v-razrabotku.html> (дата обращения: 09.09.2023).

2. Оценена потребность российского рынка в IT-специалистах. – Текст : электронный // Прайм : сайт. – 2023. – 26 сент. – URL: <https://1prime.ru/itb/20230926/841820738.html> (дата обращения: 10.09.2023).

3. Шадаев оценил дефицит айтишников в 500–700 тыс. человек. – Текст : электронный. – РБК : официальный сайт. – 2023. – 16 авг. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789a7947ec1d11a641> (дата обращения: 09.09.2023).

4. В России катастрофическая нехватка опытных IT-специалистов. Компании их ищут и не могут найти месяцами. – Текст : электронный. – CNews : официальный сайт. – 2023. – 12 апр. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-12_v_rossii_katastroficheskaya (дата обращения: 10.09.2023).

5. Метод проектного обучения в высших учебных заведениях. – Текст : электронный. – Электронно-библиотечная система Лань : официальный сайт. – URL: <https://lala.lanbook.com/metod-proektnogo-obucheniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 10.09.2023).

6. Тюменская область — лидер в стране по студенческим стартапам. – Текст : электронный. – Смотрим : официальный сайт. – 2023. – 20 апр. – URL: <https://smotrim.ru/article/3313295> (дата обращения: 10.09.2023).

7. Филиппова, Е. Выросло число дипломов в виде бизнес-проектов / Е. Филиппова. – Текст : электронный // Российская газета : сайт. – 2023. – 18 апр. – URL: <https://rg.ru/2023/04/18/startap-proverit-nejroset.html> (дата обращения: 10.09.2023).

8. Стартап как диплом. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – 2020. – 20 нояб. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/25900/> (дата обращения: 11.09.2023).

9. На конкурс «Студенческий стартап» поступило более 4 тысяч заявок — в 2 раза больше, чем в прошлом году. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – 2023. – 04 сен. – <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66822/> (дата обращения: 10.09.2023).

10. Программа «Стартап как диплом» запускается в 25 новых субъектах Российской Федерации. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – 20 фев. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/29635/> (дата обращения: 11.09.2023).

11. Алашеева, С. А. Особенности реализации проектной деятельности студентов / С. А. Алашеева. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2020. – № 5. – С. 90–93.

12. Пустовойтова, О. В. Особенности организации проектной деятельности со студентами вузов по гуманитарным направлениям подготовки / О. В. Пустовойтова. – Текст : непосредственный // Мир детства и образование : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 21 мая 2021 года. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2021. – С. 152–156.

13. Кудинова, О. С. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций / О. С. Кудинова, Л. Г. Скульмовская. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 104. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27928>

14. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005–2010. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Менеджмент риска информационной безопасности : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утв. и введ. в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2010 г. № 632-ст : взамен ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 13335–3–2007 и ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 13335–4–2007 : дата введ. 2011-12-01. – Москва : Стандартинформ, 2021. – 46 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Zhandarova, I., & Kapranov, O. (2023). V Rossii ustanovilsya defitsit aytishnikov. Kak ego vospolnit? Rossiyskaya gazeta. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2023/08/17/vziat-v-razrabotku.html>
2. Otsenena potrebnost' rossiyskogo rynka v IT-spetsialistakh. (2023). Praym. (In Russian). Available at: <https://1prime.ru/itb/20230926/841820738.html>
3. Shadaev otsenil defitsit aytishnikov v 500-700 tys. chelovek. (2023). RBK. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789a7947ec1d11a641>
4. V Rossii katastroficheskaya nekhvatka opytnykh IT-spetsialistov. Kompanii ikh ishchut i ne mogut nayti mesyatsami. (2023). CNews. (In Russian). Available at: https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-12_v_rossii_katastroficheskaya
5. Method proektnogo obucheniya v vysshih uchebnykh zavedeniyakh. Elektronno-bibliotecnaya sistema Lan'. (In Russian). Available at: <https://lala.lanbook.com/metod-proektnogo-obucheniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah>
6. Tyumenskaya oblast' - lider v strane po studencheskim startapam. (2023). Smotrim. (In Russian). Available at: <https://smotrim.ru/article/3313295>
7. Filippova, E. (2023). Vyroslo chislo diplomov v vide biznes-proektov. Rossiyskaya gazeta. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2023/04/18/startap-proverit-nejroset.html>
8. Startap kak diplom. (2020). Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/25900/>
9. Na konkurs "Studencheskiy startap" postupilo bolee 4 tysyach zayavok - v 2 raza bol'she, chem v proshlom godu. (2023). Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66822/>
10. Programma "Startap kak diplom" zapuskaetsya v 25 novykh sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii. (2021). Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/29635/>
11. Alasheeva, S. A. (2020). Features of realization of students' project activity. Modern scientist, (5), pp. 90-93. (In Russian).
12. Pustovoitova, O. V. (2021). Features of the organization of project activities with university students in humanities training. Mir detstva i obrazovanie: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., pp. 152-156. (In Russian).
13. Kudinova O. S., & Skulmovskaya, L. G. (2018). Project activity in a university as the basis of innovation. Modern Problems of Science and Education, (4), pp. 104. (In Russian). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27928>
14. ISO/IEC 27005-2010. Information technology. Security techniques. Information security risk management. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Спирин Игорь Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8715-0384>

Величко Андрей Николаевич, старший преподаватель кафедры математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5372-8214>

Барбаков Олег Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, omb@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Igor S. Spirin, Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Mathematics and Applied Information Technologies, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8715-0384>

Andrey N. Velichko, Senior Lecturer at the Department of Mathematics and Applied Information Technologies, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5372-8214>

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Mathematics and Applied Information Technologies, Industrial University of Tyumen, omb@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.10.2023.

УДК 314

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161

Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона

Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин*

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Тюмень, Россия

**ajelers@gmail.com*

Аннотация. В ситуации иммиграции семья оказывается под давлением новых условий жизни, воздействие которых так или иначе изменяет социальный статус, образ жизни семьи, ее членов, систему ценностных ориентаций, мотивацию жизнедеятельности. Массовидность международной миграции семей в Россию делает актуальной исследовательскую задачу выявления связанных с этим основных тенденций трансформации института мигрантской семьи и социокультурной ситуации в принимающем обществе, социальных эффектов этой трансформации для всех ее участников (в контексте сохранения национальной социокультурной самобытности семьи, а также социального, экономического и политического развития территории). В статье актуализируется теоретическая и прикладная значимость «проявления» семей мигрантов как формы миграционного поведения и предмета социологического исследования как недостаточно изученного феномена, порождающего новые формы семьи, непосредственно влияющего на процессы интеграции мигрантов в принимающее общество, на само это общество, на семейность населения. Решение этих исследовательских задач затруднено отсутствием официальной статистики миграции семей, из-за чего невозможно оценить масштаб данного социального явления. В связи с этим авторы попытались на основе статистических данных, характеризующих иные количественно измеряемые аспекты миграционных процессов, продемонстрировать возможность применения метода Ферми для приблизительной оценки миграционного прироста семей. Получены примерные оценки числа семей мигрантов, въехавших в Россию/Тюменскую область за 2017–2021 гг. из трех стран СНГ (Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан). Информация может быть использована в научных целях в рамках продолжения исследований семьи, а также для оценки эффективности различных государственных программ миграционной и семейной политики в регионе.

Ключевые слова: семья мигранта, семейная миграция, статистика миграции, семейная политика, Тюменская область

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

Для цитирования: Ткачева, Н. А. Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона / Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 142–161.

Families with migration history in the context of regional social development policy

Nina A. Tkacheva, Andrey V. Yudashkin*

Industrial University Tyumen, Tyumen, Russia

West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

**ajelers@gmail.com*

Abstract. When a family immigrates, they face the pressure of adjusting to new living conditions. These changes can have a significant impact on the family's social status, lifestyle, members, system of value orientations, and motivation for life activities. The considerable migration of families to Russia necessitates the identification of key trends in the transformation of migrant family institutions and the socio-cultural conditions within host societies. It is essential to examine the social impact of this transformation on all parties involved, including the preservation of national socio-cultural identities of families, as well as the social, economic and political development of the region. The article highlights the theoretical and practical importance of migrant family "manifestation" as a migration behavior and sociological research topic, which is still poorly studied. This phenomenon generates new family forms and directly impacts the integration processes of migrants into the host society, the society itself, and the family structure of the local population. The authors faced difficulties in resolving research tasks due to the unavailability of official statistics on family migration, which impedes the estimation of the magnitude of this social phenomenon. To address this issue, they aimed to showcase the applicability of the Fermi method to approximately gauge the growth of family migration based on statistical information pertaining to other quantifiable facets of migration processes. The authors have estimated the approximate number of migrant families entering Russia/Tyumen region during 2017 to 2021 from three CIS countries (the Kyrgyz Republic, the Republic of Uzbekistan, and the Republic of Tajikistan). This information can be used for scientific purposes as part of the continuation of family research, as well as to evaluate the effectiveness of various state programs of migration and family policy in the region.

Keywords: migrant family, family migration, migration statistics, family policy, Tyumen region

Acknowledgements: The article was prepared based on research supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00377 "Family on the move: theoretical and empirical problems in the context of labor migration in Russia".

For citation: Tkacheva, N. A., & Yudashkin, A. V. (2023). Families with migration history in the context of regional social development policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 142-161. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161

Введение

В научной литературе, в СМИ имеют место многочисленные публикации, в которых рассматриваются различные теоретико-методологические и прикладные вопросы семейной миграции, в том числе проблемы семей, участвующих в межгосударственных миграционных перемещениях (семей с детьми, семейных пар, разделенных семей, воссоединяющихся семей и пр.). Изучается, фиксируется, анализируется влияние этого участия на формы и характер семейных отношений, на воспитание и образование детей (их перемещение является по сути вынужденным, зависящим от родителей; перемещение жен также во многих случаях является вынужденным); избираемые этими семьями способы сбережения/сохранения традиционных для них семейных ценностей, испытывающих влияние социокультурной ситуации в принимающем обществе; способы адаптации семей к новым для них социокультурным условиям жизнедеятельности и т. п. В сфере внимания оказываются также социальные изменения в принимающем обществе, появление, масштаб и характер которых связаны с миграционным пополнением числа семей: они оказываются важным фактором, влияющим на семейность населения, изменяющим социокультурную среду принимающего общества, их совокупность образует подсистему сложившегося социального института семьи, видоизменяет и его, и взаимодействующие с ним иные социальные институты.

Представляется, что мигрантские семьи имеют больше шансов, чем мигранты-одиночки, стать в принимающей территории постоянным населением, «врасти» через детей (интегрироваться) в современную историю и перспективы социального развития страны, региона, населенного пункта. П. П. Лисицын, опираясь на результаты своих исследований, утверждает, что иммигрант, «наделенный определенными характеристиками (семейное положение, характер занятости и т. д.), с большей долей вероятности останется на долгий срок или будет стремиться получить постоянное местожительство» [1]; к похожему выводу приходят и некоторые зарубежные исследователи: так, Х. Yang [2] показал, что мигранты-одиночки в городах в отличие от семейных мигрантов часто считают себя временными жителями и, следовательно, с большей вероятностью снова мигрируют в ближайшем будущем.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы указывается, что «задачами миграционной политики являются... совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих... добровольное переселение в Российскую Федерацию на постоянное место жительства... лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество» [3]. Семейная миграция — важный ресурс роста постоянного населения — должна стать предметом специального интереса государственной власти, ставящей задачу социального и экономического развития и необходимого для этого прироста населения.

К сожалению, в настоящее время государственная (общая и ведомственная) статистика не «видит» такого субъекта международного миграционного процесса, как семья или семья с детьми, как семейную группу, ячейку, а фиксирует только отдельные количественные параметры перемещения семьи (например, въезд несовершеннолетних детей, семейное положение мигранта). По нашему мнению, имеет место некая теоретико-методологическая недостаточность и эмпирическая неопределенность, связанная с неразработанностью понятий «мигрантская семья» и «семья мигрантов», «семейная миграция», отсутствием их достаточно общепринятого понимания: в научных публикациях, в СМИ они широко используются, но зачастую даже номинально не описываются, поскольку представляются авторам публикаций интуитивно ясными, фиксирующими факт переезда, перемещения семьи из страны проживания в принимающий регион. И если для текстов в СМИ этого бывает достаточно, то научные тексты, статистический учет требуют логически корректного построения и использования понятий, отражающих предмет исследования или учета, указания на его существенные признаки. Так, требуют обсуждения существенные признаки семейной миграции, позволяющие достаточно строго выделить ее в миграционных процессах, дать ей количественные и качественные оценки, оценить механизмы и характер влияния на семейность населения, на региональную инфраструктуру семейности, на демографические тенденции, на социокультурную ситуацию в регионе; необходимо выявить признаки семьи мигрантов (мигрантской семьи), которые могли бы дать достаточно строгие основания для статистического учета или, например, для решения важного для государственного управления вопроса о том, когда мигрантская семья перестает быть мигрантской, какие качественные характеристики она для этого должна утратить или приобрести.

Сам факт международной семейной миграции в Россию и переживаемые в связи с этим последствия для приезжающих семей и для принимающего общества вызывает активный общественный интерес, освещается в СМИ. Так, «Независимая газета» [4], характеризуя миграционную политику РФ как стратегически невнятную и тактически противоречивую, описывает, в частности, весьма категоричные позиции «ряда экспертов», связывающих въезд гастарбайтеров с семьями с преимущественно негативными последствиями (ростом преступлений и правонарушений, совершаемых иностранными гражданами, в том числе против несовершеннолетних; угрозами сохранению духовных традиций и стабильности общества, рисками социально-политической напряженности, сокращения числа рабочих мест для коренных жителей; дополнительной нагрузкой на социальную сферу, здравоохранение, образование и т. д.; перспективами образования в стране закрытых анклавов, расширения бытовых насильственных конфликтов на почве этнической или религиозной розни), требующих ограничений и даже запрета на въезд в страну мигрантов с семьями.

MEDIA-MIG, позиционирующая себя в Telegram (https://t.me/media_mig_ru) как информационная и экспертно-аналитическая площадка по проблемам трудовой миграции, миграционной политики и регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, оппонируя «Независимой газете», приводит иные оценки последствий семейной миграции [5]: «приезд мигрантов в Россию вместе с близкими снижает уровень преступности в этой среде... при условии качественного включения каждого из членов такой семьи в принимающее общество... Приезд трудового мигранта с родными вполне может быть использован как позитивный фактор, ведь семейный человек объективно менее склонен к криминалу и дорожит безопасностью... Семейственность иностранных граждан... послужит хорошим подспорьем для нормализации трудовой миграции и укрепления российского общества». И, напротив, молодые мужчины, составляющие основную категорию миграции, — «категория, потенциально склонная к преступности и насилию, которая составляет основную опасность для российского общества».

Авторы статьи, для которых миграционные процессы представляют предмет специального научного интереса (один из соавторов посвятил проблемам миграционной политики докторскую диссертацию, другой является участником научного коллектива, реализующего научно-исследовательскую работу (НИР) на тему «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России» при поддержке гранта Российского научного фонда, решили принять участие в обсуждении некоторых проблем миграции семей, в том числе предложить метод расчета количества семей, ежегодно прибывающих в Тюменский регион из стран СНГ (Киргизской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан), для приближенной количественной оценки семейной миграции, что позволит прогнозировать статистические тенденции и тем самым возможное изменение нагрузки на социальную сферу территории, обеспечивающую жизнедеятельность семей в регионе.

Литературный обзор

Обсуждение дефиниции

1. Миграционное поведение населения составляет традиционный предмет социологических исследований в России и в иных странах. Изучаются социальные

условия, факторы и мотивы его порождающие и стимулирующие, трудовая и демографическая структура миграционных потоков, статистика и пространственные аспекты различных видов миграции, проблемы социальной адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее сообщество, самоорганизации складывающихся при этом территориальных этнических сообществ, сохранения их национальной социокультурной самобытности, социально-экономические и социально-демографические последствия миграции для принимающего региона, возможности и пределы управления миграционными процессами в интересах социального, экономического и политического развития территории. Значительный вклад в становление и развитие социологического знания миграции внесли российские социологи, демографы: Е. А. Варшавер, А. Г. Вишневский, А. В. Дмитриев, Г. Е. Зборовский, В. В. Локосов, А. Л. Маршак, В. И. Мукомель, Т. К. Ростовская, Л. Л. Рыбаковский, С. В. Рязанцев, В. А. Тишков; плодотворно занимались его приращением тюменские социологи: М. Л. Белоножко, Г. Ф. Куцев, А. Н. Силин, С. Г. Симонов, Н. Г. Хайруллина и др.

Мигранты могут приезжать на заработки, для учебы, лечения и т. д., однако при изучении возникающих при этом проблем необходимо принимать во внимание, приезжает ли мигрант с семьей, заводит ли семью на принимающей территории, ставит ли и реализует ли перед собой цель воссоединения с семьей, оставшейся на родине, и т. п. — это неоспоримо важные аспекты, изучение которых поможет лучше понять процесс интеграции мигрантов в российское общество. Изучение социологической литературы позволяет увидеть, что до настоящего времени в качестве участников (и статистических единиц), из совокупности которых формируются миграционные потоки, рассматриваются в большинстве случаев отдельно взятые трудовые, образовательные или иные мигранты, миграция семей статистически не фиксируется, недостаточно изучаются и проблемы семей мигрантов, и порождаемые этим процессом социальные проблемы принимающих территорий.

Можно утверждать, что в настоящее время еще недостаточно отечественных научных исследований проблем семей мигрантов, при том что они явственным образом ощущаются обществом, что достаточно велико количество трудовых мигрантов, нацеленных на то, чтобы укорениться, обжиться в России с семьей (супругой, детьми, старшим поколением). Участие семей в миграционных процессах изменяет практики родительства, семейные системы, характер семейных отношений, порождает новые их формы, новые типы семей (вторые, временные, дистантные семьи и т. п.). Это ставит новые проблемы и для миграционной, и для семейной политики власти, и для политики в сфере социально-экономического и социокультурного развития. Включение семей мигрантов в существующие социальные институты, встраивание их в сложившуюся связность местных социумов требует взаимной адаптации и приспособления, влияет не только на семьи приезжих, но и на принимающие структуры и институты, порождает трансформации в семейных отношениях, характерных для принимающего общества, что означает его определенное преобразование.

2. Международное право, регулирующее вопросы миграции, не дает общепринятых дефиниций понятия «мигрант» и понятий «семья мигрантов», «мигрантская

семья», «семейная миграция». В справочнике по терминологии в области миграции Международной организации по миграции прямо указывается, что «...на международном уровне не существует общепринятого определения. Обычно считается, что термин мигрант охватывает все случаи, когда решение о миграции человек принимает свободно, по причинам «личного удобства» и без вмешательства внешнего принудительного фактора. Этот термин применяется к лицам и членам семьи, переезжающим в другую страну или регион для улучшения своих материальных или социальных условий и улучшения перспектив для себя или своей семьи» [6].

В Международной конвенции о защите всех прав рабочих-мигрантов и членов их семей используется понятие «трудящийся-мигрант и члены его/ее семьи» — это «лица, состоящие в браке с трудящимися-мигрантами или состоящие с ними в таких отношениях, которые в соответствии с применимым правом могут быть приравнены к браку, а также находящиеся на их иждивении дети и другие лица, которые признаются членами семьи в соответствии с применимым законодательством или двусторонними или многосторонними соглашениями между соответствующими государствами» [7]. С формально-логической точки зрения мы имеем дело с номинальным определением понятия, описывающим круг лиц, на которых распространяется действие Конвенции. По тексту документа можно увидеть, что при употреблении этого словосочетания в ряде случаев в объеме обозначаемого им понятия мыслится семейная группа, ячейка и оно может пониматься как синоним понятий «семья мигрантов», «мигрантская семья»¹.

Не существует соответствующих дефиниций и в российском праве: так, в выше-названной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [3] используется понятие «иностранные граждане и их несовершеннолетние дети», которое, на наш взгляд, не может удовлетворить потребности социологического исследования проблем семей мигрантов, так как, во-первых, исключает из семейной группы совершеннолетних детей или дедушек и бабушек, нередко непосредственно участвующих в миграционном переходе семьи и в рамках транснационального подхода рассматриваемых в качестве членов транснациональной семьи; во-вторых, исключает из сферы исследования те семьи мигрантов, которые приобрели в установленном порядке российское гражданство — это важнейший признак семьи, его утрата формально прекращает миграционный статус семьи, но не прекращает ее миграционную историю: с приобретением гражданства процесс социокультурной адаптации членов семьи в принимающее сообщество отнюдь не заканчивается.

Авторы отечественных социологических публикаций при всем многообразии исследуемых ими аспектов жизнедеятельности семей, совершивших миграционный переход, во многих случаях не формулируют логически внятного определения понятий «семья мигрантов» или «мигрантская семья».

¹ По нашему мнению, следует все же различать два последних понятия, имея в виду прежде всего их использование при разработке методики социологического исследования: например, два мигранта-одиночки могут образовать семью мигрантов, но не мигрантскую семью — участницу практически всех этапов миграционного процесса; у них разные миграционные истории, разные условия автономности/устойчивости на каждой фазе жизненного цикла семьи.

Так, А. А. Авдашкин, исследуя на Южном Урале проблемы мигрантов из Киргизской Республики, не делает никаких отсылок на свою или чью-либо трактовку понятия «семья мигрантов», фиксирует при этом трансформирующее влияние ситуации в принимающем сообществе на семью мигрантов, в которой «... меняется отношение к традиции. ...Женщины в подобных семьях чаще пользуются косметикой, прибегают к разного рода косметическим процедурам (наращивание ресниц и пр.), меняют прически (и цвет волос). Контроль (включая проверку переписки и звонков в смартфонах) со стороны братьев и отцов не настолько тотален, круг общения обычно полиэтничен» [8].

В. С. Хамидулин в контексте рассматриваемой им теории ассимиляции затрагивает вопросы «способности семей иммигрантов, которые располагают некоторым человеческим капиталом, справляться с факторами, которые влияют на их жизнь в принимающей стране, то есть с особенностями социального контекста и политики правительства» [9], различает «консонантную аккультурацию»..., преобладающую среди детей в семьях «специалистов и иммигрантов с высоким объемом человеческого потенциала», и «диссонантную аккультурацию... в семьях рабочего класса, когда недостаток человеческого и социального капитала ведет к тому, что усвоение детьми иммигрантов ценностей и языка принимающего общества сопровождается отвержением ценностей и языка, связанных с их родителями» [9]. Полагая недостаточно обоснованным предположение о том, что диссонантная аккультурация прямо связана с недостатком человеческого и социального потенциала и поэтому «наблюдается в семьях рабочего класса» (по нашему мнению, не только в этих семьях), отметим, что и автор не раскрывает содержание понятия «семья мигрантов».

П. П. Лисицын, изучая содержание и границы миграционного процесса, не «видит» в качестве его участника семью как группу людей, связанных семейными отношениями; одновременно, выделяя категорию семейных иммигрантов, предлагает различать в качестве их формальных характеристик официальные документы: набор документов, подтверждающих цель приезда, а именно — воссоединение с семьей или гарантирующих брак; а в качестве неформальных характеристик — реальные, фиксируемые исследователем действия, направленные на удовлетворение цели приезда, то есть на воссоединение с семьей или регистрацию брака. Различая в миграционном процессе две составные части/этапа (получение статуса иммигранта и последующий выход из статуса иммигранта), полагает, что второй этап можно считать завершенным как в результате выезда или смерти иммигранта, так и при смене «статуса временного места жительства на постоянное» [1] — видимо, окончание миграционного процесса означает и формальное прекращение статуса «мигрант» или «семья мигрантов» для его участников. Иную позицию высказал А. М. Степанов [10], который в рамках транснационального подхода обнаруживает «продление» миграционного процесса после его формального завершения с принятием гражданства. Если в жизни семьи продолжают «транснациональные практики» — систематические поездки на родину и общение с оставшимися там родственниками, участие в политической жизни (в выборах) и т. д., то участие ее в миграционном процессе не заканчивается. Однако, на наш взгляд, такое представление о транснациональной семье не помогает определить, может ли наступить период,

момент жизни такой семьи, когда с точки зрения принимающего общества она утрачивает социальный статус «семья мигрантов»?

Ш. Ю. Акрамов, Ф. Ш. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова, исходя из целей своего исследования, в качестве существенного признака семей, отнесенных ими к семьям мигрантов из Республики Таджикистан, указывают на гражданство, различая пять типов семей: «1) муж с женой — оба граждане Республики Таджикистан; 2) муж, жена с детьми — все они граждане Республики Таджикистан; 3) муж, жена с детьми — один из родителей гражданин России; 4) муж, жена с детьми — один из родителей и ребенок имеют гражданство России; 5) муж, жена с детьми — родители имеют двойное гражданство... Положение этих категорий семей мигрантов различается, однако между теми и другими нет четких границ» [11], фиксируют при этом важное наблюдение, что «... в Российском обществе не судят по наличию паспорта гражданина России, а какой нации ты принадлежишь. Поэтому семьи иммигрантов из Республики Таджикистана спустя 10 лет по статистике входят к числу старожилов, а в жизни относятся к ним как мигрантам» [11] (*примечание: цит. как в тексте*).

К сожалению, логика номинального определения не подразумевает указания на существенные признаки описываемого предмета, его применение авторами комментируемой публикации не проясняет их представления о содержании используемого ими термина, хотя и описывает признаки осуществленной группировки семей. Отметим, что в статье нет аргументации в отношении приписывания статистике права или обязанности признавать мигранта старожилом после 10 лет его пребывания в России. Не можем согласиться и с категоричностью процитированного утверждения об отношении к мигрантам с его видимой негативной коннотацией. Напротив, российское население чаще демонстрирует терпимость по отношению к мигрантам, даже если их поведение порой не соответствует общепринятым нормам и традициям. В вышеупомянутом исследовании «Семья в движении...» в ходе опроса представителей учительского коллектива одной из школ города Тюмени, в ученическом коллективе которой значительна доля детей из семей мигрантов из стран СНГ, на вопрос о том, когда, по мнению учителей, семьи мигрантов, с детьми которых они работают, перестают быть мигрантскими, был получен ответ: «Наши учителя вообще не называют эти семьи словом “мигрантская”, ну, приехала семья и что? Важно, как дети говорят по-русски. У нас, получается, основная масса таджиков, узбеков — либо с двойным гражданством, либо с гражданством Российской Федерации, без гражданства — единицы. Чтобы объяснить, что это мигранты, мы говорим «не говорящие», вот когда мы так сказали — “не говорящие”, вот тогда можно понять, что здесь, скорее всего, мигранты. То есть те, с которыми нужно усиленное работать».

Г. И. Осадчая [12], отмечая первостепенную значимость семьи как ценности для молодых мигрантов из Киргизской Республики, выявленную ею в исследовании, далее по тексту статьи, к сожалению, не освещает тему их личного семейного статуса, самочувствия их семей, важнейшую для анализа условий и факторов адаптации мигрантов в принимающее сообщество, не выделяет семейных мигрантов в структуре выборки, не

обсуждает особенности адаптации этой группы мигрантов, не выделяет эту группу в ходе анализа уровня социальной адаптации различных групп молодых мигрантов из Киргизской Республики.

В. М. Пешкова, исследуя концепт «транснациональное детство», обратила внимание на отсутствие «единого определения миграционного статуса несовершеннолетнего» [13], переезжающего вместе с родителями/родственниками и тем более остающегося в стране исхода в «мигрантском социальном пространстве» [13], что, на наш взгляд, порождает сложность теоретической интерпретации и статистической оценки детской миграции и вместе с ней семейной миграции, мигрантской семьи. Важной для нашей темы полагаем сделанную ею отсылку на исследование S. Johnsdotter в 2015 году [14] в связи с обращением к концепции «транснациональная семья», используемой в рамках транснационального подхода в исследованиях семейных отношений в условиях миграции: на практике в конкретных юрисдикциях, регулирующих свои модели семьи и отношения к детям, транснациональная семья может не существовать для семейного и миграционного права, для статистического учета.

А. Ю. Толмачева утверждает, что «миграция всей семьей зачастую облегчает вхождение в новые условия жизни, так как человек постоянно чувствует психологическую поддержку со стороны близких и значимых для него людей» [15], в рамках транснационального подхода рассматривает семейную миграцию «не как прямой путь с конечной точкой, а как двусторонний процесс постоянного взаимодействия мигрантов и со страной происхождения, и с новым местом проживания, процесс выстраивания нового межгосударственного социального пространства»; тогда объектом исследования становится «не мигрант как самостоятельный объект исследования, а расширенная семья, члены которой проживают в разных государствах, при этом постоянно сохраняя полноценное взаимодействие и эмоциональную вовлеченность в жизнь друг друга» [15]. Вместе с тем понимание «семейной миграции» как переезда «одного, нескольких членов или всей нуклеарной семьи» [15], на наш взгляд, недостаточно, неполно, так как не позволяет логически строго очертить границы объема данного понятия, когда в сферу внимания исследователя попадают, например, и те члены семьи в стране исхода (не только дети), которые физически, непосредственно в миграционном переходе вовсе не участвуют, или семейные мигранты-одиночки, жизнедеятельность которых в принимающей стране/регионе практически не имеет отношения к проблематике семейной политики органов власти, к функционированию социальной инфраструктуры семейной жизни.

О. Бредникова и Г. Сабирова, обсуждая результаты проведенного ими исследования особенностей родительства и родительских стратегий мигрантов, делают однозначный вывод о том, что «транснациональные контексты проблематизируют родительство. С одной стороны, они предоставляют новые шансы, с другой — становятся серьезным вызовом не только в связи с проблемами интеграции детей, но и в связи с необходимостью определить и создать своим детям ясную, комфортную и перспективную «систему координат»» [16]. Отметим, что по тексту статьи не описывается понимание ее авторами понятия «семья мигрантов», говорится о «семьях, вовлеченных в миграцию», «о детях с миграционной историей» [16].

Однако, по нашему мнению, признак вовлеченности в миграцию сам по себе недостаточен для дифференциации семей, указания на их специфику: миграционная история может быть найдена у большинства семей (история внутренней или внешней, временной или возвратной и т. п. миграции). Возможно, что своей миграционной историей обладают большинство семей — давней и недавней, окончившейся или продолжающейся, насыщенной негативными моментами или позитивными результатами, оставившей в жизни семьи неизгладимый след или легко позабытой и т. п.

В связи с этим считаем возможным сформулировать гипотетическое предположение — ответ на вопрос, когда мигрантская семья (семья с мигрантской историей) перестает быть, считаться мигрантской в принимающем обществе, теряет этот социальный статус, завершает в основном период своей адаптации к условиям в принимающем социуме: признак вовлеченности семьи в миграцию не стигматизирует семью «на веки вечные»; он может быть значимым для оценки ее социального статуса как мигрантской семьи, пока «исторический след» этой вовлеченности не перестает быть существенным для текущей жизнедеятельности семьи (и это может быть эмпирически зафиксировано, выявлено в самооценке членов семьи), когда он снижается в иерархии ценностно-ориентационных доминант и становится историко-культурным контекстом, фоном и для самоидентификации семьи и ее членов в принимающей стране/регионе, и для социального самочувствия семьи, характера ее отношений и взаимодействия с социальными институтами и иными акторами. Верификация данной гипотезы будет иметь значение для совершенствования мер миграционной и семейной политики по адаптации семей мигрантов в принимающем обществе, авторы предполагают посвятить ее обоснованию специальную статью.

Материалы и методы

Статистическая оценка миграционного обмена Тюменской области с иными регионами

Тюменская область как субъект Российской Федерации, демонстрирующий в XXI веке достаточно высокие результаты социально-экономического развития, является регионом-реципиентом, привлекательным для миграции. В таблице 1 приведены сведения о миграционном потоке в Тюменскую область (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) в 2017–2021 гг.

Из таблицы следует, что основной миграционный обмен Тюменской области (без автономных округов) осуществляется в пределах России, имеют место достаточно интенсивные миграционные потоки, миграционный прирост населения (число людей, ежегодно прибывавших в регион в этот период, составляло 3–4 % от числа жителей региона на конец года). Основную массу миграционного прироста населения области в 2017–2021 гг. формирует миграционный обмен населением с другими странами, а именно со странами СНГ, в том числе наиболее весом миграционный приток населения из Республики Таджикистан.

Таблица 1

Миграция населения в Тюменской области (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) в 2017–2021 гг. (человек) [17]

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1. Прибыло — всего	63 435	65 430	62 941	51 567	53 685
в том числе:					
1.1. в пределах России	52 577	56 667	52 206	44 833	46 591
в том числе:					
внутри региона	35 323	37 942	35 893	30 090	31 535
из других регионов	17 254	18 725	16 313	14 743	15 056
1.2. из других стран	10 858	8 763	10 735	6 734	7 094
в том числе:					
1.2.1. из стран СНГ, всего	10 274	8 49	9 804	6 177	6 727
в том числе из:					
Киргизской Республики	1 752	817	1 291	526	830
Республики Таджикистан	2 855	2 338	1 279	1 102	1 349
Республики Узбекистан	1 990	1 246	550	338	262
1.2.2. из стран дальнего зарубежья	584	514	931	557	367
2. Выбыло — всего	47 848	49 747	47 292	45 492	41 916
в том числе:					
2.1. в пределах России	42 101	45 794	44 045	39 414	39 787
в том числе:					
внутри региона	28 864	31 821	30 378	26 722	27 099
в другие регионы	13 237	13 973	13 667	12 692	12 688
2.2. в другие страны	5 747	3 953	3 247	6 078	2 129
в том числе:					
2.2.1. в страны СНГ, всего	5 331	3 438	2 807	5315	1893
в том числе в:					
Киргизскую Республику	1 989	1 347	740	969	206
Республику Таджикистан	655	131	222	451	322
Республику Узбекистан	129	67	100	260	74
2.2.2. в страны дальнего зарубежья	416	515	440	763	236
3. Миграционный прирост, убыль (-) – всего	15 587	15 683	15 649	6 075	11 769
в том числе в результате:					
3.1. передвижений между регионами в пределах России	4 017	4 752	2 646	2 051	2 368
3.2. миграционного обмена населением с другими странами	5 111	4 810	7 488	656	4 965
в том числе:					
3.2.1. со странами СНГ	4 943	4 811	6 997	862	4 834
в том числе с:					
Киргизской Республикой	-237	-530	551	-443	624
Республикой Таджикистан	2 200	2 207	1 057	651	1 027
Республикой Узбекистан	1 861	1 179	450	78	188
3.2.2. со странами дальнего зарубежья	168	-1	491	-206	131
3.3. Миграционный прирост, убыль (-) на 1 000	10,5	10,4	10,2	3,8	7,6

Имея в виду предмет нашей статьи, следует констатировать, что статистических сведений о въезде семей из-за рубежа в Россию/регион не существует; формы документов, утвержденные действующими нормативными правовыми актами [18; 19], регламентирующими миграцию в Российской Федерации и ее статистический учет, регистрацию въезда семей как семейных групп, ячеек, не предусмотрены. Тем более на данный момент не существует статистики семей в стране/регионе, имеющих в своей истории миграционную составляющую (миграционную историю) — эти эпизоды семейной истории статистически отчетливо «видны» лишь в случае одномоментного переезда семьи в новый регион, когда только и можно без оговорок идентифицировать ее как семью мигрантов. Полагаем все же важным для анализа и оценки места и роли мигрантской семьи выделение этой категории в официальной статистике как единицы статистического учета.

Расчетный метод приближенной количественной оценки семейной миграции

В имеющихся условиях единственной возможностью оценки, например числа мигрантских семей, въезжающих в Россию/регион, является тот или иной способ агрегации отдельных фрагментов статистики из разных источников. В отсутствие такой возможности для приблизительной оценки этого значения авторы обратились к методу Ферми (Энрико Ферми (1901–1954), итальянский физик, наиболее известный своим вкладом в ядерную физику и развитие квантовой теории, за что был удостоен Нобелевской премии по физике 1938 года). Его суть заключается в том, чтобы на основе существующих косвенных данных сделать предположение, максимально близкое к неизвестному реальному значению. Данный метод достаточно широко используется в науке и бизнесе, когда в условиях малого количества времени и недостаточности данных требуется дать максимально точную оценку [20].

Ферми предложил для числовой оценки какого-либо феномена использовать косвенную информацию, которая на первый взгляд кажется недостаточной для того, чтобы дать результат. Согласно его идее, ряд последовательных приблизительных подсчетов позволяет уточнить итоговый ответ, определяя некий интервал, в который наиболее вероятно «попадет» искомое значение [21]. Показано [22], что, как правило, чем больше сделано допущений и оценок, тем больше ошибок в оценке компенсируется, а среднее значение оценок, полученных с использованием различных предположений и логик рассуждений, является более точным, чем каждое из них по отдельности.

Полагаем, что метод Ферми может иметь достаточно универсальное значение. В частности, он может оказаться полезным в прикладных социологических исследованиях для оценки объема и структуры генеральной совокупности.

Результаты и обсуждение

Попытаемся применить описанный метод к решению задачи — оценить число ежегодно приезжающих в Тюменскую область семей мигрантов из стран СНГ (а именно из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики, как это определено условиями гранта РНФ) для работы, обучения, лечения и т. п. Будем ис-

пользовать для этого официальные статистические данные об объеме миграционного потока из этих стран в область, его возрастной структуре и показателях детности семей в названных странах в 2017–2021 гг.

При этом учтем, что статьей 3 вышеуказанного Административного регламента [18], утвержденного приказом МВД РФ, установлено, что в отношении иностранного гражданина, не достигшего возраста восемнадцати лет, заявителями при предоставлении государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации являются родитель, усыновитель, опекун или попечитель. Можно сделать предположение, что в случае, если в миграционной службе МВД России обрабатывается такого рода заявление, то по существу происходит как бы регистрация факта въезда семьи с детьми в Россию/регион.

Официальных статистических сведений о возрасте мигрантов из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики, въехавших в Тюменскую область, в открытом доступе найти не удалось, в связи с этим приходится делать еще одно допущение, что доля граждан, не достигших возраста восемнадцати лет, среди всех граждан, въехавших из этих стран в регион в 2017–2021 гг., соответствует доле граждан данного возраста среди всех граждан, въехавших в этот период в регион из стран СНГ, то есть, как следует из таблицы 2 : $4\,086/41\,231 \times 100 = 9,9\%$. Исходя из этого рассчитаем количество граждан, не достигших 18 лет, в миграционных потоках из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики в 2017–2021 гг.

Таблица 2

Миграционный поток в Тюменскую область (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) граждан в возрасте до 18 лет из стран СНГ, в том числе из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики в 2017–2021 гг., (человек) [23]

	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Прибыло из стран СНГ — всего	10 274	8 249	9 804	6 177	6 727	41 231
в том числе в возрасте 0–17 лет	398	520	1 318	868	982	4 086
в том числе из:						
Киргизской Республики, всего	1 752	817	1 291	526	830	5 216
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	173	81	128	52	82	516
Республики Таджикистан, всего	2 855	2 338	1 279	1 102	1 349	8 929
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	283	231	127	109	135	885
Республики Узбекистан, всего	1 990	1 246	550	338	262	4 386
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	197	123	54	33	26	433

Примем во внимание имеющуюся информацию о средней детности семей в названных странах СНГ в 2017–2021 гг. К сожалению, официальная статистика этих стран практически ее не обнаружит, поэтому мы можем только опереться на опубликованные данные коллег — социологов, демографов, которые также носят в некоторых случаях оценочный характер. В частности, по сведениям А. А. Авдеева и И. А. Троицкой [24], в Киргизской Республике для городской семьи среднее число детей составляет 3,6, а для сельской семьи — 4,2; в большинстве семей из Республики Узбекистан, по оценке Ш. Г. Акрамовой и Н. Н. Юлдашева [25], — 2–3 ребенка; примем среднее этих чисел (соответственно, 3,9 и 2,5) за показатели средней детности семьи в этих странах. Если в 90-е годы в таджикской семье в среднем было 5–6 детей, сейчас уже лишь три ребенка [26].

Теперь мы можем оценить количество семей с детьми, въехавших в регион в 2017–2021 гг., разделив число граждан в возрасте до 18 лет (см. табл. 2), приехавших из страны, на среднее число детей в семье в соответствующей стране (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка количества семей с детьми, въехавших в Тюменскую область
(кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов)
в 2017–2021 гг. (единиц)**

Прибыло семей с детьми из:	Всего	в том числе в:				
		2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Киргизской Республики	132	44	21	33	13	21
Республики Таджикистан	295	94	77	42	36	45
Республики Узбекистан	173	79	49	22	13	10

Безусловно, полученные значения необходимо проверить с помощью других способов сбора и анализа статистической информации, однако представляется, что описанный алгоритм позволяет в первом приближении оценить сравнительный «вклад» миграции семей из названных стран в увеличение социальной нагрузки на семейную инфраструктуру территории, необходимость корректировки мер социально-демографической и семейной политики в регионе.

Выводы

Существующая теоретико-методологическая ситуация неопределенности понятия «семья мигрантов», невнимание исследователей к требованию разработки и использования логически строгой терминологии, продемонстрированные выше по тексту, снижают достоверность и прикладную значимость результатов эмпирических социологических исследований семей, совершающих/совершивших международный миграционный переход, препятствуют достижению понимания механизмов взаимодействий, взаимовлияния семей мигрантов и принимающего социума, претерпевающих в этих взаимодействиях порой серьезные изменения, не позволяющие оценить масштабность влияния се-

мейной миграции на социокультурную сферу принимающей территории в целом и на инфраструктуру семейной политики, реализуемой органами государственной власти, значение этого процесса для современного и будущего состояния общества. Авторами сформулированы гипотеза об изменениях ценностно-ориентационной сферы мигрантской семьи (семьи с мигрантской историей), накопление которых дает основание для вывода о завершении (в основном) периода адаптации семьи к условиям жизни в принимающем обществе, а также предложение о выделении мигрантской семьи как категории (единицы статистического учета) в официальной статистике в расчете на то, что по мере уточнения термина «семья мигрантов», «мигрантская семья» может настать время для реализации этого предложения.

В статье описана попытка приближенной оценки объема миграционного потока семей в 2017–2021 гг. в южные районы Тюменской области из трех стран СНГ: Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан, использован для этого метод Ферми. Несомненно, описанная методика требует проверки на фактических данных. Тем не менее предложенный алгоритм способен масштабироваться, его можно применить к другим регионам или к другим исследовательским задачам в той мере, в какой он сможет дать приближенную количественную оценку социального явления, процесса. Исследовательская практика в конечном итоге даст свое заключение о применимости метода в целом или для некоего класса задач.

Проделанный авторами расчет показал, что в этот период из названных стран прибыли на территорию Тюменской области 600 семей — полагаем, эта численность прибывших достаточна, чтобы вызвать определенное напряжение в работе инфраструктуры региона, обеспечивающей жизнедеятельность семей. Информация о числе семей, прибывающих в регион для работы, обучения, лечения и т. п., значима, позволяет, на наш взгляд, углубить представления о миграционных процессах на территории региона как важном факторе, влияющем на его социально-экономическое развитие. Представляется необходимым комплексно оценивать семейную миграцию как отдельную форму миграционного поведения, требующую изучения, понимания его влияния на социальные процессы в регионе, учета этого влияния на государственном и муниципальном уровнях в целях обеспечения бесконфликтной адаптации и интеграции мигрантских семей в принимающее сообщество, повышения уровня социального благополучия всех семей, проживающих в регионе.

Список источников

1. Лисицын, П. П. Границы и содержание миграционного процесса : теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований / П. П. Лисицын. – DOI 10.14515/monitoring.2017.1.02. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1 (137). – С. 11–28.
2. Yang, X. Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China : Individual versus Family Migration / X. Yang. – DOI 10.1068/a32114. – Direct text // Environment and Planning A : Economy and Space. – 2000. – Vol. 32, Issue 5. – P. 769–787.

3. Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» : введ в действие с 31.10.2018. – Москва, 2018. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intelsearch>. – Текст : электронный (дата обращения: 01.06.2023).
4. Трифонова, Е. Поток гастарбайтеров с семьями стал стратегическим фактором. Миграционной политике не хватает последовательности / Е. Трифонова. – Текст: электронный // Независимая газета. – 2023. – 10 янв. – URL: https://www.ng.ru/politics/2023-01-10/1_8630_migrants.html (дата обращения: 10.01.2023).
5. Малиновская, Р. Семейная миграция в Россию. Фактор риска / Фактор безопасности / Р. Малиновская. – Текст : электронный // MEDIA-MIG : сайт. – 2023. – 20 янв. – URL: <https://media-mig.ru/problems/eksperty-sporyat-ob-ugroze-rosta-klanovosti-sredi-migrantov-mneniya-radikal-no-razdelilis/> (дата обращения: 23.01.2023).
6. Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский). – Текст : электронный. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
7. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. – Текст : электронный // Организация Объединенных наций : официальный сайт. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
8. Авдашкин, А. А. Киргизы на Южном Урале : между локальными группами и принимающим сообществом / А. А. Авдашкин. – DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-232-248. – Текст : непосредственный // Этнография. – 2021. – № 4 (14). – С. 232–248.
9. Хамидулин, В. С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее сообщество / В. С. Хамидулин. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1 (35). – 2016. – С. 49–60.
10. Степанов, А. М. Транснациональные практики : к вопросу об определении понятия / А. М. Степанов. – DOI 10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876. – Текст : непосредственный // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – С. 38–49.
11. Акрамов, Ш. Ю. Семьи мигрантов из Таджикистана в России / Ш. Ю. Акрамов, Ф. Ш. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова. – Текст : непосредственный // Социальная среда и социальная политика : новые подходы и инновационные технологии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 5 / Под редакцией С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, З. Х. Саралиевой. – Москва : Экон-Информ. – 2019. – С. 193–199.
12. Осадчая, Г. И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе / Г. И. Осадчая. – DOI 10.15838/esc.2021.1.73.13. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 186–198.
13. Пешкова, В. М. Транснациональное детство. Часть I : постановка вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов / В. М. Пешкова. – DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1803. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 451–467.

14. Johnsdotter, S. European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context / S. Johnsdotter. – DOI 10.1080/13691457.2013.844682. – Direct text // *European Journal of Social Work*. – 2015. – Vol. 18, Issue 1. – P. 81–96.
15. Толмачева, А. Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств : между родиной и Россией / А. Ю. Толмачева. – DOI 10.19181/vis.2022.13.3.830. – Текст : непосредственный // *Вестник Института социологии*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 49–69.
16. Бредникова, О. Дети в мигрантских семьях : родительские стратегии в транснациональных контекстах / О. Бредникова, Г. Сабирова. – Текст : непосредственный // *Антропологический форум*. – 2015. – № 26. – С. 127–152.
17. Статистический ежегодник. Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа) (1990–2021) / в 2 частях в 4 томах, часть I (1990–2016), часть II (2017–2021). – Текст : электронный // Тюменьстат : официальный сайт. – URL: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/72225> (дата обращения: 10.01.2023).
18. Приказ МВД России от 11 июня 2020 г. № 417 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации». – Текст : электронный. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74344224/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.01.2023).
19. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 15 сентября 2020 г. № 545 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за миграцией населения» (с изменениями и дополнениями). – Текст : электронный. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/74653830/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.01.2023).
20. Anderson, P. M. Applying the Fermi estimation technique to business problems / P. M. Anderson, C. A. Sherman. – Text : electronic // *Journal of Applied Business and Economics*. – 2010. – Vol. 10, Issue 5. – URL: <http://t.www.na-businesspress.com/JABE/Jabe105/AndersonWeb.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).
21. Derry, G. N. What Science Is and How It Works / G. N. Derry. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 328 p. – Direct text.
22. Vul, E. V. Measuring the crowd within : Probabilistic representations within individuals / E. V. Vul, H. Pashler. – Direct text // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19, Issue 7. – P. 645–647.
23. Витрина статистических данных. – Текст : электронный. – URL: <https://showdata.gks.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
24. Авдеев, А. А. Особенности и факторы демографической динамики в Киргизской Республике / А. А. Авдеев, И. А. Троицкая. – DOI 10.3897/porecon.5.e67183. – Текст : непосредственный // *Население и экономика*. – Т. 5, № 2. – С. 29–54.
25. Акрамова, Ш. Г. Семья в Узбекистане : переход от многодетной к среднететной семье / Ш. Г. Акрамова, Н. Н. Юлдашев. – Текст : непосредственный // *Демографический потенциал стран ЕАЭС : Сборник статей VIII Уральского демографического форума. Том 1* / Под редакцией А. И. Кузьмина. – Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. – С. 275–279.

26. Минздрав Таджикистана предлагает женщинам реже рожать? – Текст : электронный. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/29521481.html> (дата обращения: 20.01.2023).

References

1. Lisitsyn, P. P. (2017). The scope and content of the migration process: theoretical definition and operationalization of objects of migration studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1(137)), pp. 11-28. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.02
2. Yang, X. (2000). Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China: Individual versus Family Migration. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 32(5), pp. 769-787. (In Russian). DOI: 10.1068/a32114
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019-2025 gody". (In Russian). Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intelsearch>
4. Trifonova, E. (2023). Potok gastarbayterov s sem'yami stal strategicheskim faktorom. Migratsionnoy politike ne khvataet posledovatel'nosti. (In Russian). Available at: https://www.ng.ru/politics/2023-01-10/1_8630_migrants.html
5. Malinovskaya, R. (2023). Semeynaya migratsiya v Rossiyu. Faktor riska / Faktor bezopasnosti. (In Russian). Available at: <https://media-mig.ru/problems/eksperty-sporyat-ob-ugroze-rosta-klanovosti-sredi-migrantov-mneniya-radikal-no-razdelilis/>
6. Handbook on migration terminology (Russian-English) (2011). (In Russian). Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf
7. Mezhdunarodnaya konventsia o zashchite prav vseh trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey. (In Russian). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
8. Avdashkin, A. (2021). The Kyrgyz in the Southern Urals: Between Local Groups and the Host Community. *Etnografia*, (4(14)), pp. 232-248. (In Russian).
9. Khamidulin, V. S. (2016). Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. *Humanities Research in the Russian Far East*, (1(35)), pp. 49-60. (In Russian).
10. Stepanov, A. M. (2018). Transnatsional'nye praktiki: k voprosu ob opredelenii ponyatiya. *Petersburg sociology today*, (10), pp. 38-49. (In Russian). DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876
11. Akramov, Sh. Yu., Akramov, F. S., & Gafurova, Sh. S. (2019). Migrants' families from Tajikistan in Russia. Social environment and social policy: New approaches and innovative technologies. Moscow, Ekon-Inform Publ., pp. 193-199. (In Russian).
12. Osadchaya, G. I. (2021). Assessing the level of social adaptation among young migrants in the megapolis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), pp. 186-198. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13

13. Peshkova, V. M. (2021). Transnational Childhood. Part I: The Review of Theoretical Approaches and Formulation of the Research Question. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 451-467. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1803
14. Johnsdotter, S. (2015). European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context. *European Journal of Social Work*, 18(1), pp. 81-96. (In English). DOI: 10.1080/13691457.2013.844682
15. Tolmacheva, A. Yu. (2022). Families of migrants from post-soviet states: between homeland and Russia. *Bulletin of the institute of sociology*, 13(3), pp. 49-69. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830
16. Brednikova, O., & Sabirova, G. (2015). Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Forum for anthropology and culture*, (26), pp. 127-152. (In Russian).
17. Statisticheskiy ezhegodnik. Tyumenskaya oblast' (krome Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry i Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) (1990-2021) / v II chastyakh, v 4 tomakh, chast' I (1990-2016), chast' II (2017-2021). (In Russian). Available at: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/72225>
18. Prikaz MVD Rossii ot 11 iyunya 2020 g. No 417 "Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po predostavleniyu gosudarstvennoy usluzhi po vydache inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva vida na zhitel'stvo, zamene inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva vida na zhitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/74344224/paragraph/1:0>
19. Prikaz Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki ot 15 sentyabrya 2020 g. No 545 "Ob utverzhdenii form federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya s ukazaniyami po ikh zapolneniyu dlya organizatsii federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya za migratsiey naseleniya" (s izmeneniyami i dopolneniyami). (In Russian). Available at: <https://ivo.garant.ru/#/document/74653830/paragraph/1:0>
20. Anderson, P. M., & Sherman, C. A. (2010). Applying the Fermi estimation technique to business problems. *Journal of Applied Business and Economics*, 10(5), pp. 1-10. (In English). Available at: <http://t.www.na-businesspress.com/JABE/Jabe105/AndersonWeb.pdf>
21. Derry, G. N. (2002). *What Science Is and How It Works*. Princeton, Princeton University Press, 328 p. (In English).
22. Vul, E., & Pashler, H. (2008). Measuring the crowd within: Probabilistic representations within individuals. *Psychological Science*, 19(7), pp. 645-647. (In English).
23. Vitrina statisticheskikh dannykh. (In Russian). Available at: <https://showdata.gks.ru/>
24. Avdeev, A. A., & Troitskaya, I. A. (2021). Features and factors of demographic dynamics in the Kyrgyz Republic. *Population and Economics*, 5(2), pp. 29-54. (In Russian). DOI: 10.3897/popecon.5.e67183

25. Akramova, Sh. G., & Yuldashev, N. N. (2017). Family in Uzbekistan: transition from the large to the medium-size family. Demograficheskiy potentsial stran EAES: Sbornik statey VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma. Tom 1. Ekaterinburg, Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN Publ., pp. 275-279. (In Russian).

26. Minzdrav Tadzhikistana predlagaet zhenshchinam rezhe rozhat'? (In Russian). Available at: <https://www.currenttime.tv/a/29521481.html>

Информация об авторах / Information about the authors

Ткачева Нина Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Юдашкин Андрей Валентинович, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, младший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень, ajelers@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-1043>

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Main Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Andrey V. Yudashkin, Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Junior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, ajelers@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-1043>

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 01.11.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 01.11.2023.

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке»:
https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 25.12.2023. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 11.12. Усл. печ. л. 20,25 Тираж 500. Заказ № 2756.
Распространяется по подписке. Цена свободная.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.